

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

ЭКОЛОГИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ПЕРЕВОД

*Материалы всероссийской онлайн-конференции,
посвящённой 15-летию кафедры перевода и межкультурной
коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков
Бурятского госуниверситета
(Улан-Удэ, 30 сентября — 1 октября 2020 г.)*

Научный и ответственный редактор
П. П. Дашинимаева, доктор филологических наук, профессор

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2020

УДК 81'25:574

ББК 81.006.5

Э 40

Редакционная коллегия

Н. С. Цыбикова, кандидат филологических наук, доцент

Л. М. Орбодоева, кандидат педагогических наук, доцент

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Текст печатается в авторской редакции

Э 40 **Экология. Коммуникация. Перевод:** материалы всероссийской онлайн-конференции, посвящённой 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета (Улан-Удэ, 30 сентября — 1 октября 2020 г.) / науч. и отв. ред. П. П. Дашинимаева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2020. — 168 с.
ISBN 978-5-9793-1544-7

В сборнике представлены статьи ведущих отечественных ученых отрасли «межкультурная коммуникация и перевод», преподавателей вузов, аспирантов и магистрантов по вопросам экологии коммуникации — от методологии исследования межкультурной коммуникации, объектов перевода и дискурсологии до общей и специальной методики преподавания перевода и иностранных языков. Материалы конференции представляют контакты языков-культур в новом для российской науки направлении — эколлингвистика.

Ecology. Communication. Translation: collection of papers of the All-Russian scientific conference (Ulan-Ude, 30 September — 1 October, 2020) / sci. and exec. ed. P.P. Dashinimaeva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2020. — 168 p.
ISBN 978-5-9793-1544-7

The collection contains articles on communication ecology — from the methodology of language contacts in intercultural communication, objects of translation and discourse to methods of teaching translation and foreign languages, both overall and particular issues, written by leading Russian scientists in the field of intercultural communication and translation, university teachers, postgraduates and undergraduates. The conference materials present the issues of interconnection of languages and cultures in the new trend of Russian science — ecolinguistics.

УДК 81'25:574

ББК 81.006.5

ISBN 978-5-9793-1544-7

© Бурятский госуниверситет, 2020

Содержание

Вступительное слово.....	5
--------------------------	---

I. ОНТОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИИ ЭКОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ

<i>Клюканов И. Э.</i> Несколько замечаний об экологичности коммуникации.....	6
<i>Дашинимаева П. П.</i> Методология межкультурной коммуникации vs. экология мышления.....	11
<i>Горшкова В. Е.</i> Экология межкультурного взаимодействия (на материале современного французского кино).....	18
<i>Куницына Е. Ю.</i> Эко-логика перевода и другие его счастливые синергии.....	28
<i>Цыбикова Н. С., Шипицына Л. Г.</i> Перевод концепта "страдание" (на материале романа Б. Л. Пастернака "Доктор Живаго").....	42
<i>Платицына Т. В., Ринчинова Д. Б.</i> Игровая теория в переводе инфографики как рекламного сообщения.....	49
<i>Марактаева С. В.</i> Социальная идентичность автора исходного текста через призму дискурс-анализа Т. ван Дейка....	58
<i>Сухих Д. А.</i> Экология научной культуры (на примере французского микрометражного кино)	66

II. ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКОЛОГИИ МОНО- И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Гавриленко Н. Н.</i> Преадаптивность в дидактике перевода ...	73
<i>Иванова О. Ю.</i> Перевод в контексте экологии языка, культуры и коммуникации	80
<i>Зарубин Д. Д.</i> Метатеория переводческого процесса: синтез квантовых, биосемиотических и синергетических положений	86
<i>Заровняева С. С., Орбодоева Л. М.</i> Модель обучения иноязычной профессиональной коммуникации в условиях тригглоссии.....	98
<i>Будаева Ц. Л.</i> Методические рекомендации по переводу паремий в аспекте реализации переводческих компетенций...	106

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ

<i>Алексеева И. С.</i> Интерактивные модели коммуникации через перевод внутри России	114
<i>Манчурина Л. Е., Васильева А. А.</i> Экология в переводе как фактор сохранения родного языка	128
<i>Разумовская В. А.</i> Голоса Сибири в мировом культурном контексте: что «слышат» читатели переводов	135
<i>Находкина А. А.</i> Лингвистическая экология арктического и субарктического регионов России: проблемы перевода и межкультурного диалога	143
<i>Семенова Э. В.</i> Прагматический аспект перевода названий фильмов с китайского на русский язык	149
<i>Щурик Н. В.</i> Мода vs межкультурная коммуникация в эпоху глобализации (транслатологический аспект)	157
Сведения об авторах.....	166

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абсолютно логично, что наука пришла наконец к экологии в плане методологии исследования. Ученые, работающие в разных отраслях, поняли, что главное, чем сегодня должен руководствоваться человек, это безопасность — безопасность жизни, природы, внешней и внутренней как среды обитания, безопасность ремесла, языка и коммуникации. В основе всех этих составляющих семиосферы лежит безопасность мышления, которая обычно формулируется как этическая и технологическая культура мышления: если обитающий планеты нравственно стоек (в положительном смысле слова), он не наносит вред окружению ни физическим, ни вербальным поведением, если он операционально хорошо освоил специальность, он не опасен в работе, так как производит экологический продукт (материальный и идеальный).

Последний затрагивает в частности язык-речь, моно- и межкультурную коммуникацию. Здесь обнаруживается множество модусов — от экологии языка в плане сохранения его витальности, в т.ч. через (ре)брендинг, эстетики языка-коммуникации, толерантности к другой культуре через релевантное дискурс-поведение до системы принципов и средств обучения языку, опеспечивающей умение алгоритмизировать в нужном русле профессиональное мышление. Важное место в лингвоэкологии занимает переводческое посредничество между культурами. Эта область межъязыкового взаимодействия, особенно в предпереводческой мыслительной части, все глубже исследуется с позиции когнитивной психологии, нейропсихолингвистики, тем самым подвергается сомнению абсолютизация тезиса о ее прикладном характере: мы постулируем, что это прикладная наука с элементами фундаментальной. Основанием для вывода служит наличие уникального семиозиса (который не может иметь место в монопольном процессе) — алгоритмизируемой многоуровневой ментальной деятельности по синхронизации множества факторов, активизирующихся по обе стороны контактирующих культур в процесса перевода.

*С пожеланием приятного чтения
Полина Дашининаева*

I. ОНТОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИИ ЭКОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81.25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-6-10

© Клюканов Игорь Энгелевич

Российский новый университет, г. Москва,
Восточно-Вашингтонский университет, США
igorklyukanov@yahoo.com

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ЭКОЛОГИЧНОСТИ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье делается несколько замечаний по проблематике, которая объединяет вопросы экологии, коммуникации и перевода. Рассматриваются различные определения экологии, которые проявляются в ее терминологических обозначениях. Отмечается, что суть экологии понимается точнее, если она определяется как наука о взаимодействиях организмов между собой и с их средой обитания, особенно учитывая этимологию слова. Указывается, что, если рассматривать коммуникацию с системных позиций, то экологичность следует считать ее неотъемлемой характеристикой. В этом смысле наши усилия должны быть направлены на создание благоприятной языковой экологии. Еще один момент, который затрагивается в статье, это вопрос об уровнях в коммуникативной системе и ее границах. Отмечается, что уровни в любой коммуникативной системе носят условный характер и что ее границы не являются раз и навсегда заданными, а определяются динамикой взаимодействий. Внимание обращается также на особую роль перевода, в том числе межсемиотического перевода.

Ключевые слова: экология, коммуникация, перевод, язык, витальность.

Klukanov Igor E.

Russian New University, Moscow, RF

East Washington University, US

igorklyukanov@yahoo.com

SEVERAL REMARKS ON COMMUNICATION ECOLOGY

Abstract. In the article, several remarks on the problematic of ecology, communication and translation are made. Various definitions of ecology, manifest in its terminological designations, are considered. It is noted that the essence of ecology is understood more accurately if it is defined as the science of the interactions of organisms with one another and with their environment, especially considering the etymology of the word. It is emphasized that if we consider communication from the systems point of view, then all communication is inherently ecological. In this sense, our efforts should be aimed at creating a favorable language ecology. Another point touched upon in the article is the issue of levels in the communication system and its boundaries. It is noted that the levels of any communicative system are arbitrary and that its boundaries are not fixed, but determined by the dynamics of interactions. Attention is also drawn to the special role of translation, including intersemiotic translation.

Keywords: ecology, communication, translation, language, vitality.

Прежде всего хочется отметить важность и актуальность тематики конференции, которая объединяет вопросы экологии, коммуникации и перевода. В последнее время все чаще говорят об экологии знаний, медиа экологии, экологии языка, эколлингвистике, экологической коммуникации, коммуникативной экологии и т.д. Данная небольшая статья содержит несколько замечаний по проблематике, которая объединяет вопросы экологии, коммуникации и перевода.

Обратимся к термину 'экология', который ввел в научный обиход немецкий биолог Эрнст Геккель. Экологию принято определять как науку об отношениях организмов между собой и с окружающей средой или как науку о взаимодействиях организмов между собой и с их средой обитания. Именно так понимается, например, 'языковая экология', которую Эйнар Хауген определяет как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением. Мы видим, что речь идет об отношениях или взаимодействиях, в результате которых

образуется некое целое, т.е. некая система. В этом смысле экологическое мышление — как в плане биологических, так и в плане социо-культурных явлений (например, языка) — носит системный характер.

Между тем, как представляется, этот характер не всегда четко осознается, что проявляется в терминологических обозначениях. Вернемся к только что данным определениям экологии.

Когда она определяется как наука об отношениях организмов между собой и с окружающей средой, то акцент делается на чем-то внешнем, т.е. том, что нас окружает. Соответственно, легче становится реифицировать среду, рассматривая ее как некий отдельно существующий объект. Именно об этом говорил Грегори Бэйтсон, когда указывал, что понятие экологии политизируется и переводится на коммерческую основу. Примером является выражение 'охрана окружающей среды', которое достаточно парадоксально: как пишет Борис Гройс, «окружающее нельзя охранять — можно охранять только то, что находится внутри» [1, с. 174]. Иными словами, здесь человек изолирует себя от природы, и, когда мы говорим об 'охране окружающей среды', то забываем, что охраняем ее от самих себя. Когда же экология определяется как наука о взаимодействиях организмов между собой и с их средой обитания, то данное обозначение точнее передает смысл экологии, поскольку та — если вспомнить этимологию слова — это наука (*logos*) о 'доме, местообитании' (*oikos*). Можно также вспомнить слова Мартина Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» [2, с. 162]. Таким образом, необходимо помнить, что наши взаимодействия с Другими образуют единую экосистему, единое место обитания, и что мы должны относиться к Другим не как к отдельному объекту, а как к части общей системы и, значит, части себя. Так, например, надо подходить к вопросу о языковом многообразии и сохранении языков: другие языки — это не окружающая среда, а общая среда обитания; и, если исчезает язык, то исчезает и часть каждого из нас. Соответственно, справедливо и обратное: взаимодействуя с другими культурами, в том числе и благодаря переводу, наша общая среда обитания становится богаче и жизнеспособней.

Таким образом, если рассматривать коммуникацию с системных позиций, то мы увидим, что экологичность является ее неотъемле-

мой характеристикой. В этом смысле коммуникация по определению экологична.

Часто, однако, экологичность понимается как качество чего-либо, отражающее его способность не наносить вреда окружающей природе; иначе говоря, экологично — значит бережно в отношении существующего. Между тем экологичность предполагает взаимодействия организмов между собой и с их средой обитания, а какими являются эти взаимодействия — уже другой вопрос. Точнее, как представляется, говорить не об экологичности как чем-то 'хорошем' и 'неэкологичности' как чем-то 'плохим', а о благоприятной или не благоприятной экологии: благоприятная та, которая способствует чему-нибудь, в нашем случае — языковому многообразию и, соответственно, витальности любого языка. Именно на создание благоприятной языковой экологии должны быть направлены наши усилия.

Еще один важный момент — это, какие уровни можно выделить в коммуникативной системе и где заканчиваются ее границы. Вот, например, как проводятся параллели между биологическими и языковыми системами применительно к переводческой экологии в статье, которая называется 'Экологии перевода: Руководство для начинающих' [3]. Первый (самый низкий) уровень — это Индивидуальный, т.е. уровень конкретных авторов, переводчиков, издателей и т.д. Следующий уровень — это уровень Популяции или Населения, который объединяет авторов, переводчиков, издателей и т.д. Далее идет уровень Сообществ, на котором уже выделяются взаимоотношения авторов, переводчиков, издателей и т.д. Затем следует уровень Экосистем, который представлен литературными полисистемами, куда входят такие факторы, как канонические и популярные тексты; тексты для взрослых и для детей; письменные и перформативные произведения и т.д. Далее идет биомный уровень; в биологии биом — это совокупность экосистем одной природно-климатической зоны, а в переводе, согласно авторам, это совокупность литературных форм. И, наконец, высший уровень — это уровень мировой литературы. Здесь следует сделать два важных замечания. Во-первых, уровни любой коммуникативной системы носят условный характер и зависят от задач и проницательности исследователя; их может быть меньше или больше: главное — чтобы они складывались в целостную систему. И, во-вторых, границы коммуникативной системы не являются раз и навсегда заданными: они

определяются лишь тем, где, с той или иной точки зрения, заканчиваются чьи-то взаимодействия с Другими. Например, с одной точки зрения, взаимодействия отдельного переводчика заканчиваются на уровне сообщества; а с другой — на уровне мировой литературы. Разумеется, это могут быть какие-то другие уровни.

И — в связи с этим — еще одно, последнее, замечание. Экосистема — одно из ключевых понятий экологии — обозначает устойчивую систему, в которой участвуют объекты живой и неживой природы. Соответственно, основная граница, которую мы проводим (в своем мышлении), это, возможно, различие между так называемыми живыми и так называемыми неживыми компонентами системы. Показательно, что все чаще ученые обращают внимание на роль в коммуникации 'не-человеческих' (non-human) компонентов. Указывают, например, что существует связь между исчезновением языков, растений и животных. Отмечают также, что область перевода должна включать в себя взаимодействия людей и животных как пример межсемиотического перевода; в этом плане особого внимания заслуживает то, что мы едим: экология, еда и перевод все чаще становятся предметом научных статей [4]. В этой связи не удивительно, что в последних публикациях по эко-переводоведению затрагиваются этические вопросы, например [5].

Литература

1. Гройс, Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. 374 с.
2. Хайдеггер, М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Beebee, Th., Childress, D. & Weidman, S. Translation ecologies: A beginner's guide. *Interdisciplinary Studies of Literature*. 2017. Vol. 1, No. 4. Pp. 1–14.
4. Cronin, M. The moveable feast, translation, ecology and food. *The Translator: Studies in intercultural communication*. 2015. Vol. 21, No. 3. Pp. 244–256.
5. Hu, H.G. (Ed.). *Eco-Translatology. Towards an eco-paradigm of translation Studies*. Springer, 2020. 336 p.

УДК 81

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-11-17

© **Дашинимаева Полина Пурбуевна**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

pdash@bsu.ru

ЭКОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ VS. МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема методологии исследования экологии мышления от науки в целом до переводоведения в частности. В рекомендациях операционального характера автор предлагает учесть наработанные в истории науки концепции онтологического и дидактического характера, но при этом избегать множить сущее без необходимости. В экологизации мышления переводчика как ремесленника и гражданина современного мира предлагается обучающемуся понять прежде всего непосредственный когнитивный механизм речемыслительной деятельности, и, отталкиваясь от этого, научиться технологизировать научно-профессиональное мышление, регулировать и активировать обыденное мышление в нравственном и физическом ключе. Развитие культуры мышления также вызвано дидактической необходимостью освоения универсальных и профессиональных компетенций, прописанных в ФГОС ВО второго поколения.

Ключевые слова: экология, мышление, осознанное и неосознанное мышление, когнитивный, межкультурная коммуникация, перевод.

Dashinimaeva Polina P.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

pdash@bsu.ru

MINDSET ECOLOGY VS. INTERCULTURAL COMMUNICATION METHODOLOGY

Abstract. The paper deals with a methodology in research of mind/mindset ecology. To start with, there is a display of corresponding theories in science which are recommended to transfer in translation studies as operation tools. Thus, the author proposes to apply ontological and didactic concepts developed

in the history of science, but avoiding ungrounded multiplication of scientific substances. In “greening” their translator’s and citizen’s mind, the student is invited to understand, first of all, the cognitive mechanism of speech-thinking activity, and then, to learn to regulate and activate consciously the proper scientific and professional thinking modes, and everyday mind in a moral and a physical aspect. Developing ways of thinking is also prescribed in the Federal Standard of higher education as the effective policy of universal and professional competence acquisition.

Keywords: ecology, mind/mindset, conscious and unconscious thinking, cognitive, intercultural communication, translation.

Как метко отмечается мыслителями разных эпох, эволюция, в том числе научных парадигм, происходит спиралевидно. Если время начинает сигнализировать о тотальном наступлении и реализации социальных, идеологических, образовательных и другого рода проектов, вступающих в противоречие с гуманитарной мыслью, потому обуславливающих неэкологичное бытие внутри среды обитания, на стезе науки «с жаром подвигается» новое направление. В нашем случае — это экология.

Логично, что новый подход к коммуникации с точки зрения ее экологии / экологичности вначале развивался как аналитическая реакция на негативное воздействие средств коммуникаций на умы и сознание слушателей, зрителей и читателей. То, что тезис канадского исследователя Маршалла Маклуэна *The medium is the message* (Understanding Media: The Extensions of Man, 1964) получил свое остроумное развитие в работе 1967 г., в т.ч. в ее названии «The Medium Is the Message: An Inventory of Effects», уже полвека назад недвусмысленно указал на опасную сущность ресурсов воздействия [3; 4].

Сегодня медийное начало направления расширилось по всем возможным траекториям от экологии отдельных языковых средств до технологизации мышления, где в промежутке можно найти исследования по безопасности жизнедеятельности языка, (ре)брендированию регионального языка-культуры с целью возвращения статуса его витальности, по вопросам использования средств коммуникации в плане эстетики — проблемам, которые напрямую уводят нас в русло дидактики и педагогики.

В этом необычайно широком разбросе научных толкований исходную позицию, по-видимому, должна занимать экология мышле-

ния, поскольку все действия человека обуславливаются способами его мыслительной деятельности. Так, предлагается распространить принципы «экологического мышления» на сферу самого мышления следующим доводом: «Ноосфера (область разума) загрязнена отходами интеллектуального производства, идеологической деятельности не менее, чем биосфера — отходами технических производств» [2]. Как тонко указывает М. Н. Эпштейн, сами мысли стали орудием изобретения идей, подчиняющих себе все сферы жизни общества через «опутывания причинно-следственными связями, стальными цепями посылок и заключений», потому следует лечить саму мысль, иначе это «грозит саморазрушением человеку как мыслящему существу» и антропологической катастрофой [2]. Другими словами, продуктом экологического мышления является не преследующий цели вне себя способ поведения, «честно» синхронизированный с самим мышлением, которое не вступает в противоречие с нравственными устоями.

В рамках каких векторов можно разрабатывать прескрипции относительно экологизации мышления? Согласно обзору современной литературы, семантическую таксономию экологического мышления как объекта научного исследования можно разграничивать, по крайней мере, на четырех уровнях:

1) позитивность мышления в применении веры для преодоления препятствий, обретении достойных ценностей жизни и освоении упорядоченного образа жизни (Norman Peale, *The Power of Positive Thinking*, 1952);

2) противостояние негативному воздействию способов и средств коммуникации на культуру и цивилизацию, на психологию общества и психику индивидуума (Marshall McLuhan, *The Medium Is the Message*, 1967);

3) дидактическое изучение воздействия средств коммуникации как окружающей среды (Neil Postman, *The Ecology of Learning*, 1974, *The End of Education: Redefining the Value of School*, 1995);

4) культура мыслительной деятельности и интеллектуального творчества (Михаил Эпштейн, *Экология мышления*, 1982).

Однако в качестве первого траектория, либо даже исходной эпистемы ко всем четырем названным, думается, можно предложить основные положения буддийской концепции однонаправленного мышления, нацеленного на нравственное очищение состояния ума и

обретение заслуг-добродетелей, технология достижения которых описана в трактатах еще 2500 лет назад.

Логично, что экологию мышления тесно связывают с системой языка-речи и моно- и межкультурной коммуникации — с самой средой, где способ мышления индивида/общества в определенной степени отражается. Когда мы утверждаем, что монокультурное пространство — это взаимодействие коммуникантов внутри одной общей экосистемы, второе — между отличными контактирующими экосистемами, мы непременно ловим себя на мысли, что круг замкнулся, поскольку обо всем этом многократно написано и сказано лишь с той долей разницы, что в них фокус внимания на экологичности общения не столь заострен, а если заострен, то не манифестирован в приставке *эко-*. Подобные размышления лишний раз предостерегают нас, лингвистов, от желания множить сущее без необходимости.

Для того чтобы бритвой Оккама отсекал псевдонаучность вопросов экологии мышления в сфере коммуникации, очевидно, следует сообразно самой природе мыслительной деятельности ставить вопросы на биологически внутреннем уровне — в рамках атомарного подхода к изучению мышления-языка-мысли-речи, в т.ч. психо-нейролингвистического. Здесь в качестве исходной эпистемы разграничиваем спонтанное (неосознанное) и управляемое (осознанное) мышление, а целенаправленная экологизация способов мышления происходит, конечно, во втором случае. Также признаем, что внутри когнитивной системы субъекта существуют связанные друг с другом, но при этом независимые, генеративные системы — фонология, синтаксис, лексикон и семантика.

Далее принимаем постулаты более операционального характера:

1. Мышление и внешняя речь нейрофизиологически изолированы как этапы семиозиса; процесс использования языковых знаков — постмыслительный этап.

2. Между мышлением и внешней речью находится этап дискурсивного мышления. Если последнее свести к прагматике, то в монокультурной коммуникации — это ревизия мысли на предмет ее превращения в мысль для другого путем прогнозирования его / ее способов мышления-познания; в межкультурной коммуникации — прогнозирование способов мышления-познания носителя культуры-2.

3. В вербальном знаке возможна только относительная манифестация способов познания и мышления — тезис, постулирующий

априорные различия между тем, что мы видим и нашими внутренними репрезентациями того, что мы увидели (ср. А. Коржибски, *Карта не есть территория*, И. Кант, *копии копий*). Соответственно, поведение языкового знака не может служить непротиворечивой доказательной базой.

Напомним, что данные условия сжато представляют собой когнитивный механизм естественного семиозиса. Первое подробно описано в нейрофизиологии, особенно в части «афизиология», второе и третье — в лингвофилософии, когнитивной психологии и психолингвистике.

В процессе освоения ремесла посредника в коммуникации культур обучающиеся должны научиться четко представлять когнитивную природу речемыслительной деятельности посредством экстраполяции динамической сути этих трех аксиом к собственным семиотическим практикам. И лишь при условии четкого понимания и принятия их за основу осознанный, т.е. регулируемый самим субъектом, процесс экологизации — в аспекте культуры мышления переводчика — может приобретать характер определенных задач-необходимостей. Здесь упомянутая выше таксономия экологического мышления может быть адаптирована к профессиональному контексту и выступить как список первоочередных задач:

- привитие культуры мыслительной деятельности и интеллектуального творчества, обоснованное убеждением в том, что умение организовывать, алгоритмизировать (технологизировать) способы мышления является ключом к умению моделирования перевода, что значит, к успешному освоению профессиональной деятельности;

- способствование обретению будущими переводчиками достойных ценностей жизни через противостояние негативному воздействию средств коммуникации, обоснованное в т.ч. задачей развития ряда универсальных компетенций (УК), прописанных в ФГОС ВО 2020 года: воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах (УК-5), создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды и т.д. (УК-8), формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению (УК-11);

- работа над собой в физическом и интеллектуальном аспектах для упорядочения образа жизни (ср. Выпускник способен управлять

своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни (УК-6); поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (УК-7).

Другими словами, для того чтобы максимально эффективно использовать физиологический потенциал своего мозга (необходимость, вызванная требованиями к высокому интеллектуальному статусу выбранной профессии) не только следует перманентно и осознанно развивать его как орган, работающий нехаотично, а методично и последовательно в соответствии с заданной исходной коммуникативной целью, но и развиваться и совершенствоваться в физическом и нравственном аспектах. Последнее архиважно даже с той точки зрения, что транслятор должен аутентично понимать, каково это, физически и мысленно вести себя как автор, который является хорошим человеком.

Полезность и выгодность для самого обучающегося экологизации и научно-профессионального, и обыденного мышления обосновываются когнитивной закономерностью развития языковых и речевых умений и обеспечения функциональной стабильности ментального и вербального поведения в нравственном ключе и в физическом аспекте. Речь идет о правиле: чем чаще индивид осознанно производит ментальный, вербальный и физический акт, тем функционально стабильнее становятся те нейронные связи, которые отвечают за их производство [1]. Получается, для обеспечения жизнестойкости в когнитивном состязании — стать ли профессионалом в ремесле или остаться посредственным юзером запомнившихся слов и структур, стать ли при высоко профессиональных умениях хорошим и сильным гражданином сложно устроенного мира и раздираемого на куски в угоду личностных амбиций общества, следует лишь активно *управлять* мышлением в нужном — экологичном — направлении.

Литература

1. Дашинамаева П. П. К вопросу о семиотических механизмах эволюции языка // Вопросы филологии. 2012. Раздел «Теоретические проблемы лингвистики». № 3. С. 6–11.

2. Эпштейн М. Н. Экология мышления [Электронный ресурс]. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_ecology_thinking.html (дата обращения: 17.09.2020).

3. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. 1964 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.mit.edu/allanmc/www/mcluhan.mediummessage.pdf> (дата обращения: 11.09.2020).

4. McLuhan M., Fiore Q., Agel J. The Medium Is the Massage : An Inventory of Effects, 1967. 126 p. Singapore: Digitalized Edition. Jackendoff R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution. 2002.

УДК 81.25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-18-27

© Горшкова Вера Евгеньевна

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

gorchkova_v@mail.ru

ЭКОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (на материале современного французского кино)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы экологии межкультурного взаимодействия на примере одной французской семьи, включающей представителей пяти этносов, так и не преодолевших национальные стереотипы. Отражая картину мира участников общения, ситуация, характерная для современной эпохи, как лакмусовая бумажка, вскрывает проблемы мира в эпоху глобализации, одной из характерных особенностей которой является развитие новых технологий и интернета. Показано, что достижение толерантности и диалога культур — трудноразрешимая проблема в современном поликультурном мире, что находит свое отражение в дискурсе героев фильма. Исследование проведено на материале комедии французского режиссера Ф. де Шеврона «Qu'est-ce qu'on a encore fait au bon Dieu?» (2018).

Ключевые слова: экология, межкультурное взаимодействие, стереотип, картина мира, глобализация, толерантность.

Gorshkova Vera E.

Irkutsk State University, professor

Irkutsk, Russian Federation

gorchkova_v@mail.ru

INTERCULTURAL INTERACTION ECOLOGY (based on the material of modern French cinema)

Abstract. The paper deals with the problems of the intercultural interaction ecology based on the example of one French family who come from five different ethnic groups but have failed to overcome national stereotypes. This situation, so typical of the modern time, reflect the communicators' worldview, like a canary in the coal mine. It is also indicative of challenges the world faces in the age of globalization that is marked, among the other things, by a rapid

development of new technologies and internet. It is shown that it is very hard to attain tolerance and dialogue of cultures in the modern multicultural world what finds its reflection in the discourse of the film characters. The work is based on the analysis of comedy «Qu'est-ce qu'on a encore fait au bon Dieu?» (2018) by French director Philippe de Chauveron.

Keywords: ecology, intercultural interaction, stereotype, worldview, globalization, tolerance.

Наша конференция носит весьма символическое и мудрое название: ЭКОЛОГИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ПЕРЕВОД. Название это соединяет три важнейших сущности современности: как невозможно не говорить об экологии, проживая на берегах седого Байкала, так и невозможно говорить о переводе, не опираясь на понятие коммуникации в аспекте межкультурного взаимодействия.

Оговоримся сразу, что в нашей статье не будет идти речи о таких важных междисциплинарных дисциплинах как экология языка или эколлингвистика, поскольку «интеграция научных дисциплин в большинстве случаев приводит к терминологическому сбою» [3, с. 63]. Мы же будем отталкиваться от понятия экологии / экологии человека в самом широком его понимании. Итак:

Эколóгия (рус. дореф. ойкология) (от др.-греч. οἶκος — обиталище, жилище, дом, имущество и λόγος — понятие, учение, наука) — наука о взаимодействиях живых организмов между собой и с их средой обитания.

Экология человека — наука, в сферу интересов которой входит изучение взаимодействия человека как представителя природы и представителя общества со всеми компонентами окружающей среды. Экология человека делает упор на биологической составляющей человека — его здоровье и безопасности жизни.

В этих общих определениях прослеживается сущность человека как отдельного вида в его тесной, практически неразрывной связи со средой обитания и обществом. То есть, с одной стороны, его величество ЧЕЛОВЕК, с другой — СРЕДА и ОБЩЕСТВО, окружающее человека и населяющее эту среду, поскольку, как говорили классики, во-первых, «бытие определяет сознание», а во-вторых, невозможно «жить в обществе и быть свободным от общества».

Соответственно, в нашем стремительно изменяющемся мире человек с необходимостью должен вступать не просто в диалог, а скорее в полилог культур с другими представителями своего вида.

Проблема эта достаточно остро ставится в эпоху глобализации, способствующей стиранию географических границ и облегчению общения людей благодаря развитию новых технологий и сети Интернет. Но эти же факторы требуют изменения самих подходов к общению, увеличению градуса политкорректности дискурса, поскольку межэтническое общение не только не облегчается, но в определенной степени усугубляется вполне оправданным стремлением представителей отдельных этносов сохранить свою национальную самобытность, на что указывают исследователи в рамках лингвокультурологии, психолингвокультурологии и переводоведения.

Упрощению межличностных отношений и социальных контактов в настоящем времени культуры нередко способствуют национальные стереотипы [6, с. 166]. А необходимый социокультурный контекст для анализа создают кинофильмы, показывающие важность развенчания последних, сложившихся в течение веков. В качестве примера можно привести фильм 2014 года американского режиссера Лассе Халльстрёма «Пряности и страсти» совместного производства США и Индии, события которого происходят во французском Провансе и рассказывают о юном индийском поваре, дерзнувшем конкурировать с высокой французской кухней и вышедшем из этого состязания победителем.

Несколько слов об упомянутых выше стереотипах и клише как коррелирующем с ними термине. Обращение к словарным определениям позволяет констатировать их синонимичность: «*клише* — фраза, шаблон, *стереотип*, избитая формула, прописная истина, трафарет, стандарт» [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/22922>] (*курсив наш* — В. Г.). Отдельные авторы разводят эти понятия, определяя клише как стилистическую фигуру, в основе которой лежит банальное избитое выражение. При этом, клише может опираться на стереотипное представление всего коллектива, восстанавливаемое читателем/собеседником на основе существующей модели. Другими словами, клише предстает скорее как понятие лингвистическое, а стереотип — как понятие социальное¹.

Как правило, феномен стереотипа рассматривается в аспекте социального взаимодействия как модель (образец, канон) действия и

¹ Traduction et contextes, contextes de la traduction / sous la direction de Michaël Grégoire et Bénédicte Mathios. L'Harmattan, 2017. P. 206.

поведения, «связанная с определенным (национально) детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации, обусловленным определенным набором потребностей и мотивов»¹, а собственно стереотип предстает как < ...> некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете и ситуации < ...> вообще» [4, с. 231]. Специфической особенностью стереотипа полагается предсказуемость направленных ассоциативных связей, а также его непосредственная связь с картиной мира, понимаемой как «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании», зависящая «от общего контекста и настроения эпохи» [2, с. 88].

В контексте нашего исследования весьма значимым представляется понятие «стереотип культуры», содержащее как объективное отношение к действительности, так и субъективную оценку, непосредственно выводящее исследователя на социокультурные стереотипы [1, с. 271–272]. В своей статье о «правильном использовании стереотипов» в блестящем переводе А. Ф. Фелелова Берт Петерс говорит еще и о стереотипах мышления (*stéréotypes de pensée*), определяемых как «... способы фиксации различных верований, убеждений, общеизвестных мнений, предрассудков и даже суеверий, принятые в данном языковом сообществе», функция которых состоит в том, что они «формируют совокупный образ членов данного сообщества и их представления о тех, кто к ним не относится». Автор анализирует ряд таких значимых для французской культуры понятий, как «недоверие» и «сомнение», а также феномен французского «бухтения» и «ворчанья» (*râlage*): *Les Français sont des râleurs; La France, une nation de râleurs* [5].

Как не вспомнить слова крупнейшего писателя современности, члена Французской академии Жана д'Ормессона: «Ah! qu'il est difficile de sortir du rideau de fumée des préjugés, des modes, des lieux communs, des fascinations collectives où notre vie entière, notre univers sont comme ficelés et englués!» (*Ах как трудно сбросить завесу предрассудков, моды, избитых мыслей, коллективного ослепления, в*

¹ Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. Вып. 1. С. 18.

которых погрязли вся наша жизнь и весь мир! [8, р. 463] (здесь и далее перевод наш — В. Г.).

На наш взгляд, яркой иллюстрацией этих слов может служить материал «этнической» комедии французского режиссера Ф. де Шеврона «*Qu'est-ce qu'on a encore fait au bon Dieu?*» (2018) (букв. «В чем еще мы провинились перед Господом?»), получивший в русском переводе название «Безумная свадьба-2». В основе фильма ситуация в семье добропорядочного буржуа голлиста Клода Вернея, четыре дочери которого «осчастливили» отца избранием в качестве спутников жизни представителей самых разных этносов, соответственно, еврея Давида, араба Рашида, китайца Шао и африканца Шарля, выходца из Кот-д'Ивуар, постоянно чувствующих себя ущемленными, несмотря на французское гражданство, эксплицитными или имплицитными намеками на их происхождение, что находит проявление в дискурсе каждого из героев фильма.

Так, комедийного актера Шарля унижает предложение ничтожных ролей, рассчитанных на участие чернокожих, но обозначенных в сценарии в списке действующих лиц обобщенно — «le Noir». При этом возделенную роль Отелло в театре отдают белокожему актеру. Актер сетует: *Encore un rôle de diler qui a deux répliques. Regarde, il n'y a même pas de prénom. Il s'appelle « le Noir ».* — *Опять роль дилера в две реплики. Посмотри, у него даже имени нет. Написано: просто «черный»!*

Банкир Шао не чувствует себя в безопасности даже в XVI округе Парижа, что усугубляется информацией, передаваемой СМИ: *Il n'est pas très rassurant, le quartier. Justement, c'est dans les quartiers des riches qu'il y a le plus d'agression ! Les racailles vont pas dépouiller d'autres racailles...* — *Да, квартал какой-то подозрительный. Как раз в таких богатых кварталах больше всего агрессии! Зачем ипане грабить себе подобных...* Соответственно, принимая решение возвратиться в Китай, Шао говорит, обращаясь к детям: *Ça devient trop dangereux, la France! Je vais vous remettre en sécurité!* — *Во Франции становится опасно. Поедем туда, где безопасно!*

Предприниматель Давид тщетно пытается найти нишу для организации бизнеса, предлагая объединиться и заняться сначала совместным производством халяльных биопродуктов, затем — портативных холодильников. Учитывая репутацию евреев как сведущих в такого рода деятельности, остальные зятья соглашаются, но быст-

ро разочаровываются в деловых качествах будущего партнера, предпочтения которого сводятся к аренде богатого офиса в престижном округе Парижа, наличию брендовой машины, дорогого костюма, стоимость которого подтверждается забытой этикеткой, и найму привлекательной секретарши: *Moi, c'est le loup de Wall Street. — Я волк с Уолл Стрит!* Такое поведение Давида не соответствует сложившемуся стереотипу-представлению о том, что евреи хороши в бизнесе, что позволяет Шарлю заключить: *Les Juifs ont le sens des affaires, mais vraiment pas tous... — Да, евреи сведущи в бизнесе, но явно не все...*

Настроения героев резко контрастирует с высказываниями самого Клода Вернея и его жены Мари, делающих все возможное, чтобы семьи дочерей остались во Франции и, соответственно, превозносящих последнюю как райскую страну полную всяческих благ, начиная с великолепной гастрономии и заканчивая технологическими достижениями, в частности, пуском нового высокоскоростного поезда (TGV). Осознание избранности только усиливается после посещения супругами Алжира, Китая, Израиля и Кот-д'Ивуар. Сравните: *La France, c'est le jardin d'Eden! Et nos insectes sont plus gentils que les affreux monstres africains! — Франция — райский сад! У нас даже насекомые не такие кусачие, как эти африканские монстры! Rien n'est plus beau que notre beau pays pour apprécier la douceur de vivre! Quoi qu'on en dise, quoi qu'on en parle! — Что бы там не говорили, ничто на свете не сравнится с нашей прекрасной страной. Вот где сладость жизни! On a tout ici! — Здесь есть все!* И даже полученное по прибытии во Францию сообщение о трехмесячной забастовке железнодорожников, из-за которой супругам придется ехать домой на дорогостоящем такси, не омрачает их радужного настроения: *C'est génial! On est en France! — Отлично! Мы дома!*

Кинодиалог фильмов Ф. де Шеврона отражает культурный диссонанс, характерный не только для французского, но любого другого многонационального общества. Однако, следует помнить, что «культурный диссонанс — явление абсолютно естественное, а его сглаживание или преодоление в условиях глобализации необходимо только в случае появления или во избежание риска серьезного цивилизационного конфликта, ставящего под угрозу традиционные фундаментальные ценности принимающей культуры» [7, с. 51].

К сожалению, несмотря на долгие годы проживания во Франции, наши герои не освободились от стереотипов. Так, Шао принимает на свой счет слова официанта, банально повторяющего заказ нашего героя (пастис), полагая, что последний намекает на цвет его кожи. Давид крайне чувствителен к проявлениям антисемитизма, обнаруживая их даже там, где их нет. Рашид негодует, слыша высказывания тестя по поводу Алжира, видя в последних намек на то, что все арабы террористы: *Je suis très attaché à mon pays, mais pour nous, les rabeus, c'est tendu! — Я очень люблю свою страну, но для нас, арабов, здесь не совсем уютно!*

На этом фоне любопытно стереотипное отношение героев фильма к «третьим» культурам. Клод Верней смирился с происхождением своих зятьев, но принимает буквально «в штыки» появление афганского беженца Араша, порекомендованного местным священником для временного проживания в их доме. Ситуация еще более усугубляется, когда от боли в спине Араш надевает корсет, принимаемый Вернеем за пояс шахида, что вызывает у него приступ жестокой агрессии.

Шарль приходит в ужас от предложения жены уехать в Индию: *En Inde? Mais je vais jamais survivre. Encore plus de virus qu'en Algérie! В Индию? Но там не выжить! Там еще больше вирусов, чем в Алжире!* Аналогична реакция на упоминание об Индии у его отца, госп. Коффи, вызывающая упрек сына, уже привыкшего к этой мысли: *En Inde, le pays où les gens se prosternent devant les vaches? Ils sont bizarres là-bas. Ils sont noirs avec des têtes des Blancs. — В Индию? Где люди преклоняются перед коровами? Они там такие странные — черные, а в голове, как у белых!* А вот опоздание «жениха» дочери на встречу с родителями невесты вызывает его одобрение: *Vingt minutes de retard. C'est vraiment un Ivoirien! — Опоздает на двадцать минут. Наш человек!*

Достаточно резкой представляется и реакция Шарля на книгу Трампа, обнаруженную в машине Рашида: *Quoi? Tu lis du Donald Trump?! — Je vous rassure tout de suite, je ne partage pas ses idées, mais dans le milieu d'affaires c'est le topaze des topazes. Je t'assure, c'est archiporteur, quoi! — Ты что? Читаешь Дональда Трампа? — Поверьте, я не разделяю его идеи, но в деловом смысле ему нет равных! Честно!*

Фильм Ф. де Шеврона предстает как изображение в миниатюре современного мира в эпоху глобализации. С одной стороны, всех проживающих на этой планете объединяет доступ к новым технологиям и всемирной паутине. Герои фильма охотно пользуются Wi-Fi и Skype, позволяющими без затруднений вступать в on-line коммуникацию вне зависимости от расстояния, разделяющего собеседников. В противовес сложившемуся стереотипу-представлению о консерватизме старшего поколения его представители выглядят вполне «продвинутыми». Так, жена Вернея Мари усердно занимается скандинавской ходьбой и, к удивлению дочерей, широко пользуется социальными сетями для обмена сообщениями при помощи веб-интерфейса (Facebook, Twitter, Instagram, WhatsApp), правда, не всегда верно воспроизводя их названия: Tu as Facebook?! — Mais oui, c'est le curé qui me l'a installé. J'ai aussi Twitter et Instagram. Je suis une grand-mère deux point zéro, comme il dit ! — *Ты в Фейсбуке? — Ну да, мне наш кюре установил. А еще у меня есть Твиттер и Инстаграм. Я бабушка два точка ноль, он говорит!*

Местный священник, приобщающий Мари к использованию новых технологий, вообще не соответствует стереотипу-образу представителя духовенства. Так, однажды он приходит абсолютно не выспавшимся из-за того, что за два дня посмотрел семь сезонов «Игры престолов». Священник молод, охотно участвует в праздниках и ему нет равных на танцполе.

Не забыта в фильме и деликатная проблема однополых браков, при решении которой мы видим Клода Вернея отступающим от своих принципов и прилагающим невероятные усилия, чтобы убедить свата из Кот-д'Ивуар не противиться браку дочери с ее избранницей, что ему в итоге удается: Vous êtes un homme tolerant! C'est que le monde change trop vite ! — *Вы же толерантный человек. Просто мир слишком быстро меняется! Le problème est ce que nous, les anciens, on a du mal à suivre ! — А мы, старики, за ним не поспеваем!* Однако, как только речь заходит о собственной национальной специфичности, особенно о цвете кожи, все стереотипы возвращаются.

Примечательно, что наиболее толерантными и рассудочными в этом контексте предстают матери семейств. Мари Верней следующим образом отзывается о ситуации в семье в ответ на вопрос священника: Je suis une grand-mère très-très heureuse! Toutes ces

couleurs, toute cette mixité n'est que du miel! — *Я счастливая бабушка! Все эти цвета, все это смешение красок — ну просто мед!* Аналогично и отношение жены госп. Коффи к рождению внука: Blanc, noir, c'est pas important. L'enfant est beau. Lui est sa mère se portent bien! — *Белый, черный, какая разница? Младенец — чудо. И он, и мама здоровы!*

Родители в целом играют не последнюю роль в консолидации семьи, нередко выступая в качестве «переговорщиков», отступая от сложившихся принципов в свете изменения времени культуры. Возрастающая толерантность и гибкость их поведения могла бы послужить некой моделью поведения общества в эпоху глобализации.

Искромётные комедии Ф. де Шеврона в гротескной и увлекательной форме показывают этническое разнообразие жителей нашей планеты, приводящее к формированию труднопреодолимых стереотипов в отношении той или иной культуры. При этом обусловленность межкультурной коммуникации опорой на стереотипы характерна не только для сторонних участников межкультурного общения, но и для самих представителей того или иного этноса, что препятствует взаимопониманию и нередко приводит к конфликтным ситуациям. Соответственно, с одной стороны, непреложным условием выживания человека в эпоху глобализации представляется не нивелирование, но стремление к сохранению самобытности той или иной культуры, уважение к национально-культурной специфике каждого народа. С другой, сами участники межкультурного общения должны работать над собой в плане преодоления означенных стереотипов на пути к реальному диалогу культур как залогом мира на Земле на основе эффективного взаимодействия населяющих ее представителей человеческого вида.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 2013. 288 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Когнитивное переводоведение: методологические основы и перспективы // «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация:

монография / отв. ред. А. В. Колмогорова. Красноярск: Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2017. С. 49–76.

4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

5. Петерс Б. Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного / пер. с франц. яз. А. Ф. Фелелова // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, вып. 1. С. 84–104.

6. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

7. Фелелов А. Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.

8. Ormesson de J. Au revoir et merci // C'est l'amour que nous aimons. Paris : Editions Robert Laffont, 2012. P. 303–473.

УДК 81.255

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-28-41

© Куницына Евгения Юрьевна

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

kunitsyna@yandex.ru

ЭКО-ЛОГИКА ПЕРЕВОДА И ДРУГИЕ ЕГО СЧАСТЛИВЫЕ СИНЕРГИИ

Аннотация. В статье представлены ключевые положения теории перевода Умберто Эко, прослеживается их связь с положениями людической теории художественного перевода. Автор также апеллирует к отдельным аспектам экоперевода в одной из его концепций, проводит параллели и, опираясь на философию, отмечает «счастливые синергии» перевода как закономерности осмысления этого сложного, многогранного явления, особого вида человеческой деятельности и его результата.

Ключевые слова: эко, логика, перевод, переговоры, диалог, игра, счастье.

Kunitsyna Evgenia Yu.

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

kunitsyna@yandex.ru

ECO LOGIC AND OTHER HAPPY SYNERGIES OF TRANSLATION

Abstract. The purpose of this paper is to identify relationships between the logic of Umberto Eco's theory of translation as negotiation [2006] and the ludenic (game-and-play) theory of literary translation. Addressing some aspects of ecotranslatology, the research draws upon philosophy and focuses on "happy synergies" as a reasonable way to approach and understand the complex and many-faceted phenomenon of translation, both process and product.

Keywords: Eco, logic, translation, negotiation, dialogue, game, play, happiness.

«Гармония в противоречии» — на этом принципе китайской философии базируется концепция экоперевода китайского ученого Ху Гэншэня, охватывающая широкий спектр вопросов, та-

ких как «переводческий выбор и адаптация к среде, соотношение индивидуального и коллективного, творческого начала и узальной нормы; взаимодействие между контекстуальными факторами, заказчиком и переводчиком» [17, с. 100]. Согласно Г. Ху, процесс перевода «включает две стадии: 1) переводческая экосреда «выбирает» переводчика, так чтобы он подходил для решения задачи по своим профессиональным качествам, заинтересованности в выполнении данного перевода; переводчик адаптируется к исходному тексту; 2) переводчик делает выбор переводческих стратегий и принимает решение о форме переводного текста, то есть является центральным звеном процесса перевода, выполняющим двойную функцию — «читателя и писателя, слуги и хозяина, в качестве реципиента и отправителя сообщения [Hu, 2003, p. 285]» [цит. по: 17, с. 101–102].

Эколингвистика или лингвоэкология, медиа-экология уже давно заявили о себе как самостоятельные направления исследования, области знаний. Экологический подход не мог миновать и исследования в науке о переводе. Речь при этом идет не только об экотранслатологии или экопереводе, но даже об эко-переводе (см., например, [29; 24]). Экология перевода и межкультурной коммуникации уверенно обозначает свое место и в научно-исследовательской повестке в нашей стране, свидетельство чему посвященные этому труды, публикации, форумы, и настоящий вебинар и предложенные участниками темы для обсуждения.

Данная статья, между тем, предлагает посмотреть на перевод с другой герменевтически выгодной точки зрения, которая меняет логические координаты. В центре нашего внимания не -логия, а логика¹ (ход рассуждений), и Эко- здесь с большой буквы — речь пойдет о логике итальянского философа, семиотика, теоретика культуры, критика, переводоведа У. Эко — его теории перевода и о

¹ Ср. с собственно «экологической логикой», эко-логикой Г. Ху, в соответствии с которой формируется, выстраивается экопереводческий дискурс: «Eco-Translatology constructs the discourse system of Eco-Translatology under the guidance of eco-reason and by following the macroscopic eco-reason, which can be characterized by: (1) stressing wholeness and relevance; (2) seeking dynamics and balance; (3) reflecting eco-aesthetics; (4) identifying the “translation community; (5) adhering to translation ethics; and (6) highlighting unity / diversity (Hu Gengshen, 2001) [29, p. 123].

том, какую роль она сыграла в «истории» людической (от лат. *ludus* — игра) теории художественного перевода, главный тезис которой провозглашает перевод игрой [14], а также о том, при чем тут синергии и при чем тут счастье. Все это, в любом случае, — про переводчика, про «среду» (=культуру, язык, общество), их взаимоотношения, про способ обитания в ней и взаимовоздействие.

Положения своей теории перевода У. Эко впервые изложил в книге *Mouse or Rat? Translation as Negotiation* [26]¹. Логично начать с рассуждений переводоведа-философа, которые, так совпало, связаны с эко-, точнее, с био-, зоо- и эпидемиологией, что тем более оправданно, поскольку отражено в названии книги. У. Эко разбирает соответствия латинского *mus*, обозначающего *мышь* и / или *крысу*. В разных языках для этих представителей семейства грызунов могут использоваться разные обозначения (ср. русский, английский, др.) или, напротив, как в итальянском — здесь обычно и *мышь*, и *крысу* обозначают одним и тем же словом — *topo* (или, в лучшем случае, *souris*, «изящный» синоним, похожий на французское слово, обозначающее *мышь*) (ср. *ratto* — специальный, слишком «технический» термин). Речь идет о так называемом Ядерном Содержании: «переводчик должен выбрать то слово своего языка, которое удачнее передает» его [23, с. 106] (ср. селективность адаптации vs. адаптивность выбора, по Г. Ху [29], см. далее). Для того чтобы принять решение, итальянскому переводчику зоологического трактата необходимо «расширить» свой запас знаний о животном до знаний зоолога (здесь в игру вступает то, что У. Эко называет Молярным Содержанием, «расширенное» знание, знание экспертное, другими словами, переводчик должен «примерить на себя», актуализировать в своей переводческой личности дискурсивную личность профессионального зоолога); переводчику романа А. Камю «Чума» — указать на размер тех самых *souris*, чтобы читатель мог безошибочно соотнести факт обнаружения тела мертвого животного с распространением смертельной болезни; а переводчику шекспировского «Гамлета» (сцена (III, 4), где Гамлет с криком *How now! a rat!* шпагой пронзает Полония, спрятавшегося за гобеленом) — смириться с

¹ Также в книге на итальянском языке *Dire quasi la stessa cosa. Esperienze di traduzione*, в русском переводе известную как «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» (см. [23]).

потерей коннотаций, подразумеваемых английским словом *rat* (презренный, низкий, подлый человек), и использовать соответствие *un topo* как удачно передающее то, что в данном случае важнее всего остального — «быстроту, неожиданность, домашний тон сцены», и оправдывающее «ту реакцию, которую может вызвать этот крик» [Там же, с. 107]. К тому, что перечислил У. Эко, можно добавить, пожалуй, еще брезгливость.

Процесс принятия переводчиком решений У. Эко рассматривает в терминах переговоров. Логика Эко очень проста и при этом очень убедительна: «Перевод основан на чем-то вроде переговоров, поскольку они — это такой базовый процесс, в ходе которого, дабы нечто получить, отказываются от чего-то другого; и в конечном счете договаривающиеся стороны должны выйти из этого процесса с чувством разумного и взаимного удовлетворения, памятуя о золотом правиле, согласно которому, обладать всем невозможно» [Там же, с. 19; 26, р. 6]¹. Переводчик ведет переговоры с читателем, которого он создает; «навязчивым присутствием текста-источника»; с автором (эмпирическим, живым или «призраком» автора, т. е. автором, который давно умер); издателем [23, с. 415]. Результатом переговоров переводчика с живым автором или, напротив, автора с переводчиком/-ами является авторизованный перевод (У. Эко и Е. Костюкович, У. Уивер, Ж.-Н. Скифано, Б. Кребер, Э. Лосано [23]; В. Набоков и М. Скаммелл, М. Гленни [12]). Наше исследование, проведенное на материале шекспировской переводческой эпистемы, расширяет круг участников переговорного процесса: переводчик, работающий для театра и кино, неизменно вступает в переговоры с режиссером (Т. Щепкина-Куперник — М. Кнебель, Б. Пастернак — Г. Козинцев). Также был установлен примечательный и даже поучительный случай переговоров переводчика с актером (Н. Полевой — Павел Мочалов) (см. подробнее [14]) и при том, что характер их здесь несколько иной, конечная цель переговоров та же — передать максимально полно Ядерное Содержание и таким образом обеспечить

¹ Ср. с идеей «заключения соглашения» (букв. сделки): «Typically, one might say of translators that they are constantly exchanging something, not only by engaging in a dialogue with a source text producer and a likely target text receiver, but also by brokering a deal between the two parties to communicate across both linguistic and cultural boundaries.» [27, p.14].

феноменологическое тождество, искомое феноменологическое переживание (термины когнитивной теории перевода [7]) у зрителя, оказать на него то же эстетическое воздействие, произвести то же впечатление, которое «намеревался произвести на читателя оригинал» [23, с. 172].

Логика Эко диалогична. Переговоры — по умолчанию, диалогичный жанр. Но Эко-логика диалогична в философском, бахтинском смысле, и она подкупает, в том числе, тем, как искренне ученый признается в пользу диалога=переговоров, которые с ним вели переводчики его произведений (или он вел с ними): дело не столько в том, какое влияние автор оказывает на переводчика, пишет Эко, сколько в том, какое влияние на автора оказывает переводчик, ищущий у него поддержки, помощи. Анализируя английский перевод своего «Маятника Фуко» и оценивая переводческие решения У. Уивера в одном из эпизодов, разворачивающихся с использованием игры слов и, следует добавить, знаков культуры, Эко делает следующее признание: «Должен сказать, что английский вариант кажется мне более взрывчатым, чем оригинальный, и, если бы мне предстояло переписывать роман заново, я принял бы именно его» [23, с. 180]. Курьезный случай из истории своих переговоров с У. Эко приводит Е. Костюкович. Обнаружив «неточность» в описании «реального» места, где происходят события романа, переводчица сообщает об этом Умберто Эко. «В это время уже сидят переводчиков шесть над готовыми экземплярами, остальные переводят. По миру распространяется зловещее письмо, написанное Умберто Эко. Оно звучит так: «Когда Елена Костюкович, наконец, соизволила найти ошибку в моем описании, то уже, к сожалению, на нескольких языках роман вышел. Интересно, куда она раньше смотрела?» Я до сих пор не могу смириться с несправедливостью этой склочной записки» [13].

Вернемся к названию книги — оно интригует читателя: *Mouse or Rat? Translation as Negotiation. Мышь или крыса*, вынесенные в заголовок и служащие чем-то вроде «тизера» (прошу прощения за сленг), непротиворечиво характеризуют самого автора не просто как *homo ludens* (по Й. Хейзинге [2011]), но как *ego* играющее, *ego ludens*. Критики единодушно подчеркивают остроумие, чувство юмора, ироничность У. Эко (нелишним будет вспомнить и самоиронию Эко (см. пример выше)), и это относится не только к его ли-

тературному творчеству, но и к науке. *Ego играющее* — термин людической теории художественного перевода (по аналогии и в продолжение ряда Э. Гуссерля [1991]: ego переживающее (мыслящее, волящее, т. д. (см. [14, с. 85])), которым обозначается онтологический, деонтологический статус переводчика, а У. Эко построил свою теорию, опираясь на собственный опыт перевода, а также на опыт переводчиков, переведивших его произведения на другие языки.

Книга У. Эко *Mouse or Rat? Translation as Negotiation* обладает особой ценностью для людической теории художественного перевода [14]. Среди размышлений ученого оказались те, что послужили для нее буквально пробирным камнем. В ходе рассуждений о переводе У. Эко использует английские термины, обозначающие игру: *game* — применительно к переводчику, а *play* — к автору (см. [26, с. 93]). Это разнесение подтвердило наши выводы, сделанные в ходе исследования. Анализ дефиниций указанных английских терминов, выявленные нюансы их значений помогают понять, почему атрибуция Эко именно такова, равно как и то, чем чревато «заклучение» переводчика в рамки *game*. Разница между *game* и *play*, соотносимых соответственно с *ludus* (лат.) и *paidia* (греч.), заключается в (жесткой) регламентированности игры, наличии правил, (отсутствии) возможности нарушить «дисциплину» и обойти «стеснительные конвенции». Этимон *paidia* связан с относящимся к детям, с принципом «развлечения, шалости, вольной импровизации и радостной беспечности» [Кайуа, 2007, с. 51]. Как подчеркивает известный ирландский переводовед М. Кронин, «If there is no *play*, the *game* of translation is likely to lose its appeal» [25, p. 93] (курсив автора — Е. К.). *Play* интерпретируется М. Крониным со ссылкой на Р. Кайуа как непредсказуемость (*unpredictability*) [Ibid.] — то, что делает игру стоящей, чтобы в нее играли [Кайуа, 2007], создает то, что Х.-Г. Гадамер называет очарованием игры [8] (см. подробнее [14]). Игра переводчиков У. Эко, безусловно подчиненная «дисциплинирующей тенденции» *ludus (game)* и контролируемая автором лично, тем не менее обнаруживает и признаки игры в ее *paidia (play)*-ипостаси — и даже при непосредственном участии и с одобрения автора (см. [23; 26]). Этот прекрасный (или счастливый) парадокс есть результат особых переговоров, переговоров, которые У. Эко как автор вел с собой как переводчиком — как автор У. Эко «навязывал» свои правила переводчикам, а как переводчик других авто-

ров был готов их обойти [15, с. 224]. Такие людические обертоны, амплифицирующие синергию теории перевода как переговоров, приобретает логика У. Эко.

Соединение в фокусе перевода философии и социокультурной истории игры (от Платона и Николая Кузанского до Х.-Г. Гадамера, от Й. Хейзинги до Р. Кайуа), философии культуры (М. М. Бахтин), философии постструктурализма и постмодернизма (Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар), психологии (Д. Б. Эльконин, Ж. Пиаже, Э. Берн), математической теории игр Дж. фон Неймана и О. Morgenштерна, теоретико-игровой семантики Я. Хинтикки, идей русских формалистов (Ю. Тынянов, В. Шкловский), семиотики, когнитивной лингвистики, лингвистики дискурса, переводоведения, представленного когнитивной [7], диалогической [30] и «дипломатической» (Экологической) теориями перевода, сформировало методологию людической теории художественного перевода, в основу которой положены принципы всеединства и синархии.

«...та ритмика мысли, к которой стремится автор, многообразна и сложна множественностью своих подходов; но во всех дышит одно дыхание: это — синархия» [19, с. 37]). К синархии П. Флоренского и восходит современный термин «синергия». Синергия философии игры (Х.-Г. Гадамер) и перевода заключена в ключевом тезисе людической теории перевода: «Художественный перевод — это игра. Игра определяет онтологию художественного перевода как процесса и результата. Таким образом, игра художественного перевода обладает двойным онтологическим статусом: игра — способ бытия перевода как творческой деятельности; игра — способ бытия перевода как духовного продукта творчества» [14, с. 17].

Синергию математической теории игр и перевода впервые продемонстрировал И. Левый, используя математический принцип максимина или, иначе, минимакса (минимизация потерь и максимизация выигрыша) и сформулировав два типа инструкций: дефиниционные и селективные. Дефиниционные инструкции подразумевают семантические инструкции, определяющие парадигму, то есть класс возможных решений [14, с. 115–116]. В данном типе можно усмотреть то, что экопереводовед Г. Ху называет селективностью адаптации — переводчик адаптируется к исходному тексту, к набору возможных решений стоящих перед ним задач. Селективные инструкции И. Левого определяют выбор из числа альтернатив и зави-

сят целиком от контекста [там же] — здесь мы имеем дело с адаптивностью выбора переводчика — принятием решения относительно формы финальной версии переводного текста, по Г. Ху (см. [17]). В терминах логики Эко инструкции И. Левого можно понимать как работу по принятию решения, способного обеспечить передачу Ядерного Содержания.

В людической теории художественного перевода нашли применение положения и понятия, термины математической теории игр, касающиеся справедливого выигрыша, погружения или расширения игры, типов игр, включая кооперативную и коалиционную игру, а также метаигру. Полезным инструментом анализа оказалась военно-тактическая интерпретация игры, предложенная основоположниками теории игр и использованная нами применительно к стратегиям перевода, доместикации и форенизации. «Существует класс игр, где стратегиями игроков являются функции. Для игры в нормальной форме характерен мгновенный выбор стратегии, как единого целого, даже если при этом выбирается целая функция» [Воробьев, 1970, с. 678]. При этом игрок, «выбирающий функцию, называется *пулеметчиком* (в зарубежной литературе — *бомбардировщиком*). Выбираемая им функция интерпретируется как *плотность огня*, который он ведет в каждый момент времени. <...> Если его противник выбирает момент времени из интервала, то он называется *снайпером* (соответственно, *истребителем*)» [там же] (курсив мой — Е. К.)» [14, с. 351]. Например, русская версия сериала «Все ненавидят Крису» студии «Кураж Бамбей» — наглядный, показательный пример действий переводчика/ов-пулеметчиков (бомбардировщиков). Проблема выбора стратегии доместикации, одомашнивания, осваивающего перевода или форенизации, очуждающего перевода, иначе — обыностранивания (термин П. П. Дашини-маевой [10], ср. *остранение* в переводе У. Эко, выполненного А. Ковалем [23]) не утрачивает своей актуальности и продолжает вызывать полемику в переводческом экспертном сообществе, а с учетом глобализационных политических, идеологических процессов в общем и направления перевода с английского или на английский язык в частности и вовсе приобретает лингвозкологический статус как связанная с проблемой лингвистического многообразия и стремлением противостоять притязаниям на гегемонию англосаксонской, американской лингвокультуры (см. [31; 6; 16]). Важно, что-

бы языковое гостеприимство (термин П. Рикера [18]), оказываемое переводчиком другой культуре, с языка которой он переводит, не обернулось, позволю себе метафору, восходящую к злобе дня, «миграционным кризисом» в принимающем языке (= плохо или вообще не контролируемым притоком немотивированных заимствований (слов и идей)).

Существенную роль в осмыслении перевода как игры сыграли положения теоретико-игровой семантики, разработанной финским философом, логиком, математиком Я. Хинтиккой. Ученый различает игры, направленные на поиск истины (*truth-seeking games*), это так называемые эпистемические игры, и игры, направленные на установление истины (*truth-establishing games*), семантические игры [28]. Художественный, поэтический перевод — это эпистемическая игра [14]. Поиск переводчиками истины оригинала и есть то, что обеспечивает игре-переводу множественную вариативность. Впечатляет картина переводов У. Шекспира [см. там же] или поэтического шедевра Э. По «Ворон». Даже в исторически короткий период времени, фактически синхронно, читатели получают несколько разных переводов одного автора, как, например, Дж. Роулинг и ее «Гарри Поттер». В этой связи и возвращаясь к теории У. Эко, следует обозначить еще одну «инстанцию» переговоров: переговоры переводчика с другими переводчиками, переводчиками-предшественниками (см., например, историю перевода и переводчиков Шекспира в [14]). Определенно, проблема переводной множественности вряд ли когда-нибудь перестанет занимать умы переводоведов. Одним из подтверждений этому служит обращение к данному явлению экопереводоведов, которые, выдвигая его в качестве этической проблемы перевода, изучают в свете принципа «симбиоза и многообразия» [29, р. 128]. В терминах такой «суровой» естественно-научной, биотической категории — симбиоза — рассматривается гуманитарная, этическая, философская проблема¹, что вполне органично для экологии и экоэстетики (см. сноску 1, [29, р. 123]). Однако мы остаемся на позициях русской философии, нам ближе диалогизм (диалогичность) М. М. Бахтина и диалогика В. С. Библера [4]. «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте,

¹ Принцип симбиоза и многообразия авторы распространяют и на множественность подходов к изучению перевода [29, р. 128].

потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 334–335] (курсив авт. — Е. К.). Принцип диалогичности (культур, смыслов или сознаний или логик, по В. С. Библеру) равно относится и к интерпретациям, к переводам: разные интерпретации дополняют и обогащают друг друга, и в конечном итоге, дополняют и обогащают оригинал, обеспечивая тем самым особую и, без сомнения, счастливую синергию.

В заключительной части хотелось бы поделиться еще одним наблюдением из области философии перевода.

Дерридеанское прочтение знаменитой *Die Aufgabe des Übersetzers* В. Беньямина [2], «задачи переводчика», работающего на «подвижном горизонте двух языков, двух культур» [8], двух миров, переводчика-«междумирка» (поэтический неологизм В. Брюсова), со всей очевидностью показало ее не только задачей как таковой, то есть тем, что переводчику необходимо сделать для достижения искомой цели, для выполнения миссии, «к которой предназначен» переводчик [11]. Среди значений *Aufgabe* есть и (*добровольный*) *отказ*, *отречение*, а также *капитуляция* и *сдача* (соответствия приводятся по [5]). Про отказ и отречение слова Х.-Г. Гадамера, которые приводит У. Эко: «Если мы хотим подчеркнуть в переводе какой-нибудь важный, с нашей точки зрения, момент оригинала, то нам ничего не остается, как лишь оставить в тени или вообще опустить другие его моменты. <...> Поскольку [переводчик] ... не в состоянии передать все измерения своего текста, постольку это означает для него постоянный отказ и отречение» [8, с. 449; 23, с. 107–108]. Можно вспомнить упомянутые ранее принесенные в жертву коннотации слова *rat* в итальянском переводе «Гамлета». В этом смысле задача переводчика может обернуться *незадачей*. «Мечта о совершенном переводе, — пишет П. Рикер, философские размышления о переводе которого, замечу, пронизаны игровой эвристикой, — равноценна желанию некоторого выигрыша для перевода, такого выигрыша, в котором нет места проигрышу, потере или утрате. Имен-

но по этому выигрышу без потерь и следует носить траур вплоть до того момента, когда мы сживемся с неодолимостью различия между своим, собственным, и чужим» [18, с. 152]. Этот «траур по абсолюту», эта двойственность положения переводчика, обреченного на служение «двум господам» (ср. «слуга и хозяин» у Г. Ху выше), своему и чужому, не случайно названная А. Берманом драмой переводчика [3, с. 95], и составляет, парадоксальным образом, счастье перевода [18, с. 152]. «Вызов и счастье перевода» — так называется статья П. Рикера. Для философа счастье переводчика состоит в языковом гостеприимстве, когда «удовольствие погостить в языке другого компенсируется удовольствием принять у себя, в своих собственных покоях, речь чужестранца» [Там же, с. 153]. Счастьем оказывается и то самое «чувство разумного и взаимного удовлетворения», обусловленное смирением перед тем, что «обладать всем невозможно», как это сформулировано у У. Эко, и обретение, обеспечение гармонии в противоречии, как это видят экопереводоведы. Любопытный факт, штрих в осмыслении ‘задачи переводчика’: значение *счастье* отмечено у русского слова *задача* в словаре В. И. Даля: «все, что задано или задается: вопрос для решенья; загадка, урок», и далее: «успех, удача, счастье» [9, с. 253] (ср. *незадача*¹). Логично в этой связи и особенно в Международный день переводчика желать переводчикам больших задач в профессиональной деятельности, больших задач в переводе. Изложенные размышления о переводе завершат строки из замечательного стихотворения Р. Р. Чайковско-го², переводоведа, переводчика, поэта. Стихотворение начинается с вопроса:

Кто знает, что такое перевод —
искусство, ремесло или наука?
Последнее четверостишие:
С вопросом этим мне не повезло —
ответа на него ищущ полвека.
Наука ли? Искусство? Ремесло?
А, может, это счастье человека?..

¹ Ср. [20].

² См. [22, с. 68].

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера [Электронный ресурс] / пер. с нем. Е. Павлова. URL: <http://belpaese2000.narod.ru/Grad/benjamin.html> (дата обращения: 11.09.2011).
3. Берман А. Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 92–113.
4. Библиер В. С. От наукоучения — к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век) [Электронный ресурс]. М.: Изд-во политической литературы, 1991. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/biblier (дата обращения: 03.10.2014).
5. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / под ред. О. И. Москальской. М.: Сов. энциклопедия, 1969. Т. 2. 760 с.
6. Бузаджи Д. М. Что такое буквализм? // Мосты. Журнал переводчиков. 2014. № 2(42). С. 37–49.
7. Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник МГЛУ. Сер. Лингвистика. 2004. Вып. 499. 181 с.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. 736 с.
10. Дашинимаева П. П. Теория перевода. Психолингвистический подход. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
11. Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен [Электронный ресурс] (1985). URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/vokr_vav.php (дата обращения: 03.09.2013).
12. Жук Д. Ю. Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения (роман В. Набокова «Дар» / «The Gift»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 24 с.
13. Костюкович Е. Интервью главному редактору издательства БСГ-ОГИ М. Амелину [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.elkost.it/interviews/elena-kostioukovitch-in-conversation-with-maxim-amelin-polit-ru14112012> (дата обращения: 21.09.2018).
14. Куницына Е. Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: дис. ... д-ра фил. наук. Иркутск, 2011. 474 с.

15. Куницына Е. Ю., Воскобойник Г. Д. Перевод и правила игры (лингвопрототипический аспект) // Прототипические и непрототипические единицы в языке / отв. ред. Л. М. Ковалева. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2012. С. 216–237.

16. Ланчиков В. К. Наука чистая и не очень. О книге А. Г. Азова «Поверженные буквалисты» // Мосты. Журнал переводчиков. 2014. № 2(42). С. 29–36.

17. Прошина З. Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 100–109.

18. Рикер П. Вызов и счастье перевода // Логос. 2011. № 5–6(84). С. 148–153.

19. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3(1). 622 с.

20. Фокин С. Перевод как незадача русской философии: Шестов. Бахтин. Подорога... Пушкин // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 212–236.

21. Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

22. Чайковский Р. Р. Художественный перевод в поэтическом зеркале: стихи о переводе // Перевод и переводчики: научный альманах каф. нем. яз. Сев.-Вост. гос. ун-та. Вып. 9: Язык, коммуникация, перевод / гл. ред. Р. Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2013. С. 60–68.

23. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.

24. Cronin M. Eco-Translation: Translation and Ecology in the Age of Anthropocene. Abingdon and New York: Routledge, 2017. 178 p.

25. Cronin M. Game Theory and Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M. Baker (ed.). Shanghai, 2001. P. 91–93.

26. Eco U. Mouse or Rat? Translation as Negotiation. Phoenix, 2004. 200 p.

27. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London and New York: Routledge, 1999. 244 p.

28. Hintikka J. The Principles of Mathematics Revisited [Электронный ресурс]. 1998. URL: <http://books.google.ru/books?id=k5vDVR8sRSwc&pg=PA44&lpg=PA44&dq=truth-establishing+games=Hintikka> (дата обращения: 18.11.2009).

29. Hu G., Tao Y. Eco-Translatology: A New Paradigm of Eco-Translation – A Comparative Study in Approaches to Translation Studies [Электронный ресурс] // Translation & Interpreting Review. 2016. P. 115–132. URL: http://cms.ewha.ac.kr/user/eritseng/download/review_6/6_Genghen_Youlan.pdf (дата обращения: 10.09.2020).

30. Robinson D. The Translator's Turn. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1991. 318 p.

31. Venuti L. The Translator's Invisibility. London and New York: Routledge, 2008. 319 p.

УДК 81'33

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-42-48

© **Цыбикова Наталья Сергеевна**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
nata.tsibikova@mail.ru

© **Шипицына Любовь Григорьевна**

Лингвистический центр Hello
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
lyubikbel@mail.ru

ПЕРЕВОД КОНЦЕПТА "СТРАДАНИЕ"

(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА "ДОКТОР ЖИВАГО")

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей перевода концепта СТРАДАНИЕ на материале художественного дискурса. Перевод концептов представляет собой сложную переводческую проблему и одну из актуальных проблем современной лингвистики. СТРАДАНИЕ является универсальным концептом, но практически не изучен в лингвистическом аспекте. Целью настоящей статьи является выявление специфики индивидуально-авторского понимания и передачи этого концепта в художественном произведении на примере перевода романа «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. Тема страдания является одной из ключевых в романе и понимается как христианское назначение личности, готовность страдать в борьбе. Были выявлены концептуальные метафоры, эксплицирующие основные различные характеристики концепта СТРАДАНИЕ и проанализированы способы их передачи с русского на английский язык.

Ключевые слова: художественный дискурс, художественный перевод, концепт, концептуальная метафора, страдание.

Tsybikova Natalia Sergeevna
Dorzhii Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
nata.tsibikova@mail.ru

Shipitsina Lubov Grigorievna
Language centre Hello
Ulan-Ude, Russian Federation
lyubikbel@mail.ru

TRANSLATION OF THE CONCEPT SUFFERING IN THE NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO" BY B.L.PASTERNAK

Abstract. The article aims to study the translation of the concept SUFFERING from Russian into English in the novel "Doctor Zhivago" by B.L. Pasternak. Translation of concepts is a complex problem of modern linguistics. The theme of suffering is one of the key themes in Pasternak's novel and essential for understanding the author's perception of the world. As a result of the study, there were identified conceptual metaphors referring to the basic concept SUFFERING and specific ways of rendering them into English.

Keywords: literary discourse, literary translation, concept, conceptual metaphor, suffering.

Концептуальный анализ художественного произведения тесно связан с проблемами понимания и интерпретации текста. В основе традиционных подходов к анализу текста лежат лингвистические или литературоведческие методы [8; 13; и др.]. Современные исследования рассматривают язык в неразрывной связи с культурой, обществом и мышлением [2–5; 12; и др.].

Большинство исследователей определяют концепты как ментальные образования, репрезентируемые с помощью языка [5; 7; 11; и др.].

Концепт СТРАДАНИЕ относится к одним из важных концептов во многих культурах, но практически не изучен в лингвистическом аспекте. Цель настоящей статьи — выявление специфики передачи этого концепта на примере перевода романа «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака на английский язык. Тема страдания является одной из ключевых тем в романе Пастернака и важной для понимания авторской картины мира. В частности это сложное явление

наполняется индивидуальным пониманием назначения человека и его готовности страдать в борьбе.

По мнению В. И. Карасика, концепт включает предметно-образный, понятийный и ценностный компоненты [6].

Рассмотрим особенности передачи концепта СТРАДАНИЕ на примере его предметно-образной составляющей, которая представляет собой зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предмета или явления [6]. Метафора пронизывает язык и повседневную жизнь. Наша концептуальная система метафорична по своей природе [9].

Образная составляющая концепта СТРАДАНИЕ эксплицируется посредством следующих метафорических моделей.

СТРАДАНИЕ — ИСПЫТАНИЕ

В анализируемом материале указанная модель является одним из самых частотных типов метафоры. Можно привести следующие примеры данной метафорической модели в исследуемом нами произведении.

Я пошел на войну, чтобы после трех лет брака снова завоевать ее, а потом после войны и возвращения из плена воспользовался тем, что меня считали убитым, и под чужим, вымышленным именем весь ушел в революцию, чтобы полностью оплатить за все, что она выстрадала, чтобы отмыть начисто эти печальные воспоминания.

To win her back after three years of marriage, I went to war, and when the war was over and I returned from captivity, I took advantage of having been listed as dead, and under an assumed name plunged headlong into the revolution, to pay back in full all the wrongs that she had gone through, to wash her mind clean of those memories, so that it should not be possible to return to the past.

В переводе лексема *выстрадать* была передана помощью фразового глагола *to go through* (пройти через какие-л. жизненные коллизии, чаще, но не обязательно, в негативном смысле (трудности, испытания, неприятные воспоминания и т.п.).

Примером метафоры СТРАДАНИЕ — ИСПЫТАНИЕ может служить также следующий пример из прозаического корпуса романа:

После всего вынесенного, и столькож жертв, и такого ожидания ждать уже осталось недолго.

After all, they had made all the sacrifices and done all the waiting, it wasn't much to have to wait a few months longer...

Связь *страдание, испытание, жертва* основана на применении лексемы *sacrifice* в форме множественного числа, в результате чего она носит обобщающий характер: все то, что человек испытал, пережил, чем жертвовал, от чего отказывался. Лексема *sacrifice* редко выступает со значением СТРАДАНИЕ. Однако в английских толковых словарях значение лексемы *sacrifice* также зафиксировано как потеря, лишение, что так или иначе передает значение СТРАДАНИЯ.

Для Пастернака существенным является единство жизни и Евангелия, или, словами Е. Пастернака, понимание «жизни Христа как Божьей повести и Нового Завета духовной близости и общения людей» [1]. Мысль о постижении истины и обретении бессмертия через страдание и жертву проходит через весь роман и находит вербальное выражение в монологах героев. Из этого вытекает, что следующая концептуальная метафора — СТРАДАНИЕ как очищение.

СТРАДАНИЕ — ОЧИЩЕНИЕ

Примером, актуализирующем данную метафору могут послужить строки из поэтического корпуса романа «Доктор Живаго». В стихотворении «Гефсиманский сад» — о готовности Христа совершить самопожертвование и пойти на мученическую смерть:

*Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.*

Поэт говорит о том, что страдание и муки являются путем искупления земных грехов, только перенеся все тяготы и лишения, душа человека очистится. В переводе стихотворения на английский язык наблюдается стремление переводчика к подбору абсолютно эквивалентной лексики, тем самым, как нам кажется, страдает адекватность переведенного текста.

*For the course of the ages is like a parable,
And can catch fire in its course.
In the name of its awful grandeur, I shall go
In voluntary suffering to the grave.*

СТРАДАНИЕ — НАКАЗАНИЕ, КАРА

Редко страдания, муки и тяготы выпадают на человеческую долю как наказание за содеянное, за проступки.

Мы умираем мучениками идеи на заре мировой революции. Да здравствует революция духа! Да здравствует всемирная анархия!

We die martyrs to ideas at the dawn of the world revolution. Long live the revolution of the spirit! Long live universal anarchy!

Эта речь Вдовиченки перед смертью, обращенная к его другу, Бонифацию Ржаницкому. Эта романная ситуация соответствует той действительной, которая сложилась в Москве к весне 1918 г., где большевики вступили в вооруженную схватку с анархистами, быстро набравшими общественное влияние.

В этом примере была использована лексема *мученики*, хотя она и не является ядерной лексемой и даже не однокоренной, но все же в полной мере отражает концепцию СТРАДАНИЯ в данном отрывке.

СТРАДАНИЕ — БОЛЕЗНЬ

СТРАДАНИЕ концептуализируется в данной метафоре в значении болезни, недуга, который настиг человека.

Марина уцепилась за тело и ее нельзя было оторвать от него, чтобы перенести покойника в комнату, прибранную и освобожденную от лишней мебели, и обмыть его и положить в доставленный гроб. Всё это было вчера. Сегодня неистовство ее страдания улеглось, уступив место тупой пришибленности, но она по-прежнему была невменяема, ничего не говорила и себя не помнила.

В данном примере СТРАДАНИЕ образно сравнивается с болезнью, и мы видим, что больной становится значительно лучше.

Marina clutched at the body and could not be torn away from it, so that the dead man could be transferred to the room, now tidied and freed of extra furniture, to be washed and placed in the delivered coffin. All that was yesterday. Today the frenzy of her grief had abated, giving way to a weary numbness; she sat in silence, though still only half conscious of herself or her surroundings.

Лексема *grief* обозначает душевное страдание большей глубины и силы, вызываемое тяжелой утратой близкого человека или другим несчастьем.

СТРАДАНИЕ — ОКОВЫ

Писатель образно сравнивает страдание с «клеткой», в которую попала главная героиня и не может выбраться наружу.

Ей хотелось хоть ненадолго с его помощью вырваться на волю, на свежий воздух из пучины опутывавших ее страданий, испытать, как бывало, счастье освобождения.

She wanted, if only for a few moments, to break free with Yurii's help into the open, out of the sorrows that imprisoned her, to feel again the joy of liberation.

Страдание сковывает человека, лишая его возможности здраво мыслить:

Сообщенная вами новость ошеломила меня. Я раздавлен страданием, которое отнимает у меня способность думать и рассуждать.

В переводе лексема передается словосочетаниями глагола *to be distressed* со значением «расстроиться, быть опечаленным».

I am stunned by the news. I am so distressed that I can't think or reason properly.

Лексема *горе* также находится на периферии концепта СТРАДАНИЕ.

Первые часы Тоня кричала благим матом, билась в судорогах и никого не узнавала. На другой день она притихла, терпеливо выслушивая, что ей говорили отец и Юра, но могла отвечать только кивками, потому что, едва она открывала рот, горе овладевало ею с прежнею силой и крики сами собой начинали вырываться из нее как из одержимой.

Английский перевод содержит эквивалентную лексему.

During the first hours Tonya cried her head off thrashed in convulsions, and recognized no one. The next day she calmed down, listened patiently to what her father and Yura told her, but was able to respond only by nodding, because the moment she opened her mouth, grief overwhelmed her with its former force and howls began to escape her of themselves, as if she were possessed.

В результате анализа материала были выявлены основные различные характеристики концепта СТРАДАНИЕ в произведении «Доктор Живаго» и особенности их передачи на английский язык. СТРАДАНИЕ в концептуальной системе языковой картины мира предстает отражением как мира физического, так и внутреннего. Такое отождествление достигается применением метафорических переносов: СТРАДАНИЕ — ИСПЫТАНИЕ, СТРАДАНИЕ — ОЧИЩЕНИЕ, СТРАДАНИЕ — НАКАЗАНИЕ, КАРА, СТРАДАНИЕ — БОЛЕЗНЬ, СТРАДАНИЕ — ОКОВЫ.

Проведенный анализ позволил выявить и продемонстрировать концептуальные особенности, ассоциативные связи концепта СТРАДАНИЕ

с другими феноменами внешнего и внутреннего мира человека. СТРАДАНИЕ — это неотъемлемая составляющая жизни любого человека.

Литература

1. Арутюнян Т. В. «Крестный путь» Юрия Живаго (К проблеме христианского назначения личности в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»). Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 2001. 89 с.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения. М.: Языки рус. культуры, 1999. 776 с.

4. Дашинимаева П. П. Философия языка и теория значения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 248 с.

5. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2002. С. 5–18.

6. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. М., 2005. С. 132–162.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990, 2011. 273 с.

9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2004. 256 с.

10. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Мартин, 2006. 528 с.

11. Степанов Ю. С. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков: Око, 1993. Т. 1. С. 13–36.

12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004. 368 с.

13. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ; М.: Изд-во ТРИ, 2002. 416 с.

14. Pasternak Boris. Doctor Zhivago / tr. by Max Hayward and Manya Harari. London: Vintage Books, 2002. 510 p.

УДК 81-255.4

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-49-57

© **Платицына Татьяна Владимировна**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
tplatitsyna1@gmail.com

© **Ринчинова Дара Баировна**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
dara-rinchinova@mail.ru

ИГРОВАЯ ТЕОРИЯ В ПЕРЕВОДЕ ИНФОГРАФИКИ КАК РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается применение игровой теории при переводе информационной графики как коммуникативного сообщения, учитывая особенности работы над переводом рекламного жанра. Авторы определяют инфографику как жанр со своими особыми целями и предметом. Определены ее коммуникативные функции, а также возможности систематизировать и структурировать информацию. Рассмотрена возможность применения игровой теории при принятии переводческого решения в рамках рекламного жанра. Авторы при этом отводят важную роль не только структурно-языковым различиям, но и графическому компоненту.

Ключевые слова: инфографика; адаптация инфографики; теория игр; игровая теория перевода; аспекты перевода; приемы перевода.

Rinchinova Dara B.

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

Platitsyna Tatyana V.

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

GAME THEORY IN THE TRANSLATION OF INFOGRAPHICS AS ADVERTISING MESSAGES

Abstract. The article deals with game theory in the translation of information graphics as a communication message, taking into account the peculiarities of working on the translation of the advertisement. The article considers infographics as a special genre with its own specific subject and goals. The communicative functions of infographics are defined as well as the possibilities of infographics to systematize and structure information. The article considers the possibility of using game theory in making translation decisions within the advertising genre. The author assigns an important role not only to structural and language differences but also to the graphic component.

Keywords: infographics; adaptation of infographics; game theory; game theory of translation; aspects of translation; translation techniques.

В последние годы принцип визуализации в процессе передачи массовой информации становится доминирующим. При увеличении темпов потребления информации и появления все новых способов ее производства усиливается роль визуальных образов как средств передачи информации. В связи с этим возникла потребность в новых способах и методах визуализации информационных потоков. Одним из таких методов стала инфографика.

Информационная графика как понятие сформировалась относительно недавно и объединила несколько различных областей. В. Лаптев, исследовав основные понятия и аспекты инфографики, отметил, что инфографика как отдельный вид художественно-проектной деятельности не имеет точных критериев, по которым можно ее определить. Ранее для обозначения количественных графиков и структурных схем-графов использовались термины «изобразительная статистика», «деловая графика», «научно-техническая графика» [5].

Термин «инфографика» сегодня широко используется в сфере рекламы, так и в других областях, связанных с предоставлением информации. Одним из основоположников современной инфографики принято считать Эдварда Тафти, который создал саму концепцию, а также разработал собственную коллекцию инфографики [11].

По мнению бельгийского ученого П. Луи (P. J. Lewi), определение инфографике можно трактовать как «перевод чисел в форму рисунка, эскиза или поясняющего плана, или иллюстрации» [Цит. по: Лаптев, 2013, 184]. Несколько шире рассматривают определение инфографики отечественные исследователи И.В. Голубятников и Н.Е. Мильчакова, принимая инфографику как частный случай дизайн-визуализации: «Дизайн-визуализация — это художественное представление идеи дизайнера в виде изображения, медиа-объекта и т. д., воздействующее определенным образом на анализатор или систему анализаторов, акцентирующее внимание на определенные детали изображения, которые являются наиболее значимыми по замыслу дизайнера» [1, с. 62]. Данное определение инфографики можно интерпретировать как совокупную информацию, которую необходимо донести до целевой аудитории с помощью художественных приемов и дизайнерских компьютерных программ. В рекламе дизайн-визуализация позволяет расставить необходимые акценты для фиксирования внимания зрителя.

По мнению А. Скворцова, занимающегося исследованием визуализации информации, существуют три класса инфографики: объяснение (инфографика схематично изображает процессы, явления, визуализирует причинно-следственные связи); презентация информации (инфографика представляет данные, чаще всего цифры и зависимости, облекая их в удобную для реципиента форму); иллюстрация (инфографика сопровождает текст, иллюстрируя его, дополняя своими образами) [6].

Е. А. Смирнова распределяет инфографику на два вида: иллюстрации и особый синтетический журналистский жанр (чаще всего — информационный). В первом случае инфографика рассматривается как сопровождение аналитических текстов в виде пояснений, при доле текста их значительно больше. Инфографику как особый синтетический жанр определяют по специфическому предмету и цели. Предметом выступает определенный круг событий, включающих

большое количество количественных и качественных данных. Причем цель инфографики – дать визуальное представление об информации, данных и знаниях. Смирнова обращает внимание на дизайнерский компонент, который усложняет использование инфографики [8, с. 93]. На сегодняшний день практически нет ни одной области, в которой бы не использовалась инфографика.

Говоря об адаптации инфографики (графического компонента, дат, цифровых данных, заголовков) переводчику необходимо стремиться сохранить общую структуру, авторскую идею, а также элементы графики с целью воссоздания общего коммуникативного эффекта. Однако при этом может происходить культурная или творческая адаптация отдельных элементов, что приводит к проблеме принятия переводческого решения.

Также стоит отметить, что существуют дополнительные аспекты при переводе инфографики как средства визуализации информации в рекламе. К ним можно отнести:

1. Законодательные особенности и ограничения рекламной деятельности. В некоторых странах существует запрет на рекламу, создаваемую вне этих стран (Канада, Австралия, Венесуэла) [10].

2. Стандартизации/адаптации (многие мировые бренды используют бренд-буки, с едиными требованиями к рекламным компаниям для всех стран).

Данная стратегия имеет ряд существенных преимуществ:

- создает товару международный имидж;
- значительно сокращает расходы на рекламу;
- способствует синхронному выходу на рынки разных стран.

Адаптация рекламной коммуникации представляется сложным процессом, который охватывает разные области знаний. Л. Юзык пишет о необходимости учитывать культурные различия в восприятии и оценке явлений, в т.ч. разнице акцентов и стилей поведения, ценностей и убеждений, прочих культурных особенностей и т. п. Также акцентируется внимание на самом товаре, фирме, бренде, который предлагается в рекламе [9]. Все это значит, что переводчик должен в полной мере владеть контекстом (учитывая имидж бренда, знание его миссии и разрядов целевой аудитории).

Мы обратились к игровой теории перевода как к одной из возможных междисциплинарных концепций, которую можно применить при переводе англоязычной инфографики. Теория игр — это

математическая теория поиска оптимальных решений (стратегий) в условиях неопределенности и в спорных ситуациях. Первыми теорию представили Джон фон Нейман и Оскар Моргенштерн в 1944 году в работе «Теория игр и экономического поведения». В теории игр важно получение максимальной выгоды для себя, следуя четким инструкциям. В рамках экономической науки теория игр используется для прогнозирования поведения других игроков и выбора выигрышной для себя стратегии. В связи с развитием научного знания теория получила применение игр в других научных областях¹.

К ключевым понятиям теории игры относят: игра, игрок, ход, правила, стратегия. Игра — это упрощенная, схематизированная модель ситуации. Субъектами игры выступают Игроки. Правила как система условий регламентируют возможные действия игроков, объем информации о поведении друг друга, результат игры, к которому приводит совокупность ходов. Ход — выбор одного из предусмотренных правилами игры действий и его осуществление. Стратегия — это система решений (вида «если — то»), которым придерживается игрок во время процесса, которая может быть представлена в виде алгоритма. И. Родионов обращает особое внимание на стратегию *минимакс*. Интерпретируют данную стратегию как «наименьшие потери из тех, которые нельзя предотвратить принимающему решения субъекту в наихудших для него обстоятельствах» [7].

Говоря о классической теории игр, важно отметить то, что переводчиков привлекает сама цель теории игр, т. е. выработка рекомендаций для разумного поведения игроков в конфликтной ситуации, т. е. определение «оптимальной стратегии» для каждого из них. Выбор оптимальной стратегии является одним из самых важных в переводческом процессе. В игровой теории перевода ставится вопрос о переводе как игре и переводчике как ключевом игроке.

Одним из первых, кто увидел в переводе игру как область принятия (ответственных) решений и пытался систематизировать это наблюдение, был известный чешский переводовед Иржи Левый,

¹ Математическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mathematics/3118 (дата обращения: 03.02.2020).

предложивший применение стратегии минимакса или, иначе, максимина как условия «справедливого выигрыша» для решения практических переводческих задач. При этом И. Левый подчеркивает разницу между нормоориентированной теорией перевода и прагмаориентированной практикой перевода. Теория перевода учит принятию оптимального решения, на практике же переводчик выбирает из набора возможных вариантов решения тот, который дает максимальный эффект при минимуме усилий, пишет И. Левый [Цит. по: Куницына, 2009, с. 74].

Стоит отметить, что стратегию минимакс в переводе можно соотнести со стратегией стандартизации рекламы при переводе. В обоих случаях мы стараемся выбрать оптимальное переводческое решение при минимальном количестве действий. Для решения переводческой проблемы И. Левый выдвинул два типа «инструкций»: дефиниционные и селективные (*definitional and selective instructions*). Первые подразумевают семантические инструкции, определяющие парадигму, то есть, класс возможных решений. В качестве примера он приводит перевод названия пьесы Б. Брехта «*Der gut Mensch von Sezuan*», где «*Mensch*» может означать и мужчину, и женщину, а кто-то, возможно, добавит сюда и людей. Селективные инструкции определяют выбор из числа альтернатив и зависят целиком от контекста. Избранная из возможных альтернатив есть то, что определяет, какой будет игра переводчика. При этом дефиниционные и селективные инструкции находятся между собой в отношениях взаимообусловленности и взаимной смены ролей [Цит. по: Куницына, 2009, с. 75].

И. Левый выделяет два типа переводческих решений: 1. Выбор элементов семантической парадигмы слова текста оригинала (возможные интерпретации «означаемого» текста). 2. Выбор парадигмы терминов (вербальных конструкций) языка перевода, которые приблизительно соответствуют «означаемому», выбор «выражения означаемого». Здесь И. Левый пишет о переводе как о процессе интерпретации и создания.

Ввиду трактовки теории игр как математической теории принятия решения в условиях неопределенности критически важным представляется вопрос об информации. Информация в теории игр рассматривается в двух своих разновидностях: *полная vs неполная* и *совершенная vs несовершенная* [3]. Несовершенство и неполнота

информации может быть обусловлена ее неактуальностью, например, в инфографике это могут быть устаревшие данные на момент перевода.

Е. Ю. Куницына обращает внимание на то, что переводчик представляется одновременно со-субъектом и со-объектом игры. Переводчик как EGO переживающее, EGO играющее, EGO рискованное сам определяет, в какую игру он собирается играть с автором/зрителем, однако он одновременно и подчинен игре: игра «вовлекает и держит его» [4, с. 289]. Данное утверждение хорошо описывает роль переводчика при переводе рекламной инфографики, где переводчик выступает как личность творческая, но действующая в рамках авторской идеи, которая связывает в одно целое элементы разных семиотических систем, числового, графического, вербального рядов.

На сегодняшний день существует большое количество примеров успеха адаптации инфографических иллюстраций. Мы рассмотрим пример адаптации инфографики именно в рекламе.

В марте 2012 года Google активно боролся со спамом на своем сервере и, чтобы продемонстрировать, какую колоссальную работу проделала компания, была разработана инфографика «Google's algorithm changes» (by Martina Seefeld). Данная инфографика как рекламная коммуникация больше нацелена на демонстрацию, чем рекламирование. Поэтому ее можно отнести к имиджевой рекламе. Инфографика охватывает период с 1998 г. до 2012 г.

Перевод названия инфографики «Google's algorithm changes» выглядит следующим образом: «Google: изменение поисковых алгоритмов». Как видно, заголовок изменился несущественно: переводчик использует приём опущения, опуская апостроф 's, использующийся для обозначения принадлежности в английском языке, однако оставив название компании неизменным, тем самым сохранив визуальный стиль. Часто при адаптации заголовков инфографики переводчики используют транскреации (творческой адаптации) с целью воссоздания авторской идеи и эмоций для влияния на аудиторию, производя адаптацию на всех уровнях, в том числе визуального ряда и стиля, а также с целью производства на целевую аудиторию если не идентичного, то сопоставимого с оригинальным посылом коммуникативного эффекта [6].

Следует обратить внимание на то, что переводчик использует термины из сленга SEO-специалистов (поисковая оптимизация сайтов): *апдейт, бот, спам, контент, веб-мастер, домен*. Таким образом создается впечатление, что реципиент является участником деятельности, осуществляемой организацией. Ввиду того, что данный перевод может быть не всем понятен, думается, стоило разместить сноски с разъяснениями.

При адаптации числовых данных переводчики часто используют культурную адаптацию с числами. Перевод даты зависит не столько от языка перевода, сколько от страны, в которой данная инфографика будет использована.

Данные, приведенные в инфографике языка источника, а также данные языка перевода совпадают. Графические элементы, цвета, шрифт были оставлены в оригинальном виде, так как они являются общеизвестными и используются пользователями Google. Здесь переводчику важно оставаться максимально верным оригиналу.

Таким образом, рассмотренный выше пример показывает, что процесс принятия переводчиком переводческого решения в конкретной ситуации зависит от анализа ситуации (имиджевая реклама), баланса между смыслом и его выражением (графические элементы). При переводе инфографики переводчик действует в рамках, заданных источником (бренд, идея, рекламный посыл), но сам решает, как подать информацию, то есть следует определенным правилам, и берет на себя риски, возможные при переводе. Игровая теория перевода позволяет более глубоко — с точки зрения герменевтики и свободы переводчика — смотреть на перевод рекламной инфографики.

Рассмотрев классическую теорию игр, важно отметить, что целью теории игр является определение рекомендаций для разумного поведения игроков в конфликтной ситуации. В процессе перевода также важна выработка рекомендаций для переводчика, т. е. определение стратегии. В рамках теории игр возможно выработать оптимальную стратегию для переводчика именно на материале перевода информационных графиков как рекламных сообщений.

Литература

1. Голубятников И. В. Визуализация в дизайне // Дизайн. Теория и практика. 2012. № 10. С. 61–66 .

2. Дягилева М. А. Рабочая программа учебной дисциплины "История дизайна" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-pet.ru/wpcontent/uploads.html> (дата обращения: 10.02.2020).

3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2001. 450 с.

4. Куницына Е. Ю. Шекспир — Игра — Перевод / под ред. Г. Д. Воскобойника. Иркутск: Глазговская типография, 2009. 348 с.

5. Лаптев В. В. Инфографика: основные понятия и определения // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2013. № 184. 187 с.

6. Лисовская А. В. Творческая и графическая адаптация инфографики при переводе [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. XXXIV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 23(34). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/23\(34\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/23(34).pdf) (дата обращения: 13.02.2020)

7. Родионов И. Б. Теория систем и системный анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/10.html> (дата обращения: 03.02.2020).

8. Смирнова Е. А. Инфографика в системе журналистских жанров // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2012. № 11. С. 92–95.

9. Юзык Л. А. Особенности адаптации международной рекламной коммуникации в современных условиях // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 3. С. 43–49.

10. Ross D. Advertising Law in the United States and European Union // Petty Journal of Public Policy & Marketing. Vol. 16, No. 1. International Issues in Law and Public Policy (Spring, 1997), P. 2–13.

11. Tufte, E. Visual Explanations. Graphics Press. 1997. 301 p.

УДК 81'23:316

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-58-65

© **Марактаева Саяна Владимировна**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

justsayana@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АВТОРА ИСХОДНОГО ТЕКСТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗА Т. ВАН ДЕЙКА

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования дискурсивного анализа в практике выполнения предпереводческого анализа с целью выявления социальной идентичности автора, социальных отношений между ним и реципиентами, а также авторского знания и реальности. Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью социокультурного подхода к проведению предпереводческого анализа исходного дискурса, т. к. существующие алгоритмы обходятся разбором лишь языковых характеристик и экстралингвистических факторов. Для представления и решения данной задачи проанализированы и изучены положения дискурс-анализа по Т. ван Дейку. С привлечением теоретических положений Т. ван Дейка проводится дискурс-анализ на примере аналитической статьи китайского журналиста-обозревателя Цзян Сюэцин «Why China doesn't care who wins the White House», соответственно объясняются преимущества применения начинающими переводчиками данного метода в предпереводческом анализе.

Ключевые слова: дискурс-анализ; предпереводческий анализ; социальная идентичность; социальные отношения; структуры дискурса.

Maraktaeva Sayana Vladimirovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

justsayana@gmail.com

AUTHOR'S SOCIAL IDENTITY VS. TEUN A. VAN DIJK'S CONCEPT OF DISCOURSE ANALYSIS

Abstract. The article aims to justify a feasibility of discourse analysis (DA) in a pre-translation process in the framework of the author's social identity, social

relations between him and recipients, as well as the author's knowledge and perception of reality identification. This stems from the fact that pre-translation source text analysis (PTSTA) omits the sociocultural approach, as existing PTSTA schemas cover only linguistic characteristics and extratextual factors. For the study purposes to be implemented, Teun A. van Dijk's DA theoretical concepts are applied. To illustrate and operate its principles, the author performs a DA of a column «Why China doesn't care who wins the White House» by Jiang Xueqin with a subsequent commentary on its benefits in the pre-translation process.

Keywords: discourse analysis; pre-translation analysis; social identity; social relations; discourse structure.

Введение. В настоящее время сложно отрицать необходимость применения междисциплинарного подхода к изучению «языка-речи-мышления». Так, исследователи все чаще обращаются к поиску теоретических и методических основ гуманитарных дисциплин для более глубокого изучения языковых и речевых явлений. Акцентирование внимания исследователя на социальных феноменах текстового пространства наблюдается не только со стороны лингвистики в целом, но и переводоведения в частности. Следует также отметить, что одной из научных тенденций в теории перевода является применение дискурса-анализа в целях оптимизации переводческого процесса.

Дискурс является свидетельством того, что субъект «проживает» в этом коммуникативном акте. Соответственно, задача переводчика-дискурсолога на подготовительном этапе — «пытаться идентифицировать дискурсивное мышление говорящего как социальной личности» [2, с. 281].

Актуальность настоящей статьи обоснована тем, что существующие функциональные схемы предпереводческого анализа страдают неполнотой изучения социокультурного контекста исходного дискурса: алгоритм ограничивается лишь рассмотрением языковых характеристик и экстралингвистических факторов. На наш взгляд, переводчик обязан проводить дискурс-анализ для углубленного постижения смысла исходного текста, а именно понимать социально-культурную ситуацию, выявлять социальную идентичность автора, социальные отношения между ним и коммуникантами, знание и реальность в видении автора.

Как известно, в качестве естественной — материально-эксплицитной — составляющей коммуникативного акта, в дискурс включаются все единицы анализа: от отдельных слов (лексических единиц) до целого текста. Однако их функциональность обеспечивается социальным контекстом, а характеристики автора (например, намерения, желания и т.д.) и тип социальной ситуации производят и определяют поверхностные структуры и смыслы [4, с. 196].

Дискурс и его продукты, тексты межкультурного характера в частности, имеют свои различия и заключают в себе разный, порой противоположный, полюс идентичности: репрезентация определенных социальных групп, жанры определенных дискурсивных позиций; индивидуальное конструирование себя и собственного коллективного в дискурсе; острые темы современности и конструирование собственной идентичности; коллективное и национализм/фундаментализм и локальное/глобальное [3, с. 54].

Основная часть. Метод дискурсивного анализа предполагает, что исходный текст может быть интерпретирован по-разному в силу различных комбинаций свойств текста и в силу природы самого интерпретатора, в нашем случае, переводчика (его социального позиционирования, знаний, ценностей и др.). Необходимо отметить, что некоторые значения подобны верхушкам айсберга, в которых с высокой долей эксплицитности выражаются только части смыслов: остальная масса авторского знания и донесения имплицитно спрятана в нижней части айсберга. В этой связи переводчику крайне важно обладать социокультурной компетентностью для «вскрытия» авторского знания и замысла. Для решения этой сложной задачи аналитического свойства следует произвести, как минимум, следующие шаги:

- представить себя на месте автора и увидеть внешний мир его глазами;
- понимать, что носитель языка-культуры производит дискурс, имея уникальное, личное представление о событии-новости, представленном в тексте, соответственно, сделать усилия в сторону дешифровки его мировоззрения в социальном контексте;
- проанализировать, какие, возможно, когнитивные структуры автора обусловили именно такой процесс производства дискурса;

- спрогнозировать в первом приближении, какие когнитивные представления реципиентов, возможно, активируются — во время восприятия и осознания контента и донесения данного дискурса.

В качестве интерпретирующего инструмента, дополняющего предпереводческий анализ, мы воспользуемся положениями из критического дискурс-анализа Т. ван Дейка. Нидерландский лингвист утверждает, что в любом дискурсе можно выделить определенные структуры, которые представляются на трех уровнях: локальные (микроструктуры), глобальные (макроструктуры) и структуры, пронизывающие все уровни [5, с. 17].

К локальным структурам относятся грамматика предложения (морфология и синтаксис, семантика и лексика) и грамматика текста (структура последовательности предложений). В свою очередь, грамматика текста может быть семантической (поверхностные структуры, сигнализирующие о смысловой связности — свойстве когезии), функциональной, и иметь свойство когерентности (предложения связаны, если связаны события, описывающиеся в них). Отсутствие в тексте одного из этих свойств ведет к лишению его связности, в связи с чем в дальнейшем у реципиента может возникнуть недопонимание системы смыслов целостного текста.

Глобальные структуры включают в себя тематические макроструктуры и схематические суперструктуры. Тематические макроструктуры эксплицитно определяют главные темы текста. Реципиенты, исходя из пропозиций, выводят макропропозиции на основе таких стратегий, как селекция, обобщение и конструирование. Эта процедура в значительной мере зависит от нашего знания о мире (сценариев). Что касается схематических суперструктур, то их суть заключается в том, что отдельные текстовые части выполняют конвенциональные функции или содержат категории, и по ним задаются типовые схемы построения каждого дискурса. Например, в новостном дискурсе имеются такие суперструктуры, как краткое содержание (заголовок и вводка), описание событий (фон, обстоятельства, история, контекст, предшествующие события), комментарии (предположение и оценка) и реакция.

Наконец, в основе дискурсивного анализа на всех уровнях должно рассматриваться структурирование текста по принципу релевантности, отражающее наиболее важное в тексте, и наличие риторических фигур речи, направленных на придание тексту большей

убедительности [Электронный ресурс: http://ecsocman.hse.ru/data/746/693/1219/glava_6.pdf].

В рамках данной статьи материалом для апробирования в пред-переводческом анализе вышеизложенного метода послужит отрывок аналитической статьи «Why China doesn't care who wins the White House» из сайта новостей CNN. В статье автор — Цзян Сюэцин, китайский педагог и журналист-обозреватель — рассуждает о влиянии президентства Дональда Трампа на отношения с Китаем, упоминает о положительных и негативных событиях в политике Пекина, прогнозирует неопределенное будущее развитие международных отношений между обоими государствами в преддверии президентских выборов в США [Электронный ресурс: <https://edition.cnn.com/2020/10/21/opinions/china-us-election-perspective-xueqin/index.html>].

1. Рассматривая локальные структуры с точки зрения грамматики предложения, мы замечаем, как авторский дискурс характеризуется не столько морфологическими особенностями, сколько синтаксической организацией в совокупности со стилем. Так, стилистическая форма подачи материала носит ироничный характер и указывает на негативное отношение репортера к способу решения осложненной экономической ситуации в Китае по причине распространения COVID-19:

Then coronavirus came to cripple China. Despite mishandling early on, it is now contained, but at the cost of China's economic miracle. By July, 460,000 businesses had to shut their doors. And how is the Chinese government helping its people? It's encouraging them to sell things on the streets.

Также примечателен выбор автором аксиологической лексики как альтернативного средства экспрессии контраста, иронии и даже пренебрежения (выделения полужирным шрифтом — М.С.):

*Trump has been **bad** for US-China business, but a **boon** for the Chinese Communist Party.*

*Many around the world saw the two old men **squabbling childish-ly** in the first presidential debate as the surest sign of an America in decline.*

*Only last year it seemed that the **party** would never end in China, and Chinese had a **swagger** as the world became **their playground**.*

С позиции грамматики текста исходный дискурс имеет четкую, логическую структуру последовательности, т.е. сконструирован в соответствии с правилами когезии и когерентности, при этом обладает полифункциональностью в плане наличия подразумеваемых неденотативного свойства.

2. На уровне глобальных структур тематические макроструктуры демонстрируются в виде тем. Главная тема выражена более эксплицитно и может быть охарактеризована как «Что думает китайский народ о президентских выборах в США?». Будучи реципиентами, мы понимаем, что помимо главной темы здесь присутствуют и отдельные темы подразумеваемых, потому, пользуясь стратегиями селекции, обобщения и реконструирования, мы формируем макропропозиции, подразделяем исходный текст на несколько смысловых фрагментов (*the trade war / Chinese no longer feel welcome in the US / China being a swagger from 2008 till 2018 / China and COVID-19 / US-China rivalry*) и на их основе представляем авторское знание, реконструируем его социальную картину мира в контексте US-China. Схематические суперструктуры устроены по-другому: дискурс не имеет строгой иерархической структуры, включающую в себя такие компоненты, как краткий обзор (есть заглавие, а вместо ознакомительного вступительного слова дается примечание американской редакции CNN о том, что автор, Цзян Сюэцин, выражает исключительно свое мнение). Базовый авторский текст представляет собой плавный, логически детерминированный переход от одной темы-мысли к другой. В заключении даются его комментарий-предположения.

3. Структурирование исходного текста по принципу релевантности имеет функциональную специфику. Прежде всего это связано с правилом новостных сообщений (в т.ч. в ресурсах CNN) представлять важную информацию на первый план. В данном случае важная информация сосредоточена преимущественно в середине текста, при этом она обогащена риторическими структурами, придающими мнению большей убедительности и, как следствие, оказывающими большее воздействие на реципиента:

Yes, China has managed coronavirus better than the United States — and that and the trade war are causing nationalism to surge.

Отдельное внимание заслуживает факт неоднократного использования местоимения *I* как индикатора субъективности ментальной

модели китайского журналиста. Такая черта характерна именно аналитическим статьям:

But I believe this rivalry is messier, in that both the United States and China seem to be facing a long-term decline.

*I have seen how China prizes loyalty and purity, tightening control over what is taught and who teaches in schools. Many of my US-educated Chinese friends **are forced** to be **vocally** anti-American and I know many cadres who have decided against sending their child to America for study, **fearing** it will taint them professionally.*

Последний пример особо интересен тем, что в нем актуализируется взаимосвязь отношений автора с его коллегами из малой социальной группы (автор окончил университет в США) путем не только сопереживания им, но и прямым указанием на причины, обуславливающие ситуацию пребывания в рамках, ограничивающих все свободы сограждан — слова, мышления, передвижения и т. д. Именно этот дескриптор, пожалуй, ярче всех помогает нам выявить социокультурную идентичность автора.

Повторно укажем на то, что представленная в дискурсе макротема отношений между двумя странами преподнесена сквозь призму авторского видения на текущую ситуацию. В этом плане, несомненно, немаловажным критерием анализа является его принадлежность к китайской культуре. Автор репрезентирует граждан Китая как закрытого лингвокультурного сообщества, соответственно, ожидания читателей были направлены на доминирующую стратегию построения текста, реализующую критику позиции США. Однако этого не произошло: Цзян Сюэцин репрезентирует себя как члена китайского социума, имеющего активную гражданскую позицию

Критический анализ структур дискурса с целью выявления социальной идентичности, его ментальных моделей, соотношения знания и реальности глазами автора позволяет прийти весьма к нестандартному выводу: автор — уникальная личность, нетипичный представитель китайской культуры, который ставит целью не осудить негативное влияние американских властей на политику Китая, а заявить миру о том, что политические игры в настоящее время не столь важны для жителей Поднебесной. В этом отношении важность использования положений дискурс-анализа Т. ван Дейка в предпереводческом анализе трудно переоценить.

Заключение. Итак, дискурсивный анализ с целью определения социокультурной идентичности, социальных отношений между производителем и получателями, и социальной роли автора в современном медийном пространстве в плане воздействия на умы и сознание читателей может служить для начинающего переводчика фундаментальной основой для осуществления предпереводческого анализа. Проведенный нами дискурсивный анализ аналитической статьи китайского журналиста позволил заключить, что в тексте социальная идентичность автора манифестируется наглядно, хотя и имплицитно, его позиция «Я» тесно переплетается с позицией социальной группы (представителей китайской культуры, объединенных принадлежностью к профессии через образование). Внедрение положений дискурс-анализа Т. ван Дейка в начало переводческого процесса способствует углубленному пониманию исходного текста и позволит выработать оптимальную стратегию перевода.

Литература

1. Горелов В. Анализ дискурса в социальной теории: Мишель Фуко и Тьюен А. ван Дейк [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/746/693/1219/glava_6.pdf (дата обращения: 24.09.2020).
2. Дашинамаева П. П. Теория перевода. Психолингвистический подход: учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
3. Пермякова Т. М. Дискурсивный анализ межкультурного конфликта // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 2009. № 4(60). С. 54–58.
4. Шленская Т. В. Дискурс-анализ Тена ван Дейка: этапы развития и основные положения // Вестник ТвГУ. Сер. Философия. 2015. № 4. С. 195–206.
5. Dijk van Teun. News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press. Hillside New Jersey: Lawrence Erlbau, Associates Publishers, 1988. 348 p.

УДК 81'42

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-66-72

© Сухих Денис Александрович

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

aldersein@icloud.com

ЭКОЛОГИЯ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО МИКРОМЕТРАЖНОГО КИНО)

Аннотация. Рассматривается проблема медиаэкологии как совокупности новых средств коммуникации в дискурсе научно-популярных фильмов. Анализ влияния комического и анимации проводится на основе нескольких микрометражных фильмов, рассказывающих об определенном научном явлении. Исследование с очевидностью показывает увеличение глубины познавательной информации научно-популярных фильмов за счет использования комического видеоряда. Последний в свою очередь служит необходимым инструментом для привлечения аудитории к проблемам науки.

Ключевые слова: экология, коммуникация, научный дискурс, кино, малая форма, микрометражное кино, комическое.

Sukhikh Denis Alexandrovich

Irkutsk State University

Irkutsk, the Russian Federation

aldersein@icloud.com

SCIENTIFIC CULTURE ECOLOGY

(BASED ON FRENCH SHORT-SHORT FILMS)

Abstract. The article considers a media-ecology issue as a set of new means of communication within the scientific popular films discourse. An analysis of comic and animation influence is executed on the ground of several short-short films, which show a particular scientific phenomenon. This research obviously shows that usage of comic helps improve an information value of scientific popular short-short films. The comic is a necessary instrument for attracting and inviting viewers for scientific issues.

Keywords: ecology, communication, scientific discourse, cinema, short form, short-short films, comic.

Проблеме экологии коммуникации посвящено значительное количество трудов. Среди них выделяется несколько основных дискурсов, в рамках которых проводятся эти исследования: философский, культурологический, социологический, психологический, лингвистический.

Собственно понятие «экология» включает в себя изучение среды, ее структуры, содержания и влияния на людей. В экологии коммуникации такая среда выступает как сложная система сообщений, воздействующая на образ мышления, восприятия и поведения человека. Эта среда предписывает человеку социальные роли и определяет условия их исполнения чаще неявным способом — воздействием такой среды на человека, формируемой средствами массовой информации, такими как печатная продукция, радио, кино, телевидение. Задача экологии коммуникации — выявить и исследовать скрытое воздействие среды, организуемой средствами кино, на личность [2, с. 232–233]. В связи с этим цель данной статьи — показать воздействие научно-популярных метражных фильмов на зрителя.

Экологический подход к коммуникации предполагает анализ (и оптимизацию) целей, которые ставит перед собой инициатор коммуникации; ресурсов, используемых для достижения цели; способов ее достижения; последствий, полученных в ходе коммуникации [1, с. 30–31].

В последние годы активно развивается направление медиаэкология [1, с. 27]. Сам термин «медиаэкология» введен в научный оборот канадским социологом и культурологом М. Маклуэном [3], первым отметившим всеобъемлющее влияние новых средств коммуникации на человеческое общество путем вытеснения прежних видов искусства и общения, способных переводить опыт прошлого в новые формы [4].

Одной из таких форм является малая форма кино, подвергшаяся трансформации с развитием киноиндустрии и виртуального пространства в целом. Предшественником такой формы являются диафильмы, целью которых являлась демонстрация научного явления, сопровождаемая комментариями рассказчика. Поскольку диафильмы использовались ранее в учебных заведениях, то в роли рассказчика выступал преподаватель. Диафильм-изображение помещался в проектор, который увеличивал это изображение при про-

ецировании на доску или экран. Такой способ использовался с целью более легкого усвоения подаваемой информации слушающими, а также с целью популяризации науки. Это достигалось благодаря существованию визуальной опоры. Изображение, как правило, сменялось через несколько минут после комментариев преподавателя, что придавало динамичности образовательному процессу. Научно-популярный дискурс менее сложен при восприятии, чем традиционный научный дискурс. Использование диафильмов значительно упрощало задачу передачи информации.

В эпоху информационных технологий языковая личность приобретает новые измерения, проявляющиеся в видеоизмененных формах. Компьютерные технологии дают возможность компенсировать недостаток вербальной информации невербальной. Происходит развитие новой личности — невербальной в противовес вербальной. Сегодня на смену диафильмам пришли микрометражные фильмы, среди которых можно выделить серию «Tu mourras moins bête» от франко-германской телекомпании ARTE. Сегодня число фильмов данной серии составляет более ста. Постепенно выходят новые фильмы, пользующиеся популярностью у зрителей. Об этом можно судить по числу просмотров на специальных площадках, таких как youtube.com, а также по количеству комментариев, которые оставляют зрители под каждым таким микрометражным фильмом. Сегодня такой формат наиболее актуален, учитывая многие обстоятельства.

Как пишет О. А. Леонтович, возникновение и развитие новых (электронных) средств коммуникации приводит к глубоким переменам в характере дискурса, проявляющимся в трансформации языковой личности, а именно в упрощенной коммуникации в Интернете посредством использования средств для передачи мгновенных сообщений или «чатов»/«мессенджеров» и разговорно-обиходной лексики. Добавим также использование иных кодов в коммуникации, а также другое воздействие в виде кодов/знаков на человеческое сознание [4].

Разговорно-обиходная лексика широко используется в анализируемых нами фильмах. Например, в фильме «Cloner des dinos»¹ рас-

¹ ARTE Cloner des dinos [Электронный ресурс]. URL : <https://www.arte.tv/fr/videos/087419-019-A/tu-mourras-moins-bete> (дата обращения: 15.09.20).

сказывается о вероятности получения ДНК динозавра через кровь, которая могла бы остаться в моските, укусившем динозавра. Главный герой фильма профессор «Мусташ», кроме того, что он сам нарисован в комическом стиле, употребляет разговорное выражение «*c'est la même limonade*» ‘все одно по одному’ (здесь и далее перевод наш. — Д. Сухих).

В фильме «*Interstellar*»¹, где рассказывается о невозможности в настоящее время отправлять космонавтов в длительные космические путешествия на далекие планеты, наблюдаем диалог потенциального пилота ракеты, занимавшегося в течение долгого времени сельскохозяйственной деятельностью, и руководителя космического центра:

Пилот: *J'ai pas volé depuis 15 ans. Et je me suis craché.* ‘Я не летал уже 15 лет. К тому же я уже разбивался.’

Руководитель: *Mais on s'en fout! Да нам плевать!*

Следует также отметить частое использование иронии в научном дискурсе (см. [6; 7]). Этот прием наблюдается в фильме «*La bave*»², рассказывающем о том, почему новорожденные часто пускают слюни. Рассмотрим диалог Мусташа и его ассистента Натанаэля:

Мусташ: *Le bébé produit beaucoup de bave. C'est un fait. Sachant qu'il est composé à 90 % d'eau, comme la méduse, si on le posait sur une éponge, il se déshydraterait.* ‘Младенец пускает много слюней, это факт. Учитывая, что он состоит на 90% из воды, прямо как медуза, если положить его на губку, он обезводится.’

Натанаэль: *On dirait un pruneau! Он похож на чернослив!*

Сравнение обезвоженного младенца с черносливом вряд ли можно назвать добрым юмором. Это скорее насмешка.

Изменение виртуальной и языковой картины мира воздействует на языковую личность, что отражается в виртуальной межкультурной коммуникации. Благодаря интернет-пользователю открывается доступ к иностранной культуре и происходит интенсификация межкультурных контактов.

¹ARTE *Interstellar* [Электронный ресурс]. URL : <https://www.arte.tv/fr/videos/087419-001-A/tu-mourras-moins-bete> (дата обращения: 13.09.20).

² ARTE *La bave* [Электронный ресурс]. URL : <https://www.arte.tv/fr/videos/067093-035-A/tu-mourras-moins-bete> (дата обращения: 14.09.20).

Таким образом, с введением в научный оборот термина «медиа-экология» и появлением направления исследований «экология медиапространства» признается, что «медиа является некоей искусственно созданной человеком сферой, иногда выходящей из-под контроля и наносящей ущерб некоторым индивидам, которые не способны эффективно использовать медийные инструменты» [1, с. 29]. Такими инструментами выступают аудиовизуальные тексты. Некорректное использование таких инструментов влечет за собой появление проблем в коммуникативной ситуации в виртуальном пространстве.

Медиаэкология изучает влияние информационных технологий на социальную организацию и познавательные процессы человеческого общества. Из основных положений медиаэкологии выделяют следующие положения:

1. Концептуализация действительности зависит от ряда технических и биологических факторов, а также от кодовых систем, используемых для предоставления информации.

Прокомментируем данное положение. Малая форма не противоречит применению анимации и комического в рамках научно-популярного жанра, что в сумме позволяет добиться значительного эффекта на аудиторию, что подтверждается положением ниже.

2. Средства кодирования и передачи информации определенным образом воздействуют на восприятие человеком внешнего мира.

3. Учитывая, что человеческая культура всецело зависит от коммуникации, изменения в коммуникативной модели влекут за собой серьезные последствия для экологии культур.

4. В медиаэкологии приоритет отдается языку, несмотря на возникновение новых средств коммуникации [4].

По мнению М. И. Ивлевой, в распространении информации следует учитывать, какая цель ставится перед говорящим. Прежде всего это расширение ее доступности и скорости ее распространения, быстрый доступ к информации любого рода независимо от ее содержания. Однако цель получения качественной, содержательной информации отсутствует, либо является второстепенной по сравнению с ценностью информационной доступности. В таком случае важными характеристиками массовой информации становятся новизна и способность развлечь реципиента.

Такие характеристики также применительны к малой форме, в рамках которой выполнены микрометражные фильмы. Новизна заключается в презентации научного явления, сопровождающейся комическим, в результате происходит смешение жанров — познание серьезного, развлекаясь. Задача исследователя — интерпретировать их взаимовлияние.

Например, в фильме «Les parachutes» рассказывается о том, почему невозможно поместить в салон самолета парашюты для всех пассажиров на борту. Комическое здесь отмечено тем, что профессор Мусташ в роли пассажира, готовясь к аварийному прыжку из самолета (поскольку у последнего кончилось топливо), надевает поверх парашюта теплую кофту (поскольку за бортом на высоте 12000 метров температура составляет -58 градусов Цельсия). Далее для прыжка необходимо открыть дверь самолета вовнутрь, что требует силы, соизмеримой с силой слона. Неожиданно на борту появляется слон, который выбивает дверь и пассажиров выталкивает из самолета сильный поток воздуха. Пролетая через дверной проем, они застревают там¹.

Применительно к экологическому подходу в научно-популярном дискурсе следует отметить используемый метод «мягкой силы», широко применяющийся в рекламных роликах, «способности субъекта управления добиваться от социума нужных результатов не на основе принуждения, а на основе привлекательности предлагаемых идей, действий, образцов. Управленческое воздействие определяется не в терминах прямого подчиняющего действия, а как влияние на аудиторию» [5, с. 67–68]. Мы полагаем, что данный метод позволит привлечь аудиторию к проблемам науки не через принуждение, а посредством заинтересованности зрителя.

Таким образом, использование комического в научно-популярном кино повышает информативность таких фильмов, облегчает усвоение сложной, на первый взгляд, информации, повышает увлекательность таких фильмов, а также оказывает определенное влияние на аудиторию с целью повышения ее интереса к науке.

¹ ARTE Les parachutes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arte.tv/fr/videos/087419-013-A/tu-mourras-moins-bete> (дата обращения: 12.09.20).

Литература

1. Дзялошинский И. М. Экология коммуникаций: становление новой науки // PR и СМИ в Казахстане: сб. науч. тр. Алматы: Изд-во Казахского ун-та, 2018. С. 27–37.
2. Ивлева М. И. Социально-коммуникативное пространство и экология коммуникации // Социально-гуманитарные знания. М.: Изд-во Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 230–235.
3. Маклуэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005. 496 с.
4. Леонтович О. А. Проблемы виртуального общения. URL: <http://web.archive.org/web/20110311234937/http://www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo/> (дата обращения: 10.10.20).
5. Савельева О. О. Современные аспекты управления коммуникациями: экология в рекламном дискурсе // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 59–71.
6. Сухих Д. А., Горшкова В. Е., Фефелов А. Ф. Комическое как составляющая аргументации в дискурсе научно-популярного метражного фильма // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. Т. 18, № 3. С. 59–77.
7. Сухих Д. А. Культура научного диалога (на материале комиксов) // Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МГПУ, 2020б. С. 270–273.

II. ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКОЛОГИИ МОНО- И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-73-79

© **Гавриленко Наталия Николаевна**
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Российская Федерация
nngavrilenko@narod.ru

ПРЕАДАПТИВНОСТЬ В ДИДАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Мы живем в стремительно меняющемся мире, что обуславливает необходимость готовить студентов к возможным изменениям, развивать у них «грамотность в отношении будущего». Под воздействием цифровых технологий профессия переводчика также претерпевает сильные изменения, появляются новые специальности, что обуславливает необходимость формирования у будущих переводчиков способности к «преадаптивности», которую понимают как умение воспринимать неопределенность не как наказание или источник стресса, а как источник новых возможностей. Готовя студентов к будущей профессиональной деятельности в сложных условиях, важно помнить о том, что переводческое образование должно носить ценностный характер. Система ценностей активно формируется в студенческом возрасте и оказывает большое влияние на становление личности будущего профессионального переводчика. Перевод играет одну из ключевых ролей в передаче этих культурных ценностей от одного поколения другому, поэтому обучение будущих переводчиков должно основываться на универсальных ценностях и на уважении национальных культурных различий.

Ключевые слова: дидактика перевода, профессиональный переводчик, преадаптивность, ценности, грамотность в отношении будущего.

Gavrilenko Nataliya Nikolaevna

Peoples' Friendship University of Russia, RUDN University
Moscow, Russian Federation
nngavrilenko@narod.ru

PREADAPTIVITY IN TRANSLATION DIDACTICS

Abstract. We live in a rapidly changing world, the condition that necessarily makes us train students to be ready for coming changes, and to develop their " *futures literacy* ". Under the influence of digital technologies, the interpreter's profession is also undergoing dramatic changes, so new specialisms are being introduced, where would-be translators must demonstrate the skill to "pre-adapt". The latter is the ability to perceive uncertainty not as punishment or a source of stress, but as a source of new opportunities. Training students for future interpreters' activities in these conditions also means the education of a value nature. The system of values is effectively formed at the student age thus shaping identities as the personality of a future professional translator. Further on, translation plays a key role in the transmission of cultural values from one generation to another, therefore, the training should be based both on universal values and respect for ethnic culture uniqueness.

Keywords: translation didactics, professional translator, pre-adaptability, values, futures literacy.

1. Введение

Современные традиции обучения в высшем учебном заведении сейчас претерпевают значительные изменения. В свое время Вильгельм фон Гумбольдт разработал принципы университетского образования, которые были основаны на развитии отдельных областей знаний, что повлекло активный рост научных исследований. Такая специализация привела к определенной «замкнутости» преподавателей-исследователей только на своей области знаний. Однако сегодня многие предметы становятся междисциплинарными, интегративными. И перед вузом стоит задача подготовить выпускников с широким кругозором и способностью мыслить нестандартно, при этом не забывая о главной цели вуза — давать фундаментальные знания. Сегодня можно говорить о формировании гибридной модели формирования профессиональных переводчиков, которую, по аналогии с понятием У. Эко «открытая структура» и наименования современных интернет-образовательных практик как «открытое пространство», можно назвать «открытым университетом».

Более двух лет назад Римский клуб представил новый доклад «*Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*» («*Давайте! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты*»), который был приурочен к своему полувековому юбилею и выражал консолидированную позицию Клуба. Доклад написан двумя президентами Клуба — Эрнстом Вайцеккером и Андерсом Вийкманом при участии тридцати четырёх других членов. На мой взгляд, это один из знаковых документов нашего времени. Авторы отмечают, что сегодня задача образования — формирование у молодёжи «грамотности в отношении будущего» (*futures literacy*) [7]. Поэтому важным педагогическим аспектом цели обучения переводческой деятельности выступает не только сохранение и передача старого знания, но и формирование у студентов грамотного отношения к будущему, к возможным изменениям в профессии переводчика.

2. «Преадаптация» в дидактике переводческой деятельности

В соответствии с компетентностным подходом цель дидактики переводческой деятельности — формирование профессиональной личности переводчика, его профессиональной компетентности. Сегодня важную роль в деятельности профессионального переводчика играют цифровые технологии, но эта деятельность во многом определяется и массовыми социальными процессами, которые мы пока плохо понимаем, но именно эти процессы определяют будущее. В современной социологии существует тезис о том, что наше будущее неопределенно и что эта неопределенность нарастает. С этим тезисом можно спорить, но интуитивно мы понимаем, о чем идет речь. Если говорить о человеке, который, родился в Советском Союзе, то вся его жизнь проходила более или менее определенно и предсказуемо. Выпускник выбирал профессию, к которой его готовили, и в течение жизни редко менял её. И задача преподавателя была научить студентов, передавая им свои знания и опыт.

А сегодня мы должны готовить студентов к жизни в быстро меняющемся обществе. Появляются новые специальности переводчика, вероятность смены профессии прогнозируется раз в 6–7 лет, поэтому важным педагогическим мастерством выступает способность подготовить выпускников к профессиональной жизни переводчика в режиме «турбулентности». Три года назад Школа дидактики перевода провела форсайт сессию «Переводчик 2030» [6]. Сейчас,

проанализировав те изменения в переводческой отрасли, которые мы прогнозировали на 15 лет вперед, произошли за прошедшие три года — такова скорость изменений.

Мы сейчас начинаем понимать, что находимся в пространстве неопределенности, вступаем в эпоху перемен и никакой другой реальности не будет. Мы живем в мире, где все гораздо сложнее, чем раньше. Есть очевидные экономические и социальные вызовы, которые мы не можем толком предсказывать и анализировать. И в каком мире мы будем жить через 10–15 лет, по большому счету, никто не знает. А ведь мы готовим переводчиков, которые в течение 40 лет и более будут вести активную профессиональную деятельность.

Когда мы обучаем, мы всегда ставим вопрос «как?». Но ключевым является вопрос «кто знает *зачем?*». На вопрос «Зачем мы обсуждаем будущее?» лучшие ответы предложены в рассказе американского писателя-фантаста Айзека Азимова «Профессия». По мнению автора, все профессии будущего делятся на адаптивные профессии, узкие специализации и *преадаптивные профессии*, когда есть избыточность и готовность к будущему и развитию.

Не могу согласиться с теми, кто говорит, что переводчик — это профессия-пенсия. Наоборот, эту профессию возможно отнести к *преадаптивным профессиям*, и уже сейчас предусмотреть появление таких новых переводческих специальностей как разработчик цифровых переводческих программ, кросс-языковой менеджер и др. Уже сегодня востребованной становится специальность постредактора машинного перевода. Поэтому у будущего переводчика должна быть сформирована способность к преадаптации, т.е. умение воспринимать неопределенность не как наказание или источник стресса, а как источник новых возможностей. «Преадаптация к неопределенности выступает как школа эволюции, в которой выпускники, решая неалгоритмизируемые задачи, готовятся к встрече со случайностями странного мира, наращивают зоркость преадаптации как «функционального органа шестого чувства»» [1, с. 19].

И если мы хотим развиваться, то должны делать ставку на творческий потенциал преадаптации. Если адаптивность — это умение приспособиться к жизни в новых условиях и выжить, то преадаптивность включает создание новых возможностей и инновационных решений и представляет собой качество, которое для наших студентов становится ключевым.

3. Ценности в дидактике переводческой деятельности

Наравне с предметными знаниями и умениями, с «мягкими навыками» (критическим мышлением, способностью к самообучению, умением полноценно использовать цифровые инструменты, источники и сервисы в своей повседневной работе) переводчик должен творчески применять имеющиеся знания в быстроразвивающейся цифровой среде. Цифровизация очень сильно проявила себя в области переводческой деятельности. Переводчик активно использует машинный перевод при работе с типовой документацией, проводя подготовку текстов к машинному переводу и постредактирование таких переводов. И мы должны готовить студентов к тому, что цифровые технологии меняют и будут менять профессию переводчика, создавая новые специальности, предъявляя все новые требования к его личности.

Быстро развивающиеся технологии оказываются не только очевидным благом, но и приносят много вопросов. Технологии покушаются на человеческие ценности и права, выработанные и завоёванные людьми в последние сотни лет. Поэтому при формировании переводческой компетентности следует формировать ценностную составляющую у наших студентов.

Система ценностей активно формируется в студенческом возрасте и оказывает большое влияние на становление личности будущего профессионального переводчика. Ценности представляют собой разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения [3], а перевод играет одну из ключевых ролей в передаче культурных ценностей от одного поколения другому [5]. Поэтому обучение будущих переводчиков должно основываться на универсальных ценностях и на уважении культурных различий.

Такой подход предполагает формирование у студентов «гармоничного переводческого мировоззрения» как разновидности профессиональной картины мира [2], что позволит сформировать у студентов двуязычную и бикультурную языковую личность и научить их воспринимать две языковые нормы [4].

То, как мы учим, зависит от сбалансированного сочетания этих ценностей. Сегодня это особенно важно, так как цифровые технологии меняют наш образ действий. В данном случае дидактика переводческой деятельности выступает рамочной структурой, руковод-

ством по использованию технологий в преподавании. На разных этапах обучения возможно использовать различные методические подходы, которые позволят осуществлять сбалансированное обучение профессиональным умениям и ценностям будущего переводчика.

4. Заключение

Поэтому перед преподавателями перевода стоит очень трудная задача: учиться самим всему новому, что появляется в мире, а затем постараться все это передать нашим студентам. По сути, мы все это делаем сегодня на бегу. Мы должны не пугать наших студентов предстоящими изменениями в этом мире, а научить их строить этот мир в соответствии со своим видением нашего будущего. К сожалению, стоит признать, что студенты приходят в вуз не готовыми к самостоятельному мышлению, к креативности. Но это наша с вами реальность: что мы сформируем у них, с тем они и будут дальше жить в этом мире, строить его. Поэтому все так называемые «универсальные навыки» — это не пустые слова, а наша реальность. Мы должны учить студентов не только узкопрофессиональным действиям, но и пониманию того мира, в который мы их выпускаем.

Литература

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.voppsy.ru/174003.htm#_ftn1 (дата обращения: 02.09.2020).
2. Кушнина Л. В. Формирование элитарной языковой личности лингвиста-переводчика в процессе обучения письменному переводу // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8, № 29. С. 24–32.
3. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд., доп. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
4. Языковая личность переводчика: кол. монография / под ред. Л. А. Нефедовой; науч. ред. М. В. Загидуллина. Челябинск, 2011. 420 с.
5. Brodski B. Can these Bones Live?: Translation, Survival, and Cultural Memory. Stanford: Stanford University Press, 2007. 272 p.
6. Gavrilenko N. N., Biryukova Y. N. Forecasting the translation profession development: foresight technology [Электронный ресурс] //

Journal of History Culture and Art Research. December 2019.
URL: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v8i4.2365>

7. Weizsäcker von, E. U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet : A Report to the Club of Rome. Springer Science+Business Media LLC 2018. 220 p.

УДК 81'25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-80-85

© **Иванова Ольга Юрьевна**

Российский новый университет/Союз переводчиков России

г. Москва, Российская Федерация

terentia@mail.ru

ПЕРЕВОД В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье идет речь о лингвоэкологическом аспекте гуманитарной миссии Союза переводчиков России, представлен обзор его актуальных проектов, имеющих своей целью поддержание в России в условиях полиязычия, языкового и культурного баланса, а также совершенствование общегосударственной языковой политики.

Ключевые слова: лингвоэкология, переводческая деятельность, этнолингвистическая витальность, языки народов России как инструмент перевода, лингвистический ландшафт.

Olga Yu. Ivanova

Russian New University / Union of Translators of Russia

Moscow, Russian Federation

terentia@mail.ru

TRANSLATION IN THE CONTEXT OF LINGUOECOLOGY, CULTURE AND COMMUNICATION

Abstract. The article deals with the linguo-ecological aspect of the humanitarian mission of the Union of Translators of Russia, provides an overview of its current projects aimed at maintaining the linguistic and cultural balance in Russia in a multilingual environment, as well as improving the national language policy.

Keywords: linguoecology, translation activity, ethnolinguistic vitality, languages of the peoples of Russia as a translation tool, linguistic landscape.

Всероссийская онлайн конференция, приуроченная к знаменательным датам в истории кафедры перевода и межкультурной коммуникации и факультета иностранных языков Бурятского государ-

ственного университета, своим названием «Экология. Коммуникация. Перевод» предопределила содержание потенциальных выступлений, органично войдя, как нам кажется, в круг мероприятий, в рамках которых сейчас разворачивается обсуждение того, как должно быть организовано в России объявленное ООН Международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032 гг.) [1, URL : https://aif.ru/society/people/vmeste_s_yunesko_pora_prisoedinilsya_k_rabote_mezhdunarodnoy_gruppy].

Понимая вслед за Р. О. Якобсоном перевод достаточно широко [2, с. 16–24] и не ограничивая переводческую деятельность только межъязыковым посредничеством, автор этой статьи считает возможным расширить представление о функционале перевода, добавив к традиционным функциям медиации (посредничества) в самом широком смысле этого слова (межъязыкового, межкультурного, межсемиотического, социокультурного и др.) коммуникации, культуроформирования и функцию содействия сохранению этнолингвистической витальности. Примечательно, что для России эта функция нацелена как на сохранение жизнедеятельности русского языка во всех его проявлениях и статусах, так и других языков народов России.

Примечательно, что в наше время в условиях глобализации, сопровождающейся англоизацией общественного вербального пространства, сокращением объемов представления русского языка за пределами России применительно к борьбе за витальность, т.е. жизнеспособность, речь с позиции России в равной мере идет как о русском языке, на фоне прочих языков России, находящихся во вполне благополучном положении, так и о языках народов России, многие из которых (языков) в наши дни находятся на грани исчезновения. Нет сомнения в том, что язык жив, пока он востребован. Востребованность языка определяется масштабностью и разнообразием форм и способов его использования. Чем шире ассортимент возможностей использования языка, чем шире коммуникативное пространство его использования, тем больше шансов на его сохранение.

Возможность ведения разнонаправленной и многоаспектной переводческой деятельности на языке является одним из свидетельств прочности и масштабности его коммуникативного пространства. Разумеется, говоря о переводе применительно к проблеме этно-

лингвистической витальности, мы в минимальной степени соотносим проблемы перевода с проблемами перевода произведений художественной литературы. Речь идет исключительно о прикладных аспектах переводческой деятельности, связанной с обеспечением элементарной жизнедеятельности человека, его здоровья, образования и др. В условиях пандемии, обусловленной распространением коронавируса, в качестве одного из востребованных направлений переводческой деятельности проявил себя социальный перевод, в частности, перевод личных документов, перевод сопровождения, медицинский перевод, обеспечивающий коммуникацию между больным и пациентом, аудиодескрипция и др.

Не менее востребованным направлением оказался и судебный перевод с использованием языков народов России и языков народов стран СНГ. Оцифровка актов гражданского состояния, которая проводится в конце этого года в рамках федеральной программы цифровизации и инициирована Министерством юстиции РФ, хотя и является разовой акцией, но также демонстрирует потенциальную возможность масштабного привлечения к работе по переводу документов государственного назначения значительного числа квалифицированных переводчиков, использующих в работе языки народов России.

В ряде национальных республик, в том числе, в Бурятии, а также в Татарстане, в Чеченской республике и других субъектах РФ в последние годы проявился интерес к переводу на национальные языки классики отечественной и зарубежной мультипликации. Это направление перевода примечательно тем, что, с одной стороны, расширяет масштабы переводческой деятельности, создает новое для национальных языков направление рынка, а с другой, создает реальные рычаги мотивации к использованию и изучению родного языка, формирует реальные условия восприятия мира, социализации на самых ранних этапах формирования личности, т.е. в раннем детстве, посредством родного языка.

Цифровизация, расширение возможностей использования ИТ-технологий формирует интерес к разработке и использованию электронных лексикографических, терминографических и других справочных баз данных и источников на языках народов России, размещенных в сети Интернет.

Указанные выше примеры касаются преимущественно таких направлений переводческой деятельности с использованием языков народов России, которые реализуются в рамках коммуникативных ситуаций внутри страны, внутри государства. Однако автор статьи является категорическим противником того, чтобы обобщать переводческую деятельность, связанную с использованием языков народов России, в рамках термина «внутригосударственный перевод». Языки народов России имеют возможность выходить (и выходят) как средство межъязыковой коммуникации за пределы России. В качестве примера можно привести разнообразные языковые группы, которые формируются в реальных условиях использования татарского языка (татарский-турецкий, татарский-персидский, татарский-арабский, татарский-английский, татарский-китайский, татарский-якутский и др.), языка коми (коми-финский, коми-венгерский, коми-английский и др.) и других языков народов России. На наш взгляд, ограничения, накладываемые термином «внутригосударственный» перевод, способны сыграть отрицательную роль в определении границ функциональности национальных (региональных) языков в то время как именно масштабность этих границ является реальным основанием для укрепления языковой витальности, т.е. обе категории находятся друг от друга в прямой зависимости.

Масштабность, внешняя и внутренняя направленность переводческой деятельности с использованием языков народов России должна быть институализирована, определена и идентифицирована. Нет сомнения в том, что особенности, связанные с использованием в переводе языков народов России, должны получить отражение и в тексте разрабатываемого профстандарта переводческой профессии. Прагматика перевода с использованием иностранных языков и перевода с использованием языков народов России не является идентичной, что заставляет говорить о необходимости дифференциации этих сфер переводческой деятельности, в том числе, и с учетом последующего отражения этой дифференциации в Федеральных образовательных стандартах. В свою очередь, внесение переводческой деятельности с использованием языков народов России как самостоятельного направления в ФГОС позволит, наконец, сформировать необходимую мотивацию и условия для разработки системы методического обеспечения целевой подготовки переводчиков национальных языков, формирования этого направления как офи-

циальной самостоятельной переводческой профессии, создания в дальнейшем системы дополнительного профессионального образования национальных переводчиков, их единой аттестации.

Необходимость создания единого общегосударственного электронного реестра квалифицированных переводчиков национальных языков всем очевидна. Эта задача должна быть решена как можно скорее, в том числе, и с привлечением переводческих кадров стран СНГ.

Вопросы сохранения этнолингвистической витальности языков народов России теснейшим образом связаны со всем кругом проблем экологии языка. Широта осмысления переводческой деятельности, включение в сферу интересов СПР вопросов лексикографии, лексикологии, терминографии, социолингвистики и языковой политики определяют интерес российских переводчиков и переводоведов к широкому спектру проблем лингвоэкологии, теснейшим образом пересекающихся с указанными выше частными направлениями прикладной лингвистики. Примером исследовательской работы СПР, нацеленной на вопросы, связанные с экологией языка, может быть названо участие в разного рода терминологических, лексикографических и топонимических проектах последних лет. Одним из наиболее значимых проектов последнего времени следует назвать проект, инициированный правлением СПР и реализуемый при организационном участии ученых Российского нового университета¹. Официальное название проекта — «Лингвистический ландшафт как механизм государственной политики: социокультурные и коммуникативные аспекты». Проект призван объединить усилия представителей более 30 региональных отделений СПР в оценке современного состояния лингвистического ландшафта различных субъектов Российской Федерации с целью совершенствования условий вербального оформления их общественного пространства. Совершенствование вербальной экологии России, сохранение и отражение ее языков в т. ч. средствами визуальных диалектов являются целевыми установками проекта.

Инициативы СПР, направленные на расширение переводческой деятельности на языках народов России, связанные с совершен-

¹ Реализуется при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-011-31742.

ствованием языковой экологии, языковой политики нашли отражение в тексте Стратегии СПР на ближайшее пятилетие. Конкретным организационным шагом, направленным на реализацию этих задач, явилось создание при правлении СПР Совета по переводу с использованием языков народов России¹, который объединил в своих рядах известных лингвистов, переводчиков, представляющих различные этнокультурные регионы страны. В планах Совета — различные мероприятия, нацеленные на развитие переводческой деятельности с использованием языков народов России прежде всего в контексте сохранения российского полиязычия и поликультурности как главных условий и инструментов гармоничной языковой политики, в целях обеспечения оптимальной лингвокультурной экологической ситуации в стране.

Литература

1. Зайцев С. Вместе с ЮНЕСКО. Пора присоединиться к работе международной группы // Аргументы и факты. Федеральный АИФ. 20.07 [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/people/vmeste_s_yunesko_pora_prisoedinilsya_k_rabote_mezhdunarodnoy_gruppy (дата обращения: 04.09.2020).

2. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.

¹ Название не является окончательным, носит рабочий характер. В настоящее время ведётся дискуссия, направленная на поиск оптимального варианта названия как самого Совета, так и направления переводческой деятельности.

УДК 81'25:004

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-86-97

© Зарубин Даниил Дмитриевич

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

einfachzarubin@gmail.com

МЕТАТЕОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: СИНТЕЗ КВАНТОВЫХ, БИОСЕМИОТИЧЕСКИХ И СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ

Аннотация. Изучение процесса перевода производится косвенным путем при помощи разработки различных теоретических моделей, с большей или меньшей приближенностью описывающих процесс перевода в целом или какую-либо его сторону. Любая модель перевода носит гипотетический характер, поскольку нет прямых доказательств, что переводчик действует именно по ней, однако совпадение результата перевода с прогнозируемым результатом согласно модели показывает, что она обладает определенной объяснительной силой. В теории перевода известны множественные попытки построения моделей переводческого процесса. Более простые модели по мере развития теории получают варианты расширения и уточнения в зависимости от того, каким представляется исследователю механизм переводческой деятельности. Данная метатеория позволяет взглянуть на процесс с другого ракурса — посредством погружения в сложный ментальный процесс перевода синтезированием положений из квантовой механики, биосемиотики и синергетики.

Ключевые слова: переводоведение, метамоделирование, метатеория, биосемиотика, синергетика, концепция Умвельт, перевод как система.

Zarubin Daniil D.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

einfachzarubin@gmail.com

METATHEORY OF TRANSLATION PROCESS: SYNTHESIS OF QUANTUM, BIOSEMIOSIS AND SYNERGETIC IDEAS

Abstract. The study of the translation process is carried out indirectly by developing various theoretical models that describe the translation process as a

whole or any part of it with more or less approximation. Any translation model is hypothetical, since there is no direct evidence that the translator acts on it, but the congruence of the translation result with the predicted one using the model shows that it has a certain explanatory power. In translation theory, there are multiple attempts to build models of the translation process. Simpler translation models, as the theory developed, receive various complications and being enhanced depending on how the translation researcher sees the mechanism of translation activity. This metatheory allows us to look at the process from a different angle - by immersing yourself in the complex mental process of translation by synthesizing ideas taken from quantum mechanics, biosemiotics and synergy.

Keywords: translation studies, metamodeling, metatheory, biosemiosis; synergetics, Umwelt concept, translation as a system.

Введение. Процесс перевода включает в себя, по меньшей мере, два этапа: уяснение переводчиком содержания оригинала и выбор варианта перевода. Теоретики перевода стремятся выяснить, как происходит восприятие оригинала для перехода к целевому тексту и какие закономерности лежат в основе действий переводчика. Моделью перевода принято считать условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части. Иначе говоря, модели представляют процесс в виде ряда мыслительных операций над языковыми или речевыми единицами, т.е. в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода [8, с. 51].

На сегодняшний день существует большое количество моделей процесса перевода, начиная от наиболее простых (но по-научному прорывных), например, динамическая модель Юджина Найды, заканчивая сложными и объемными моделями, как психолингвистическая модель перевода И. Э. Клюканова [2, с. 150]. В этом множестве начинающему исследователю-переводчику трудно разобраться, какая модель более релевантна, какая, наоборот, уводит изучающего в противоположную сторону. По нашему мнению, разброс мнений вызван тем, что каждый лингвист-переводовед обладает уникальным мышлением и представлением динамики абстрактных сущностей, поэтому моделирование интерпретативной силы текста — это процесс больше творческий, нежели академический и дидакти-

ческий, что помогает взглянуть на эту проблему несколько под иным углом — смахивая пыль со старой естественнонаучной теории, и пробуя соединить ее с существующей моделью перевода. Наверное, данный синтез происходит именно потому, что знания, полученные в прошлом, содержат в себе кумулятивный эффект. В результате получается некий остов для дальнейших гипотез, которые в настоящем времени пытаются объяснить знания, уже полученные в прошлом.

В рамках метатеории будет произведена попытка синтеза нескольких теорий. Так, совокупность представлена следующими концепциями: теория-донор — *квантовые струны*; теория-реципиент — *модель перевода* А. В. Баранова; надтеории — *теория Умвельта* Я. Ф. Иксюля и *синергетический принцип в переводе* Л. В. Кушниковой.

Теория-донор. Если не вдаваться в технические подробности, то это теория постулирует о том, что в каждой элементарной частице существует квантовая струна, которая активизируется в процессе воздействия на эти частицы любыми природными силами — электромагнитной, гравитационной и т.д.

Теория струн объединяет теорию относительности (гравитацию — плавно искривленную геометрическую ткань пространства и времени), *макромир* — мир больших объектов, в котором живут люди, и *микромир* — квантовый мир — мир простых частиц. Эти миры изучает квантовая механика. Следует заметить, что теория струн воспринималась как теория ядерного взаимодействия (в ядре атома удерживаются нейтроны и протоны), поэтому струны имели свойство гипотетической частицы — *гравитона* (частицы-переносчики гравитационного взаимодействия), которую изначально спутали с колебаниями глюонов (частицы-переносчики сильного взаимодействия) [3, с. 7].

Если масштабировать ментальный — предвербальный — этап перевода путем внедрения базового положения данной теории, то струны — это переносчики совокупности культурных и социальных составляющих оригинала. *Лингва-струна* — это абстрактный сосуд, который служит для переноса авторских замыслов и интенций, с одной стороны, ценностных ориентиров, концептуализаций внешнего мира той культурой, к которой принадлежит автор, с другой. В данном понимании текст — это *квантовое поле*, в котором взаимо-

действуют частицы всех уровней: от субатомных (мыслительных и эмоциональных энергетических сущностей — *предзнания*) до элементарных (слова, словосочетания, предложения). С учетом использования квантовых характеристик *текст* пронизан *лингва-струнами*, которые, взаимодействуя друг с другом, создают знаковое поле, т.е формируют текст, который регулируется *системой, нормой и узусом* исходного и целевого языков.

Теория-реципиент. Основой для метатеории в качестве переводческой модели послужит модель А. Н. Баранова «Языковые и когнитивные операции в процессе перевода» [1, с. 139]. Автор разграничивает три «когнитивные стратегии», или пути перевода, — полный, сокращенный, краткий, которые выбираются когнитивной системой человека в зависимости от характера коммуникативной ситуации и ее этапов. Как поясняет автор, «перевод по полному пути предполагает, что в его ходе происходит построение некоторого концептуального представления содержания текста, предположительно не зависящего от особенностей входного и выходного языков и учитывающего всю полноту знаний, которые в связи с конкретным текстом могут быть привлечены переводчиком (или переводящим устройством) для максимально более глубокого понимания текста и максимально адекватной передачи его содержания на другом языке [1, с. 140].

Над-теории

1. Теория Умвельт (*нем.* Umwelt — окружающая среда, внешняя среда). Якоб фон Икскюль (1864–1944) положил начало семиотическому подходу в биологии. Он преследовал цель построить теоретическую биологию таким образом, чтобы она перестала быть слепой к проблеме смысла в живой природе. Икскюль показал, что животные — каждый вид и отчасти каждая особь в нем — воспринимают окружающий их мир *избирательно* так, что разные живые организмы живут в разных, порой непересекающихся мирах восприятия и действия. Тот срез мира, который имеет значимость для живого организма, который он способен воспринять и на который распространяются возможности его движения и действия, это и есть *Umwelt* этого организма, т.е Umwelt — это внутренний мир личности, взаимодействующей с окружающей средой [5, с. 42].

Согласно Икскюлю, это особый мир восприятия и действия, тот мир, который строит себе всякий биологический вид и отдельная

особь в нем, к которому адаптирован и который определяет способ его поведения в нем. В отличие от объективной, универсальной среды (*нем.* *Umgebung*) первая — это определенный срез мира, из которого живые существа при помощи органов чувств и сложных аналитических систем сканируют универсальную среду и выбирают только те сигналы и реагируют только на те раздражители, которые соответствуют возможностям органов чувств, а также нуждам живого существа для успешного выживания и ведения активной деятельности, при этом, находясь постоянно под воздействием стрессовых ситуаций [4, с. 150].

Важно отметить, что *Умвельт* состоит из знаков, которые животное получает через органы чувств и интерпретирует. Таким образом, *Умвельт* — это субъективный мир животного, состоящий из двух сфер, скроенных органами чувств и органами действия из окружающей действительности — *перцептуального* и *операционального мира*. Соответственно, синонимами этого понятия являются «поведенческое пространство жизни» и «значимая среда».

2. В качестве синергетической идеи используется **концепция гармонизации Л. В. Кушниной и базовый принцип синергетических систем**. Гармонизация означает слияние или синергию разрозненных мыслей переводчика в один цельный текст перевода, что в совокупности дает уникальный текст, который гармонично вписывает в культуру языка перевода [7, с. 83]. Синергетический принцип самоорганизации языка-речи-мышления как открытой системы реализуется в том месте, когда индивид начинает воспринимать информацию. *Синергетический отбор*, по нашему мнению, это ключевой фактор, влияющий на формирование и дистрибуцию информации, т. к. вначале идет фаза восприятия (органами чувств), затем наступает фаза обработки (анализ информации, отсеивание ненужной по принципу движения от хаоса к порядку), и в конце индивид пользуется только той информацией, у которой шансы на «выживание» потенциально высоки (ср. влияние на окружающий мир с помощью знаков). То есть, в фазе восприятия, когда органы чувств хаотично воспринимают информацию, происходит активация синергетического принципа (от хаоса к системе, затем к порядку).

Общее представление работы метатеории

Представив необходимые теории и идеи для их конвертации в метатеорию, попытаемся для более наглядного понимания схематически представить синтетическое моделирование перевода:



Рис. 1. Метатеория моделирования процесса перевода

На основе положений, взятых из квантовой физики, биосемиотики, синергетики и переводческой модели А. Н. Баранова следует, что взаимодействие происходит между *Автором*, *Переводчиком* и *Реципиентом*, которые в свою очередь связаны *Концептуальным Текстом*. Перед созданием текста, автор держит в уме *Концепт текста*, который помогает ему логически выстроить текст. Затем в ходе создания текста он создает некий культурный срез (срез *Умгебунга*), запечатляющий состояние культуры, пространства и времени на определенном этапе жизнедеятельности общества, добавляя в текст лингва-струны на микро-, и макроуровнях. *Умвельты автора* и *переводчика* сталкиваются (пересекаются, где-то накла-

дываются) в процессе осмысления *исходного текста*. Задача переводчика заключается в том, чтобы, используя органы чувств и когниции, обнаружить и вычлениить *лингва-струны*, которые раскиданы по всему тексту хаотично. Как уже было упомянуто выше, элементами когниции могут служить образы, скрипты, фреймы и идиостилевые языковые средства.

В данной метамодели, *Реципиент* рассматривается как конечная цель перевода, т.е. звено мобилизующее, управляющее и мотивирующее переводчика на осуществление адекватного перевода с распознаванием и сохранением элементов авторской когниции.

Как нам видится в нашей метатеории семиозис автора? До момента создания текста автор находится в *Умгебунге*, лишь определившись с целью коммуникации, он отбирает на основе органов чувств значимую для донесения информации путем отсеивания избыточной и ненужной, и заносит ее в свой *Умвельт* для дальнейшего использования при создании варианта текста. Когда он переносит свои переживания и размышления на бумагу, *перцептуальный мир* превращается в мир *операциональный* (здесь: обработка, переработка), где выделенная категоризация становится частью *Умвельта*. Далее, эти элементы выходят из операционального мира и фиксируются в виде внутренних паттернов, затем окончательно манифестируются в вербальном знаке как цельный текст.

Следующим шагом в этой схеме представлена деятельность *переводчика*, который обладает достаточными экстралингвистическими знаниями, а также языковыми способностями, которые позволяют переводчику вскрыть ментальную оболочку автора (*Умвельт*) через анализ текста оригинала. Данный этап проходит следующим образом: переводчик читает текст, если у него возникают какие-то когнитивные пробелы (отсутствие знания концептов, скриптов, фреймов), то он его восполняет: читает статью на заданную тематику, смотрит документальный фильм, ищет другую справочную информацию. После этапа восприятия переводчик обрабатывает всю информацию и выбирает именно ту, которая соответствует рамкам заданного текста. Именно на этом этапе срабатывает синергетический принцип, описанный Л. В. Кушниной. Из всего хаоса мыслей *переводчик* вычленяет те, которые являются основополагающими для тематики и коммуникативного донесения автора.

Основополагающей задачей переводчика является раскрытие *лингва-струн*, а также их внедрение в текст перевода, поскольку они несут в себе важную культурную информацию невербальной природы (концепты, скрипты, фреймы и предзнание), заложенную в тексте. После завершения перевода текст направляется к *реципиенту*, который, также исходя из своего *Умвельта* и своего функционирования *операционального* и *перцептуального* миров, воспринимает информацию, обрабатывает ее, определяя личностное отношение к ней, например, через обсуждение понятого с другими реципиентами. Двойная прозрачная стрелка в середине схемы между *автором* и *реципиентом* указывает на их косвенную связь. Косвенность объясняется тем, что автор создатель текста, а реципиент его конечный потребитель. Например, автор может образно представлять реципиента (-ов) для того, чтобы определиться с коммуникативной задачей и смыслами текста. Реципиент, в свою очередь, представляя автора, может примерно предугадывать тематику текста, наличие авторского стиля и т.д.

Практическое применение метатеории

Первым примером может послужить перевод фразеологизма *to go it alone (to do it alone)* взятого из статьи 'The International Order after COVID 19' на сайте онлайн-обозревателя *Project Syndicate, USA*.

<p>The first narrative is straightforward: a global health crisis has further demonstrated the need for <i>multilateralism</i> and exposed the fallacy of go-it-alone nationalism or isolationism. https://www.project-syndicate.org/commentary/pandemic-nativism-versus-globalism-by-robert-malley-2020-04</p>	<p>Первая концепция простая и понятная: пандемический кризис подчеркивает необходимость системы многосторонних отношений (<i>мультилатерализм</i>) и демонстрирует всю ошибочность одностороннего национализма и изоляционизма.</p>
---	--

В данном примере переводчик принимает решение на основе контекста, в который погружена ситуация. Перед переводчиком стоит определенная задача — перевод фразеологизма *to go smth alone*. Без контекста данное устойчивое сочетание означает при-

мерно следующее: *действовать самостоятельно; действовать в одиночку; справляться без чьей либо помощи*. Основываясь на семантике фразеологизма (*выступать одному, быть против всех*), а также с учетом контекста (в данном случае речь идет о национализме), беря во внимание употребление термина *мультилатерализм* (международные отношения), переводчик выбирает очень удачный вариант перевода — *односторонний*, который отражает узкое приращение националистических идей в рамках одной культуры.

Алгоритм ментальных действий переводчика выглядит примерно так: восприятие переводчиком концептуального выражения **to go smth alone** (*переход слова из Умгебунга в Умвельт автора, затем в Умвельт переводчика*) / оценка коммуникативной ситуации / пополнение фоновых знаний (*т.е. обогащение Умвельта, если это необходимо*) / поиск вариантов перевода / выбор варианта с сохранением лингва-струны (*семантика действия в одиночку, один против всех*) — перенос концепта из перцептивного мира в операциональный / *синергетический отбор* варианта перевода с частичной потерей основной семантики слова **односторонний** (*переводческое решение*) / перенос концепта из *перцептуального* мира в *операциональный* — манифестация вербального знака варианте перевода.

Второй пример взят из той же статьи:

<p>China, buoyed by its camera-friendly demonstrations of generosity at the height of the crisis, might step up to fill the leadership vacuum. But it also could find itself weighed down by its own botched handling of the outbreak, and by the domestic political implications of a profound economic contraction</p> <p>https://www.project-syndicate.org/commentary/pandemic-nativism-versus-globalism-by-robert-malley-2020-04</p>	<p>Китай, опираясь на красивые демонстрации щедрости в момент пика кризиса, может выйти вперед и заполнить вакуум лидерства. Но его позиции могут осложнить собственные ошибки в борьбе с эпидемией, а также внутривнутриполитические последствия сильного экономического спада.</p>
---	--

В данном примере интересны два случая: 1) глагол *buoy*; 2) часть предложения *it's own botched handling of the outbreak*. Глагол *buoy* имеет следующие значения — *обстаивать, отмечать, огра-*

ничить буюми (морской термин). Примечательно то, что переводчик, понимая специфичность данного слова, попытался упростить его понимание и подобрал вполне нейтральный вариант — *опираться на*, учитывая коммуникативную ситуацию (щедрые демонстрационные действия Китая в момент кризиса). Получается, что в ходе анализа ситуации переводчик знакомится с семантикой слова *бую*, затем из вариантов перевода не выбирает эквивалент, данный в словаре, а, исходя из образного представления ситуации и действия от метонимической связи, переводит словом *опираться*.

Алгоритм ментальных действий переводчика, вероятно, имеет следующую траекторию: восприятие переводчиком концептуального слова **бую** (переход слова из *Умгебунга* в *Умвельт* автора, затем в *Умвельт* переводчика) / оценка коммуникативной ситуации / пополнение фоновых знаний (обогащение *Умвельта* переводчика, если это необходимо) / поиск вариантов перевода (синергетический отбор) / выбор варианта перевода с сохранением лингва-струны (семантика морской деятельности) или (использование своего варианта с потерей образности слова *опираться*) / перенос концепта из перцептуального мира в операциональный / манифестация в тексте с помощью вербального знака.

Примерно схожие действия переводчик выполняет при расшифровке части предложения *it's own **botched** handling the out break*. Глагол **botch** имеет несколько значений: 1) основное — *плохо залатать, заштопать*; 2) *сделать что-то небрежно, провалить*; 3) с низкой коннотацией — *напортчить, испортить, загубить*. Коммуникативная ситуация, которая состоит в том, что на фоне того, что Китай является первой страной, усмирившей вспышку коронавируса, тем не менее, ее первоначальные действия вызывают много вопросов у мирового сообщества. Поэтому переводчик выявляет имплицитный смысл: именно недоверительное отношение к Китаю может сыграть с ним злую шутку в будущем. Однако переводчик, соблюдая этику политического дискурса, выбирает из всех возможных вариантов коррелят с завышением стиля — *осложнить*. При этом ни одно из предлагаемых значений слова не обладает нужной переводчику семантикой, чтобы подчеркнуть *усложнение/осложнение* действий.

Алгоритм выглядит следующим образом: восприятие концептуального слова **botch** (переход слова из *Умгебунга* в *Умвельт* автора,

затем в Умвельт переводчика) / оценка коммуникативной ситуации / пополнение фоновых знаний (*обогащение Умвельта переводчика, если это необходимо*) / поиск вариантов перевода (*синергетический отбор*) / выбор варианта перевода с сохранением лингва-струны (*передача переносного смысла с семантикой **осложнения/усложнения действий***) или (*использование основного варианта с потерей основной семантики слова **залатать, заштопать небрежно***) / перенос концепта из перцептуального мира в операциональный / манифестация в тексте с помощью вербального знака.

Заключение

Данная метатеория не претендует на статус идеальной теории, скорее, это попытка создания метатеории, которая восполняет лакуну ментального — перцептуального и операционального этапа посредством кросс-дисциплинарных сведений. Комбинируя, таким образом, теории из *квантовой физики и переводоведения, биосемантики и синергетики*, создается новый взгляд на достаточно привычное видение процесса перевода. В ходе работы было продемонстрировано, что переводческие модели перевода ставят перед собой задачу представить процесс перевода в целом, указать и на общее направление движения мысли переводчика, и на последовательность промежуточных этапов перехода от оригинала к переводу. Последнее достигается путем описания типов мыслительных операций, с помощью которых переводчик находит нужный вариант перевода. При этом предполагается, что между единицами оригинала и перевода существует непосредственная связь: из исходной единицы путем переводческих трансформаций может быть получена единица перевода [6, с. 171]. В нашем же случае такие единицы перевода включены в создание *лингва-струн* автором, выявление, раскрытие и реализация которых, осуществляется переводчиком при переводе исходного текста.

Эвристические эксперименты в области создания метатеорий позволяют также представить переводоведение как дисциплину, стоящую если не особняком от лингвистики, то хотя бы обозначить ее основные отличия в плане ментальных этапов переводческого посредничества. Постепенно, начиная с малого (масштабирования отдельных микро-этапов), можно прийти к созданию метатеорий, которые органично и непротиворечиво дополняют друг друга, позволяя представить более масштабные ментальные переводческие алгоритмы и операции.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 360 с.
2. Дашинамаева П. П. Теория перевода. Психолингвистический подход: учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
3. Дементьев Р. Р., Алышев Ю. В. Теория струн [Электронный ресурс] // Проблемы науки. 2019. № 111(144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-strun> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Uexküll J. von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909. S. 150.
5. Князева Е. Н. Телесно-ориентированный подход в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 42–49.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учебник для ин-ов и фак. иностр. яз. М.: ВШ, 1990. 253 с.
7. Кушнина Л. В. Перевод как синергетическая система [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-sinergeticheskaya-sistema> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Степанова М. А., Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода // Вестник НВГУ. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volkova-t-a-diskursivno-kommunikativnaya-model-perevoda> (дата обращения: 20.04.2020).

УДК 378. 147: 811

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-98-105

© **Заровняева Сильвия Сергеевна**

Политехнический институт (филиал)

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова»

г. Мирный, Российская Федерация

silka86@mail.ru

© **Орбодоева Лариса Матвеевна**

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

orbodoeva@mail.ru

МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРИГЛОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения иностранному языку студентов технического вуза в условиях трилингвизма. Трудности усвоения иностранного языка при обучении иноязычной профессиональной коммуникации связаны с недостаточными знаниями предметной области, а также неравномерным владением государственным (русским) и национальными языками. В этой связи авторы уделяют особое внимание системному представлению предметной области в терминах и ассоциатах родного (якутского) языка. Поэтому в работе обосновывается правомерность формирования у студентов технических специальностей профессионального тезауруса, под которым понимается совокупность знаний и представлений в профессиональной сфере. В статье описывается модель обучения иноязычной профессиональной коммуникации, включающей в себя цели, содержание, подходы, принципы, технологию обучения. В качестве основного средства формирования профессионального тезауруса выступает разработанный в рамках исследования трехязычный терминологический словарь тезаурусного типа.

Ключевые слова: иноязычная профессиональная коммуникация, субординативная триглоссия, профессиональный тезаурус, модель обучения, терминологический словарь.

Zarovnyaeva Silvia Sergeevna
Mirny Polytechnic Institute (branch)
of North-Eastern Federal University
Mirny, Russian Federation
silka86@mail.ru

Orbodoeva Larisa Matveevna
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
orbodoeva@mail.ru

MODEL OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL COMMUNICATION IN THE CONDITIONS OF SUBORDINATE TRILINGUALISM

Abstract. This article deals with the problem of foreign language teaching to students of a technical higher school in the conditions of trilingualism. Difficulties of mastering a foreign language in teaching foreign language professional communication are associated with insufficient knowledge of the subject area, as well as uneven command of the official (Russian) and regional languages. In this regard, the authors pay special attention to the systemic representation of the subject area in terms and associations of the native (Yakut) language. Therefore, the work substantiates the legitimacy of the formation of a professional thesaurus among students of technical specialties. Professional thesaurus is understood as a set of knowledge and ideas in the professional sphere. The article describes a model of teaching foreign language professional communication, which includes goals, content, approaches, principles, and teaching technology. The main means of forming a professional thesaurus is the trilingual terminological dictionary of thesaurus type developed within the research.

Keywords: foreign language professional communication, subordinate trilingualism, professional thesaurus, learning model, terminological dictionary.

Современное направление языковой политики в нашей стране нацелено на сохранение, развитие, популяризацию языков народов Российской Федерации и повышению престижа владения родным языком. В национальных республиках РФ государственными языками выступают, как правило, два языка. Наряду с этим особая роль в языковом образовании отводится иностранному языку, усвоение которого происходит в условиях субординативной триглоссии.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью учета специфики взаимодействия контактирующих языков и их влиянием на усвоение иностранным языком (третьим языком) студентами-билингвами в технических вузах национальных республик.

Так, в вузах Республики Саха (Якутия) наблюдается разноязычие студенческой аудитории. Результаты анкетирования, проведенного нами среди студентов Политехнического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета в г. Мирном показали, что 72% опрошенных используют якутский язык в качестве основного в различных ситуациях общения, в том числе и в учебной сфере. Поэтому возникают объективные трудности у якутскоговорящих студентов при освоении иностранного (английского) языка, которым они овладевают через призму другого государственного (русского) языка. Таким образом, большинство студентов технических вузов в Республике Саха являются билингвами: знание двух языков — якутского и русского — составляет тот фон, на основе которого осуществляется обучение английскому языку.

Как известно, целью обучения иностранному языку студентов технических специальностей выступает обучение иноязычной профессиональной коммуникации. Однако сложившаяся к настоящему времени система подготовки студентов технических вузов характеризуется недостаточной содержательной наполненностью, проявляющейся в отсутствии взаимосвязи между общеязыковой и специальной подготовкой. На начальном этапе обучения в вузе, когда изучается иностранный язык, у студентов еще не заложена прочная предметно-смысловая основа: речь идет о недостаточной сформированности профессиональных знаний и умений. Вместе с тем, специальные предметные знания важны для овладения умениями и навыками профессионально-ориентированного иноязычного общения.

В работах по теории и методике обучения иностранному языку совокупность системы знаний, представлений, концептов в профессиональной области знаний рассматривается в категории иноязычного профессионального тезауруса [1; 3; 6].

Следует отметить, что формирование иноязычного профессионального тезауруса у студентов-билингвов происходит на базе уже сформированных структур на родном языке. В этой связи новые знания профессионального характера необходимо ассоциировать с уже сформированными на родном языке. Таким образом, ассоциа-

ции становятся связующим звеном осмысленного и принятого человеком понятия и иноязычной лексической единицы, выражающей это понятие (от концепта к знаку). В связи с этим следует переходить к работе над конкретным понятием на иностранном языке, только после его предварительного выстраивания на родном языке.

Для оптимизации и совершенствования процесса подготовки студентов к иноязычной профессиональной коммуникации в ходе нашего исследования разработана модель обучения иностранному языку студентов технического вуза с учетом условий субординативной триглоссии.

Отметим, что модель обучения рассматривается как сложная система, состоящая из множества взаимосвязанных и иерархически зависимых друг от друга компонентов. В большинстве работ по методике обучения иностранным языкам основными компонентами обучения выступают: целевой, мотивационный, содержательный, процессуальный и контрольно-оценочный [2; 4; 5].

Предлагаемая нами модель обучения иностранному языку спроектирована с учетом социального заказа на выпускника технического вуза — фактора, который повлиял на постановку цели обучения ИЯ. В свою очередь, сформулированная цель определила подходы, принципы, содержание, технологию и методы обучения. Так, цель обучения заключается в формировании умений иноязычной профессиональной коммуникации студентов-билингвов технического вуза в условиях субординативной триглоссии.

Субординативное пространство, в котором происходит реализация данной цели, обуславливает необходимость организации обучения иностранному языку на основе интегративного подхода, который в нашей работе трактуется как синтез личностно-ориентированного, тезаурусного, коммуникативно-когнитивного подходов к обучению ИЯ с учетом региональных особенностей.

При разработке данной модели обучения мы опираемся на следующие общедидактические и методические принципы обучения:

1. Принцип доступности и посильности. Большинство студентов-билингвов Республики Саха поступают в технический вуз с начальной базой иностранного языка (английского языка), в некоторых школах английский язык не преподается, а отдельные студенты являются выпускниками школ с углубленным изучением английского языка. Поэтому обучение иностранным языкам в вузе

должно соответствовать индивидуальным способностям студентов по темпу, уровню усвоения и реальному опыту изучения предметов. Трудности, с которыми сталкиваются студенты в обучении иностранному языку, должны быть преодолимыми. Применение данного принципа подразумевает сопровождение комментариями или объяснение наиболее трудного (например, терминов по специальности) на родном языке студента.

2. Принцип когнитивной направленности. Металингвистическое сознание «естественных» билингвов [7], то есть их способность к абстрактно-логическим операциям, таким как сопоставление, обобщение, интерпретация, осуществляемым с несколькими языковыми системами, обуславливает применение принципа когнитивной направленности в организации учебного процесса. В соответствии с указанным принципом процесс овладения иностранным языком представляет собой исследовательский и даже экспериментаторский процесс открытия языка. В частности, у обучающихся формируются когнитивные способности и умения, такие как уметь сравнивать языковые явления, делать выводы на основе сходств или различий семантического плана, уметь систематизировать тот или иной языковой материал, догадываться по контексту и т.д. В результате, студент-билингв, опираясь на свой лингвистический опыт, может сформировать свое представление о новой языковой системе.

3. Принцип учета родного языка при овладении иностранным языком (принцип доминирующего языка). Студент, осваивающий второй язык, уже располагает определенным представлением об окружающем его мире. Для него процесс усвоения языка будет более эффективным в том случае, если в его сознании устанавливаются прочные связи между новым словом и его эквивалентом в родном языке. Родной (якутский) язык наряду с русским и английским языками используется для интенсификации процесса овладения знаниями профессиональных дисциплин. Так, предлагаемые ассоциаты на якутском языке являются вспомогательными средствами при запоминании ключевых нефтегазовых терминов английского языка.

4. Принцип интегративности предполагает интеграцию знаний из различных предметных дисциплин, одновременное развитие как собственно коммуникативных, так и профессионально-коммуникативных, информационных, академических и социальных умений. На основе данного принципа происходит междисципли-

нарное взаимодействие иностранного языка и профильных дисциплин, в результате чего, у студента формируется знание профессиональных дисциплин и одновременно развивается иноязычная коммуникативная компетенция. В контексте нашего исследования дисциплина «Иностранный язык» по направлению подготовки 21.03.01 «Нефтегазовое дело» опирается на содержание таких учебных дисциплин как «Основы нефтегазопромыслового дела», «Геология нефти и газа», «Химия нефти и газа», «Оборудование и строительство нефтяных и газовых месторождений», и на результаты учебно-ознакомительной практики на месторождении, где студенты получают исчерпывающую информацию обо всех этапах добычи нефти и газа, и последующей переработки углеводородного сырья.

5. Принцип регионализации (принцип отбора учебного материала, учебных ситуаций с позиций потребностей региона). В частности, выпускники нефтегазового отделения Политехнического института СВФУ трудоустраиваются в нефтегазовых предприятиях, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), например, в ООО «Гаас-Юряхнефтегаздобыча», ЗАО «Иреляхепть», «АЛРОСА-Газ», ОАО «Сахатранснефтегаз», ООО «Ленск-Газ» и т.д. Объективная действительность региона свидетельствует о том, что для нефтегазовых предприятий требуются сотрудники со знаниями английского языка для чтения технической документации, для работы с иностранными коллегами по добычи нефти и газа. Вместе с тем, проведенный нами анализ различных учебников и пособий по английскому языку для нефтяной промышленности показывает, что внимание обычно концентрируется на отборе и обучении специальной лексики, а также грамматическим особенностям, характерным для соответствующей профессиональной сферы. Иными словами, региональный компонент при отборе учебного материала не учитывается.

Методы и технологии обучения (коммуникативный метод, метод проектов, ИКТ и др.), привлекаемые в реализации предлагаемой модели обучения, направлены на развитие личности будущего специалиста и получение качественных профессиональных знаний, навыков для дальнейшей иноязычной профессиональной коммуникации.

Внедрение в учебный процесс разработанного нами электронного учебного англо-русско-якутского терминологического словаря тезаурусного типа для студентов нефтегазового дела имеет инновационный

характер в развитии системы профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам и использование его в обучении позволяет разнообразить формы работы и сделать учебный процесс более интересным и запоминающимся для студентов.

Основным достоинством данного словаря является включение описательного перевода ключевых слов и ассоциативные связи сложных безэквивалентных терминов с окружающей действительностью на якутском языке, которое способствует лучшему усвоению студентами-билингвами значений терминов, ключевых нефтегазовых понятий.

Таким образом, разработанная нами модель обучения представляет собой путь формирования профессионального иноязычного тезауруса у студентов технического вуза, а также правильный выбор преподавателем приемов обучения ИЯ, которые способствуют преодолению межъязыковой интерференции у студентов-билингвов при обучении иностранному языку. При этом важную роль играет составленный нами учебный англо-русско-якутский терминологический словарь тезаурусного типа для студентов нефтегазового дела.

Литература

1. Абдулмянова И. Р. Формирование профессионального тезауруса личности как цель профессионального образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 36–39.

2. Нурутдинова А. Р., Романова Г. В. Модели и структура профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в инженерном вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 10. С. 289–291.

3. Серова Т. С., Шишкина Л. П. Иноязычный экологический лексикон тезаурусного типа как средство формирования категориально-понятийного аппарата будущих специалистов // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 117–132.

4. Хаустов О. Н. Моделирование системы профессионального обучения деловому английскому языку специалистов экономического профиля в условиях высшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2001. 21 с.

5. Хохленкова Л. А. Технология профессионального педагогического общения при обучении иностранному языку студентов не-

языковых специальностей: дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2000. 299 с.

6. Чайникова Г. Р. Учебный электронный словарь тезаурусного типа как средство формирования информационной основы речевой деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9(27). С. 183–188.

7. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для вузов. М.: ВЛАДОС, 2005. 248 с.

УДК 81'25:37

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-113

© Будаева Цындыма Львовна

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

budaeva_21@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПЕРЕВОДУ ПАРЕМИЙ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка разработать ряд методических рекомендаций по переводу паремических фразеологизмов в аспекте реализации ключевых переводческих компетенций. В связи с этим в работе освещаются основные проблемы перевода фразеологизмов, существующие в современной переводческой практике, и способы перевода фразеологизмов, которые нашли отражение в трудах отечественных переводоведов [2; 5]. Автор разрабатывает комплекс рекомендаций по декодированию паремической прескрипции, а также поиску и подбору коррелятов в целевом языке в соответствии с основными переводческими компетенциями, владение которыми является одним из важнейших условий осуществления профессиональной переводческой деятельности. Среди них автор выделяет следующие переводческие компетенции: языковая, коммуникативная, текстообразующая, личностная, технологическая [6].

Ключевые слова: перевод, паремия/пословица, прескрипция, переводческие компетенции, рекомендации.

Budaeva Tsyndyma L.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

budaeva_21@mail.ru

METHODOLOGICAL GUIDELINES FOR TRANSLATION OF PAREMIC UNITS IN THE ASPECT OF COMPETENCE IMPLEMENTATION

Abstract. The article attempts to develop a number of guidelines for the translation of paremic units in terms of the implementation of key translation competencies. In this regard, the author highlights the main problems of

phraseological units' translation that exist in modern translation studies, methods, and means of their translation reflected in Russian linguists' works [2; 5]. The author develops a set of recommendations for decoding the paremic prescription, as well as the search and selection of correlates in the target language in accordance with key competencies. The latter's acquisition is one of the most important conditions for effective translation activities. There are translation competencies among them as follows: linguistic, communicative, text-forming, personal, technical [6].

Keywords: translation, paremia/proverb, prescription, translation competence, recommendations.

Перевод паремических фразеологизмов, в том числе пословиц, является достаточно трудоемким и сложным процессом в плане передачи национально-культурной специфики данных единиц [2; 3; 6; 9–14]. Несмотря на достаточное количество отечественных и зарубежных трудов, посвященных проблеме перевода фразеологизмов, в настоящий момент в переводоведении не существует общепринятого и всестороннего подхода к переводу данной категории языковых единиц.

Тем не менее в теории перевода традиционно принято выделять два основных способа или приема перевода образной фразеологии [2; 5]:

- фразеологический перевод;
- нефразеологический перевод.

Фразеологический способ перевода означает поиск и подбор в языке перевода (далее ПЯ) эквивалентов и аналогов, выражающих схожее метафорическое значение. При использовании фразеологического эквивалента передается весь комплекс значений исходной единицы: метафоричность образов, эмоционально-экспрессивная окраска, смысловое наполнение. Такие соответствия можно обнаружить у так называемых интернациональных фразеологизмов (напр., *The game is not worth the candles*. 'Игра не стоит свеч'). Фразеологический аналог предполагает подбор в ПЯ фразеологизма со схожим переносным значением, основанном на ином образе (напр., *Learning is the eye of mind*. 'Ученье свет, а неученье тьма').

Нефразеологический способ перевода включает дословный перевод (калькирование) и описательный перевод. Данный способ используется лишь в тех случаях, если в ПЯ нет соответствующих коррелятов, выражающих близкое к исходному значение. Дослов-

ный перевод применяется лишь в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого не создает у реципиента впечатления неестественности звучания или семиотического бытования денотата (напр., *Necessity is the mother of invention*. ‘Необходимость – мать изобретательности’). Описательный перевод используется в тех случаях, когда исходная единица не подлежит дословному переводу по вышеозначенному условию (напр., *Peeping Tom* ‘человек с нездоровым любопытством, тайно следящий за другими’) [5, с. 153–154].

На наш взгляд, в переводе пословиц первый способ перевода — подбор коррелятов в ПЯ — является наиболее оптимальным переводческим решением, поскольку 1) арендует аутентичный аналог; 2) соответственно, обеспечивает высокую степень прескриптивной семантики; 3) сохраняет привычную для целевой культуры образную основу. Под термином «прескрипция» мы подразумеваем некое предписание, указывающее на подобающий с точки зрения культурных ценностей тип поведения [1].

Поскольку задача паремии состоит в даче рекомендации, основные трудности в ее переводе возникают в процессе идентификации исходной прескрипции, формулируемой вокруг паремического образа, служащего «неким проводником в культурное пространство» [4, с. 18]. Особенно часто данная проблема возникает у представителей молодого поколения, чьи способы категоризации окружающего мира значительно отличаются от тех, что отражены в исходных единицах. Так, подтверждением этой идеи может служить тезис американского лингвиста Дж. Лакоффа о том, что метафоризация образа основана на взаимодействии разных концептов, которые структурируют наше традиционное мышление и поведение [7, с. 9].

В связи с этим представляется необходимым разработать некоторые рекомендации, которые позволили бы начинающим переводчикам преодолеть наиболее сложный этап перевода пословиц — этап декодирования исходной прескрипции.

Следует отметить, что любая профессиональная переводческая деятельность, в том числе и перевод паремической фразеологии, подразумевает владение определенными переводческими компетенциями. Термин «переводческая компетенция» в переводческой литературе определяется как особый набор знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессио-

нальные задачи [8]. Согласно ФГОС ВО второго поколения (2020 г.) по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика. Перевод и переводоведение»¹, организация сама определяет перечень профессиональных компетенций (ПК), поэтому в этом смысле остаются релевантными те, которые прописаны в ФГОС ВО первого поколения. Так, выпускник-бакалавр должен характеризоваться:

- владением методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания (ПК-7);

- владением методикой подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях (ПК-8);

- владением основными способами достижения эквивалентности в переводе и способностью применять основные приемы перевода (ПК-9);

- способностью осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм (ПК-10);

- способностью оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе (ПК-11);

- способностью осуществлять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста (ПК-12);

- владением основами системы сокращенной переводческой записи при выполнении устного последовательного перевода (ПК-13);

- владением этикой устного перевода (ПК-14);

- владением международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций) (ПК-15) [URL:

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 г. № 940. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf (дата обращения: 19.09.2020).

http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf (дата обращения: 19.09.2020)].

В. Н. Комиссаров, говоря о составе переводческой компетенции, выделяет следующие ее компоненты: языковой, коммуникативный, текстообразующий, личностный и технический. Под *языковой компетенцией* автор понимает не только знание грамматического и лексического строя языков, но и умение быстро расширять и пополнять свои языковые знания. Умение создавать тексты разного типа в соответствии с правилами данного языка и соотносить эти правила между несколькими языками предполагает наличие у переводчика *текстообразующей компетенции*. *Коммуникативная компетенция* подразумевает умение интерпретировать смысл высказываний и текстов, а также передавать в достаточной мере социокультурную информацию с целью полной передачи смысла. *Личностная компетенция* переводчика включает широту интересов, всестороннюю начитанность, высокую эрудированность и умение сосредотачиваться, мобилизовать ресурсы своей памяти, весь свой интеллектуальный и эмоциональный потенциалы. И, наконец, *техническая компетенция* характеризуется наличием специфических знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения того или иного вида переводческой деятельности, где стратегия переводчика зависит прежде всего от цели перевода и условий его выполнения [6, с. 332–337].

В связи с этим при разработке рекомендаций переводчикам по работе с паремической фразеологией следует понимать и траектории методических усилий в целом, и способы формирования и развития ключевых профессиональных компетенций, обеспечивающих успешный процесс осуществления заданного вида перевода.

Рекомендация 1

При переводе пословиц переводчику необходимо иметь обширные энциклопедические познания в области фразеологии в контактирующих языках, а также уметь продуктивно использовать различные справочники, фразеологические словари и другие источники сведений, компенсирующие нехватку знаний в этой области и способствующие более точному восприятию данных единиц. Например, в этом случае, согласно ФГОС, реализуются ПК-8 и личностная компетенция переводчика.

Рекомендация 2

При работе с пословицами в первую очередь нужно обращать внимание на исходный прескриптивный смысл. На этапе декодирования паремической прескрипции переводчику следует перефразировать образное выражение, используя способ деметафоризации. На основе полученного высказывания, лишённого образной основы, выявить коммуникативную цель исходной единицы (в нашем случае — прескрипцию), опираясь на доминантные культурные ценности отправителя. Здесь частично реализуются ПК-7 и коммуникативная компетенция.

Рекомендация 3

На следующем этапе переводчику необходимо произвести поиск коррелятов, актуализирующих исходный прескриптивный потенциал в ПЯ. Далее следует спрогнозировать коммуникативный эффект, производимый на получателя с учетом стереотипизированных представлений целевой культуры об исходной ситуации. Затем рекомендуется подобрать и градуировать релевантные корреляты по степени близости к исходной прескрипции. На данном этапе реализуется ПК-9, а также техническая компетенция переводчика.

Рекомендация 4

В случае отсутствия коррелята, содержащего схожую прескрипцию, переводчику рекомендуется применить описательный перевод, детерминированный контекстом. Здесь реализуются ПК-10, ПК-12, а также языковая и текстообразующая компетенции.

Для иллюстрации предлагаем ознакомиться с несколькими видами упражнений, которые могут выступить средствами развития навыков и умений перевода фразеологизмов, на примере паремии *Сколько волка ни корми, все в лес смотрит*.

Упражнение 1. Найдите в толковых фразеологических словарях метафорическое значение русской пословицы. Приведите 3–4 диска, где использована пословица в разных предметных ситуациях.

Упражнение 2. Перефразируйте данную пословицу, используя метод деметафоризации. Сравните исходное и полученное метафорические значения и проанализируйте, насколько видоизменился прескриптивный смысл.

Упражнение 3. Подберите пословице корреляты в английском языке. Используйте толковый двуязычный и английский фразеоло-

гический словарь. Сгруппируйте релевантные корреляты по степени близости к исходной прескрипции.

Упражнение 4. Спрогнозируйте, в чем, возможно, состоит коммуникативный эффект при условии опоры у англоязычного получателя на стереотипизированные представления ситуации «нельзя изменить сущность человека».

Упражнение 5. Подберите пословице коррелят, способный оказать максимально схожий коммуникативный эффект на получателя. Опишите свои наблюдения, имеют ли место (концептуально-)семантические потери в переводе.

Упражнение 6. В случае отсутствия фразеологических коррелятов предложите описательный перевод пословицы на английский язык и выявите виды (концептуально-)семантических потерь, имеющих место в условиях демегафоризированных вариантов перевода.

Таким образом, разработанный комплекс методических рекомендаций по переводу пословиц способствует преодолению трудностей при декодировании исходной паремической прескрипции. При работе с данной категорией языковых единиц владение ключевыми профессиональными компетенциями наряду с применением указанных выше рекомендаций позволит переводчику принимать оптимальное переводческое решение и более эффективно выполнять заданный вид перевода, обеспечив минимальный (концептуально-)семантический сдвиг в коррелятах.

Литература

1. Будаева Ц. Л., Дашинамаева П. П. К вопросу о степени экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц (на примере бурятских, русских и английских пословиц) // Аспирант. 2016. № 9. С. 14–16.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
4. Дашинамаева П. П., Жанаев А. Т. Синтез теории и практики перевода. Пословицы в бурятском, русском и английском языках. Улан-Удэ, 2014. 73 с.

5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

8. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учебн. заведений. М.: Академия, 2003. 192 с.

9. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

10. Ene, D. The Correlation between Language and Cultural Identity in Phraseological Units [Электронный ресурс]. 2014. URL: http://www.umk.ro/images/documente/publicatii/Buletin222/ene_daniela.pdf (дата обращения: 19.09.2020).

11. Gaia, V. Translating Idioms and Buzzwords. Translation Techniques [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://www.proz.com/doc/743> (дата обращения: 19.09.2020).

12. Jaskot, M. P. Equivalent Culture-Anchored Units Translation? The Phraseological Units Issue // Cognitive Studies. Warsaw, 2016. P. 57–64.

13. Leivada, E. Clitics in Idioms: Properties of Morphosyntax and Reference // Lingua. 2014. P. 45–70.

14. Plaza, S. M. English & Spanish Phraseology: A Translation and Lexicographic Perspective [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.ucjc.edu/wp-content/uploads/8.Silvia-Molina-Plaza.pdf> (дата обращения: 19.09.2020).

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-114-127

© **Алексеева Ирина Сергеевна**

Российская академия образования (Москва),
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
i.s.alexeeva@gmail.com

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОД ВНУТРИ РОССИИ

Аннотация. Стратегический центр развития переводческого образования в России разработал и провел ряд мероприятий, понимая свою задачу как тройную: помочь укреплению позиций языков и культур РФ на местах; содействовать популярности языков РФ в российском обществе и преодолеть их маргинализацию; поддержать в России внутреннюю коммуникацию через перевод, для чего мы продвигаем в российском обществе идею внутригосударственного перевода (то есть с одного государственного языка субъекта РФ на русский). В качестве инструмента выполнения этих задач центр создал и апробировал две модели: интерактивную модель поддержки языков РФ через перевод на русский язык в вариантах А и Б под названием «Корни крепят крону»; интерактивную модель иноязычного описания культур РФ также в вариантах А (внутренняя) и Б (внешняя) под названием «Интерлингвокультурологическая модель». Также проводятся многоязычные фестивали; открыт Всероссийский портал образовательных ресурсов по языкам народов России и мира.

Ключевые слова: интерактивная модель, русский язык, языки РФ, внутригосударственный перевод, художественный перевод, Российская академия образования.

Alexeeva Irina S.

Russian Academy of Education, Moscow
Herzen State Pedagogical University of Russia
St.Petersburg, Russian Federation
i.s.alexeeva@gmail.com

INTERACTIVE MODELS OF COMMUNICATION THROUGH TRANSLATION IN RUSSIA

Abstract. The Strategic Centre for Translation Education in Russia developed and conducted a series of events with a view to pursue its three-fold purpose: to help strengthen the position of local languages and cultures in Russia's regions; to popularize Russia's indigenous languages and overcome their marginalization; to promote internal communication through translation in Russia which can be achieved through intra-state translation (from any official language in Russia's regions into Russian). The Strategic Centre worked out two models as tools to complete the mission: the interactive support model for Russia's languages via translation into Russian in modifications A and B, known as "The Roots Strengthen the Crown" model. There is also an interactive model of describing a local culture by means of another language (known as Interlinguaculturology), which similarly exists in modifications A (internal) and B (external). In addition, multilingual festivals are organized, and the All-Russian portal of educational resources for Russia's and world languages is available.

Keywords: interactive model; Russian language; Russia's indigenous languages; intra-state translation; literary translation; Russian Academy of Education.

Осмысливая Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в части законодательного и организационного обеспечения условий для сохранения, развития, изучения языков народов РФ¹, состояние и перспективы этой политики, мы опираемся на понимание того, что сохранение языкового и культурного разнообразия России играет сегодня важ-

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 10.09.20).

ную роль для прогресса российского общества и его гармоничного и ответственного существования в будущем [1; 3–5]. Именно осознание важности этого направления побудило Российскую академию образования активно включиться в разработку методологических, научных, дидактических основ данной проблемы, и специально созданный для этого Л. А. Вербицкой в 2017 г. Стратегический центр развития переводческого образования в России (языки РФ) занимается этим уже более 3-х лет, внося свою скромную лепту в единое солидарное движение по созданию оптимальной ситуации российского многоязычия и российского поликультурализма, проведя более 70 мероприятий начиная с октября 2017 г., увязанных в единую систему.

Приоритетные задачи и приоритетные аспекты деятельности

1. В России существует сегодня ряд инициатив, направленных на улучшение ситуации с языками и культурами РФ, однако не хватает: системности и долгосрочной политики. Изучив ситуацию, Стратегический центр РАО отмечает, что при выработке мер в этой сфере необходимо учитывать следующие условия их эффективности:

- меры не должны быть точечными, они должны представлять собой единый сценарий действий, основанный на системно-матричном подходе; мероприятия должны быть регулярными;

- мероприятия должны быть интерактивными, то есть на равных в них должны участвовать обе стороны;

- в центре усилий должно стоять сохранение и развитие языка — как в его устной, так и в письменной ипостаси;

2. Отдельно следует отметить и выделить тот факт, что опорой и стержнем всех без исключения мероприятий должен стать **русский язык**. Во внутрироссийской межкультурной коммуникации это исторически оправданное, лингвистически очевидное и коммуникативно оптимальное средство. Инструментом поддержки языков РФ через русский является **перевод**; надо понимать, что некоторые тексты, особенно на малочисленных языках РФ, имеют шанс сохраниться только в переводе на русский язык.

3. Стратегический центр развития переводческого образования в России (языки РФ) разработал и провел ряд мероприятий, понимая свою задачу как тройную: 1) помочь укреплению позиций языков и культур РФ на местах; 2) содействовать популярности языков РФ в российском обществе и преодолеть их маргинализацию; 3) поддер-

жать в России внутреннюю коммуникацию через перевод, для чего мы продвигаем в российском обществе идею внутригосударственного перевода (то есть с одного государственного языка РФ, например, якутского, на русский) — попутно напомним, что в России 37 государственных языков: русский и региональные.

Рассмотрим эти составляющие:

1) Укрепление позиций языков и культур РФ на местах. Продвижение в российском обществе идеи внутригосударственного перевода

Центр разработал две интерактивных модели:

I. Интерактивная модель поддержки языков РФ через перевод на русский язык в вариантах А и Б под названием «Корни крепят крону»;

II. Интерактивная модель иноязычного описания культур РФ также в вариантах А (внутренняя) и Б (внешняя) под названием «Интерлингвокультурологическая модель», сокращенно «ИЛК-модель».

Интерактивная модель «Корни крепят крону»

Комплексная интерактивная модель поддержки языков и культур коренных народов «Корни крепят крону», основой которой является перевод на русский язык, разработана и апробирована в РАО и может быть использована для сохранения языков и культур народов РФ. Она основывается на совместных, солидарных усилиях специалистов из региона и представителей РАО и нацелена на создание стабильной саморазвивающейся системы перевода текстов с коренного языка на русский, механизма подготовки переводческих кадров и является реализацией концепции внутригосударственного перевода, гармонизирующей ситуацию с языками Российской Федерации.

Описание модели

Интерактивная модель включает в себя 6 аспектов и 4 этапа реализации.

Первый, аналитический аспект содержит: 1) сбор банка данных о словесных проявлениях культуры региона; 2) создание аналитической справки «Словесная культура языка РФ (учебники, обучающие программы, переводы во всех парах языков, перечень печатных изданий, наличие и перечень передач электронных СМИ и т.п.); 3) выработку рекомендаций по продвижению словесной культуры в данном регионе.

Второй, научно-методический, предполагает следующие мероприятия: 1) разработку концепции лекционных и практических занятий, а также мастер-классов, в обязательном порядке включающих практический тренинг русского языка; 2) подготовку вышеупомянутых очных мероприятий; 3) разработку и написание соответствующего модельного интерактивного учебного пособия для данного региона (первая часть которого будет писаться в РАО до семинаров, а вторая — в регионе после семинаров); 4) написание сопроводительного научного материала к будущей антологии региональной литературы на русском языке: ретроспективный обзор истории перевода в регионе; вступительная статья к подготовленной антологии.

Третий аспект, организационно-отборочный, включает: 1) поиск оптимального учреждения для проведения очной части модели (университеты, колледжи, библиотеки, культурные центры); 2) формирование активного ядра взаимодействия в регионе, включающего преподавателей, студентов, библиотекарей, поэтов, политических деятелей, способных к взаимодействию и стремящихся укреплять свою культуру; 3) выдвижение редколлегии, которая отбирает литературные и фольклорные тексты, которые предположительно войдут в антологию региональной литературы, желательные представляющие все возможные жанровые разновидности: эпос, сказка, авторская проза, поэзия, драматургия, произведения для детей; 4) формирование группы потенциальных переводчиков, которые готовы научиться переводить на литературном материале родной культуры и создать русскую версию текстов; 5) открытие в регионе Опорного пункта Стратегического центра развития переводческого образования в России (языки РФ), которому делегируются инициативные функции дальнейшего развития описанной интерактивной модели.

Четвертый аспект, критико-аналитический, требует высокой филологической квалификации и осуществляется специалистами РАО, которые при необходимости привлекают внешних переводчиков и редакторов. Этот аспект предполагает: 1) оценку художественной, текстонормативной и стилистической специфики оригинала; 2) оценку достоинств, недостатков и потенциала первой версии перевода; 3) выполнение редакторской правки переводов на всех этапах подготовки их к печати; 4) определение необходимости и

объема комментирования переведенных текстов; 5) принятие решений по поводу включения текстов в окончательную версию антологии.

Для оценки некоторых аспектов подлинника привлекаются носители языка. Обработка текстов в рамках данного аспекта ведется на всех этапах реализации модели и служит надежным средством совершенствования и контроля качества переводной национальной литературы.

Пятый аспект, практический, делится на два модуля: очный и дистанционный. Очный реализуется в самом регионе и, в зависимости от поставленных задач и успеха их решения может предполагать один (вариант А) или два (вариант Б) трех-пятидневных очных установочных семинара по теории и практике перевода с регионального языка РФ на русский язык в регионе. Следом за ними в течение ближайших 2–6 месяцев проводится дистанционный модуль в виде 5–6 двух-трехчасовых вебинаров с двумя активными площадками (одна — в РАО, вторая — в регионе), в ходе которых подвергаются обсуждению и редактированию до 300 страниц переведенного текста, обсуждаются реалии и вырабатывается единая форма иллюстрированного комментария культурных феноменов. Возможные при реализации данного аспекта мастер-классы по синхронному переводу с регионального языка являются факультативными и имеют своей целью мобилизацию местной активности в формировании переводческих кадров.

Шестой аспект — издательский. Он предполагает издательскую подготовку рукописи-билингва, ее издание в крупном московском издательстве, а также размещение фрагментов подготовленной книги на странице данного региона на Всероссийском портале образовательных ресурсов в сфере перевода, который открыт в РАО.

Каждый из четырех этапов реализации данной модели содержит несколько из описанных аспектов.

Первый этап — подготовительный, предусматривает воплощение всей повестки аналитического аспекта, солидный научно-методический задел в виде подготовки занятий и пособия (часть 1), все организационно-отборочные мероприятия и, наконец, первичный критико-редакционный анализ первой версии переводов (в дистанционном режиме).

Второй этап — очный — является воплощением очного практического модуля в постоянном сопровождении критического анализа

и предварительной версии будущего подробного описания культурных реалий.

Третий этап — дистанционный — позволяет продолжить повышение квалификации региональных переводчиков и довести до конца подготовку антологии региональной литературы к изданию.

Четвертый этап — завершающий — включает доработку сопроводительного научного аппарата будущей антологии, заключительное внесение правки (третья редактура), публикацию книги-билингва и выработку рекомендаций по дальнейшему развитию и укреплению региональной словесной культуры. Далее в регионе (на базе учреждения, где проводится очный модуль) учреждается и открывается Опорный пункт Стратегического центра развития переводческого образования в России (языки РФ).

Разумеется, описанная интерактивная модель поддержки языка и культуры содержит программу-минимум, которая может быть дополнена целым рядом мероприятий, создающих благоприятную культурную среду.

Эффективность модели 1

Реализация модели 1 позволяет за 1–2 года

- запустить процесс сохранения текстов на коренном языке;
- с помощью идеологии «билингва» (двуязычные тексты) ознакомить жителей России с данным языком;
- наладить непрерывный мониторинг ситуации через портал РАО
- воспитать переводчиков на местах, которые, в свою очередь передадут навыки сохранения своих текстов через перевод следующим поколениям.

В РАО сотрудники Стратегического центра развития переводческого образования в России (языки РФ) апробировали данную модель в 5 регионах: Якутия, Бурятия, Чувашия, Дальний Восток (Хабаровск), Тува, и первично ознакомили с ней коллег еще из 2-х регионов: Татария, Башкирия, а также начали первичную работу по осуществлению данной модели в соседнем дружественном государстве — Армении, поскольку целый ряд региональных языков РФ совпадает с языками государств соседей: азербайджанский, армянский, белорусский, казахский, украинский, бытование языка и культуры здесь должно поддерживаться по еще более сложной — двухступенчатой модели, которая в РАО сейчас находится на стадии разработки (отв. И. С. Алексеева).

Особый акцент должен быть сделан на работе с малочисленными коренными народами РФ. В частности, в 2019 г. нами был подготовлен и проведен целый комплекс мероприятий по поддержанию языков коренных народов Дальнего Востока, в том числе нанайцев, нивхов, ульчей, эвенков, очная часть которых была проведена в г. Хабаровске в мае 2019 г.

Интерактивная ИЛК-модель, то есть модель иноязычного описания культуры РФ также в вариантах А (внутренняя) и Б (внешняя) основывается на теории крупного ученого-лингвиста проф. В. В. Кабакчи [2] и предполагает стройную систему описания, продвижения российских региональных культур как внутри Российской Федерации (вариант А), так и во всем мире (вариант Б) с подвижным алгоритмом.

Описание модели

Модель представляет собой единую систему передачи компонентов культуры с иностранного языка на родной и наоборот, и создание тем самым образа-проводника, образа-бренда, пропагандирующего культуру данного народа. Отправной точкой в модели В.В. Кабакчи служит описание русской культуры по-английски, которая осваивается как алгоритм и может быть перенесено на любую пару языков; для нашей страны здесь на первом месте пары языков русский-якутский, русский-бурятский, русский-тувинский и т.п.

Данная интерактивная модель включает в себя 5 аспектов: научно-аналитический, научно-методический, организационно-отборочный, игровой (практический) и издательский, и 4 этапа реализации. Среди аспектов подробнее отметим только игровой, поскольку для него разработаны 3 конкурса: «Молодые Набоковы», «Молодые Айтматовы» и «Россия читает Россию» (последний — в стадии рассмотрения разработанной концепции, остальные — реализованы), а также игра для пропагандистов культуры: «ИЛК-Что?-Где?-Когда?».

Внедрение ИЛК-модели имеет несколько иную последовательность, поскольку в основе лежит не прецедентная схема прикладного характера, как в случае с ККК-моделью («Корни крепят крону»), а стройная авторская теория. Поэтому она внедряется по принципу концентрических сгущений, создавая все более устойчивую среду подготовки пропагандистов российской культуры. Таким образом, параллельно осуществляются работы в рамках первого, научно-аналитического аспекта, который сомкнут с пятым — издательским

и в рамках 2–4 аспектов (научно-методический, организационно-отборочный, игровой), где доминируют практико-прикладные цели. Так, своеобразным стартом первого, научного аспекта, послужило проведение большой международной конференции «Многоязычие и национальные культуры России в зеркале английского, французского, немецкого, русского и других языков» в июне 2018 г. с привлечением крупнейших специалистов мира по иноязычному описанию своей и других культур — и одновременно ведение вебинаров по ИЛК и конкурса «Молодые Набоковы». Очные семинары, вебинары, консультации в виртуальной приемной В. В. Кабакчи, куда обращаются люди со всей страны — как по научным, учебным, так и по практическим вопросам — и одновременно — завершение теоретического труда сотрудников центра В. В. Кабакчи и А. М. Антоновой по теории иноязычного описания культур — это вкратце алгоритм 2019–2020 гг.

Эффективность модели

ИЛК-модель в варианте А позволяет готовить пропагандистов русской культуры в среде региональных языков РФ (что немало важно, т.к. стереотипы относительно русской культуры тоже следует преодолевать), а также пропагандистов региональных культур в русскоязычной среде; в дальней перспективе — подготовка «перекрестных» специалистов, которые смогут, например, по-бурятски рассказывать о тувинской культуре, и наоборот.

ИЛК-модель в варианте Б вполне успешно справляется с подготовкой грамотных пропагандистов-трансляторов российских культур в мировое пространство. Эта задача чрезвычайно важна, хотя в деятельности нашей команды она на втором плане.

Завершая обзор, отметим, что обе модели (ККК и ИЛК-модели) предназначены для широких групп населения и предполагают как профессиональную, так и волонтерскую деятельность. Такая деятельность является практическим воплощением действующего российского патриотизма.

2) Содействие популярности языков РФ в российском обществе и преодоление их маргинализации

В реализации этой задачи на первый план выходят мероприятия публичные, здесь, по нашему убеждению, важна частотность предъявления культуры, упоминания многоязычного спектра рос-

сийской словесности. Это конференции, круглые столы, фестивали, форумы, конференции.

Только в 2018–2019 гг. сотрудники Стратегического центра (в основном И. С. Алексеева — 20 раз) 22 раза выступили на разного рода форумах по проблемам языков народов России. Это: Международный конгресс переводчиков художественной литературы в Москве (2018), форум переводческой отрасли Translation Forum Russia (2017, 2018, 2019), фестиваль в Чебоксарах «День языков России» в июне 2019, выступление на Международной конференции «Язык и культура» в Якутске (апрель 2019 г.), презентация Всероссийского портала образовательных ресурсов обучения переводчиков с языками России и мира 25 января на международном форуме «Глобальный диалог» (Москва, МГЛУ и мн. др.).

Особую роль в этом ряду играло выступление от имени РАО И. С. Алексеевой с докладом в Федеральном агентстве по делам национальностей на «Международном Форуме переводчиков художественной литературы», организованном Ассамблеей народов России 26–27 февраля 2019 г. на тему: "Комплекс мер по организации перевода с языков России на русский язык: дорожная карта РАО".

По докладу состоялась обширная дискуссия, в ходе которой были затронуты вопросы популяризации национальных культур, создания школьных учебников (С. А. Пилипенко, Министерство просвещения); создание постоянных площадок поддержки языка в регионах (С. К. Смирнова, АНЕА). Речь шла также и о развитии перевода в обе стороны: с языков народов РФ на русский язык, и наоборот (Е. Н. Тишков, ФАДН). По итогам форума И. С. Алексеевой были разработаны предложения по мерам развития и укрепления языков народов России и переданы в оргкомитет форума.

В них, в частности, говорится:

1. Многоязычие в России — это богатство, которое создает неповторимый спектр картин мира, включает калейдоскоп неповторимых культурных сценариев, позволяет взглянуть на мир с разных точек зрения и создает благоприятную атмосферу для его познания. Поэтому ни один язык нельзя потерять. Поскольку средоточием культуры народа является язык, самым эффективным средством сохранения культуры оказывается перевод, именно он позволяет культуре выйти во внешний мир, и прежде всего — перевод худо-

жественных произведений, отражающих душу народа. Таким образом, перевод — дело общечеловеческое.

2. Одновременно сохранение языка есть реализация конституционного права каждого народа на пользование своим языком, так что с этой точки зрения перевод как инструмент сохранения языков является делом общегосударственным.

3. В свете вышеизложенного России срочно нужна единая концепция языковой политики, позволяющая сохранять, развивать и использовать многоязычие.

4. Бесспорно, основным языковым культурным посредником при обеспечении многоязычия является русский язык, и необходимо особо заняться обеспечением его качества.

5. Национальные языки России зачастую подвергаются маргинализации, и необходимы меры по обеспечению его статуса, равного другим языкам мира.

6. Срочно необходимо создавать бакалаврские и магистерские программы, включающие подготовку переводчиков с языками РФ.

7. Важным «окном» в мир языков и культур РФ может и должен стать «Всероссийский портал образовательных ресурсов подготовки переводчиков», открытый в Российской академии образования, в наполнении которого должны принять участие и вузы РФ, и общественные организации.

8. Предлагаем разработать и принять «Издательскую концепцию по публикации переводов произведений народов РФ», соединяющую усилия регионов и центра, государства и общества.

9. Предлагаем систематизировать обучающие семинары для переводчиков с языков народов РФ, продолжить регулярную практику вебинаров, и в их завершение издавать литературу народов РФ.

10. В свете вышесказанного (пункт 2) к идее поддержания словесных культур РФ путем перевода произведений на русский язык, следует добавить задачу развития перевода на языки национальных регионов, а также развития делового и юридического перевода с этих языков и на эти языки.

11. Далее, крайне необходимо прямое, близкое знакомство людей России с национальными языками, пропаганда многоязычия с социальной и культурной точек зрения. Здесь помогут конкурсы перевода и творческие конкурсы типа «Молодые Набоковы» и

«Молодые Айтматовы» (инициатива РАО), фестивали, праздники, встречи с писателями и переводчиками.

12. Для общей координации деятельности по укреплению позиций языков и литератур народов России необходимо создание Координационного общественного совета по художественному переводу при ФАДН.

Еще одна особенная площадка для реализации задачи популяризации языков РФ в российском обществе и преодоление их маргинализации — это ежегодные выступления с мероприятиями от РАО в профессиональном и общественном потоках Санкт-Петербургского международного культурного форума, где Стратегический центр уже трижды проводил фестивали по языкам народов России:

«Русское многоголосие» (2017),

«Многоязыкая симфония культур» (2018),

«Корни крепят крону» (2019).

Успех этих фестивалей, где каждый год проходит прямое включение в регионы и где обязательно устраивается переводческий концерт с традиционным названием «Пир перевода», где звучат прекрасные тексты на двух языках — региональном и русском, привел к мысли выступить с предложением создать ежегодную площадку на Санкт-Петербургском международном культурном форуме (МКФ), Возможно, стоит на форуме создать особую секцию «Народы России», или «Российская словесность», поскольку важно настаивать на том, что языки и народы РФ и мира — это неотъемлемая часть культуры.

Для продвижения языков народов РФ Стратегический центр открыл в РАО особый портал. Всероссийский портал образовательных ресурсов по языкам народов России и мира, открытый в РАО в 2018 году с целью мониторинга ситуации с языками народов России, для контроля состояния языков и культур, а также для выработки маршрутов подготовки как переводчиков с языков народов России и мира на русский язык, так и для пропагандистов русской культуры. Мы планируем далее в полной мере использовать портал для пропаганды языков и культур РФ, а также обучения языкам народов РФ и информированию о текстовых и образовательных ресурсах. Для этого на портале запланировано открытие страниц регионов — в этом году: якутская, бурятская, чувашская страницы, а

также — страница коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока.

Поскольку, учитывая специфику состояния коренных народов РФ, некоторые из которых крайне малочисленны, следует в первую очередь говорить о спасении и сохранении, а не развитии (в отличие от других народов РФ), поэтому мы предлагаем создать фонд спасения этих языков, который должен направляться на сбор баз данных: ролики со звучащей речью, рукописные и пр. свидетельства языков и др. Выборочно такие материалы Стратегический центр РАО собирает и демонстрирует на публичных мероприятиях, а вскоре начнет размещать на региональных страницах портала.

Выводы

1. В деле сохранения и развития языков народов РФ уже довольно много симптомов перемен к лучшему; и разработанные нами и апробированные модели будут активно этому способствовать.

2. Ключевые новые понятия, в рамках которых стоит развиваться дальше — это «российская словесность» (текстовое содружество языков РФ под эгидой русского языка), «русский язык как культурный посредник» и «внутригосударственный перевод» (перевод с региональных языков РФ на русский язык).

3. Специалисты будущего в этой сфере — это переводчики с региональных языков на русский (их пока никто не готовит, а их надо много) и пропагандисты российской культуры (задача тоже только поставлена — опыт школы Кабакчи пора распространять).

Литература

1. Албегова Д. У. Контекстный подход в системе высшего профессионального образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22213> (дата обращения: 20.09.2020).

2. Кабакчи В. В. Англоязычное описание русской культуры: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 224 с.

3. Михайлова Н. С. Основы самообразовательной деятельности: учеб. пособие / под ред. Т. А. Бабкина. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2011. 230 с.

4. Рингланд, Джил. Сценарное планирование для разработки стратегии / пер. с англ. О. Л. Пелявского. 2-е изд. М.: Диалектика, 2008. 559 с.

5. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: комплексный анализ переводческого процесса / О. А. Сулейманова [и др.]. М.: ЛЕНАНД, 2015. 262 с.

УДК 811.512

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-128-134

© **Манчурина Лидия Егоровна**

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова

г. Якутск, Российская Федерация

manchurinale@mail.ru

© **Васильева Акулина Александровна**

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова

г. Якутск, Российская Федерация

vaaperevod@mail.ru

ЭКОЛОГИЯ В ПЕРЕВОДЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена раскрытию роли перевода в сохранении родного языка. Республика Саха (Якутия) — многонациональный субъект Российской Федерации. Государственными языками республики являются язык саха и русский язык. Язык саха функционирует во всех сферах общественной жизни наряду с русским языком. В языковом пространстве республики эти языки тесно взаимодействуют через перевод. Интенсивные языковые контакты и некачественный перевод могут представлять угрозу для экологии языка саха. В связи с этим в статье анализируются типичные примеры нарушения культуры якутской речи, то есть наиболее характерные экологические проблемы современного якутского языка, обусловленные интеркаляцией при переводе и/или смешением обоих рабочих языков билингва-саха в его речи на родном языке. Для удобства классификации примеры сгруппированы по привычным уровням языкознания: уровень фонетики и графики, уровень лексики, уровень морфологии, уровень синтаксиса.

Ключевые слова: перевод, родной язык, сохранение родного языка, культура речи, лингвоэкология, интерференция, интеркаляция.

Manchurina Lidia Egorovna
North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
manchurinale@mail.ru

Vasilieva Akulina Alexandrovna
North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
vaaperevod@mail.ru

LANGUAGE ECOLOGY IN TRANSLATION AS A FACTOR OF THE NATIVE LANGUAGE PRESERVATION

Abstract. The article discusses the role of translation in the native language preservation. The Sakha Republic, being a region of Russia, has two official languages — Sakha and Russian. The Sakha language is a counterpart of Russian in all areas of society, and these languages closely cooperate via translation. Such frequent interactions, plus low-quality translation, can endanger the Sakha language in different aspects. The article analyzes aberration examples in speech culture, i.e. most common issues of the modern Sakha language ecology. They are conditioned by intercalation (the second language interference) in translation and/or mixing of the Sakha and Russian languages in speech. For more convenience, the examples are grouped by the linguistics areas: phonetics and writing, vocabulary, morphology, and syntax.

Keywords: translation, native language, native language preservation, speech culture, linguistic ecology, interference, intercalation.

Перевод — это средство существования, бытования двуязычия. Любой билингв при общении всегда использует переводческие технологии. В его языковом сознании взаимодействуют две языковые системы, смешиваясь в той или иной степени, или же сосуществуя автономно друг от друга, что встречается очень редко, как отмечают психолингвисты. В большинстве случаев билингвы порождают такие явления, как интерференция и интеркаляция. Н. Валеева отмечает, что «для переводческого билингвизма характерно понимание негативных явлений интерференции, знание приемов ее преодоления, стремление к сознательному и последовательному противодействию отрицательной интерференции» [4, с. 18]. Это означает, что билингв при условии владения переводческими компетенциями может стать надежным борцом за экологию родного языка.

Республика Саха (Якутия) — многоязычная республика с двумя государственными языками (русский, саха) и несколькими официальными (эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский). Как доказывают коллеги из других республик, реализация языковой политики государства должна строиться с учетом экологии языка [1, с. 159; 2, с. 839]. Одновременно и само общество должно быть готово принять лингвоэкологическое мышление, поскольку в век глобализации и цифровизации сохранение родного языка как инструмента мышления и самовыражения человека зависит от каждого члена общества.

Так как в сознании двуязычного индивида взаимодействуют две языковые системы, переводческие технологии являются своеобразным инструментом этого взаимодействия. Поэтому каждый билингв-саха ежедневно сталкивается с необходимостью перевода, и справляется с этой задачей в меру своих языковых компетенций. Исходя из этого, научное изучение специфики русско-якутского перевода и основанные на результатах этого изучения взвешенные практические рекомендации для билингвов-саха, могли бы способствовать повышению культуры речи саха, то есть улучшению лингвоэкологии якутского языка. Именно поэтому мы считаем тезис Т. И. Петровой о двуязычном переводе как факторе сохранения родного языка [6, с. 85–90] наиболее верным для определения роли переводчика, который ведет свою деятельность в области поддержания паритетного двуязычия внутри государства.

Лингвоэкология как направление лингвистики, которое изучает языковую сферу обитания человека и общества, начала формироваться с 70-х годов 20-го столетия. Это было связано с началом глобализационных процессов, когда языковые контакты становились более интенсивными, и перед обществом вставали вопросы о последствиях взаимодействия языков, сохранения чистоты родного языка и т.п. Основоположником данного направления считается Э. Хауген (психологические и социологические аспекты в лингвоэкологии), хотя некоторые исследователи усматривают идеи экологии языка еще в работах В. фон Гумбольдта (природа во взаимодействии человека и языка) [2, с. 838]. Большой вклад в развитие экологии языка как нового междисциплинарного направления науки внесли Дж. Палмер (универсальные для всех языков концепты лингвоэкологии); Х. Хаарманн (семь переменных, определяющих

языковое поведение языковых групп и отдельных индивидов); П. Мюльхойслер (экологическое мышление) и другие. В нашей стране вопросы лингвоэкологии в связи с экологией культуры поднимаются в работах академика Д. Лихачева; в рамках лингвоэкологии вопросы культуры речи рассматривали Л. Скворцов, Л. Савельева, В. Колесов и многие другие.

В наиболее общем виде лингвистическая экология служит для анализа объективной картины развития языка, выявления факторов, оказывающих негативное влияние на его развитие и применение, поиска путей и способов обогащения языка и совершенствования практики непосредственного речевого общения, сохранения языка как уникального средства общения [1, с. 159; 5, с. 91]. Таким образом, лингвоэкология (экология языка) прямо влияет на языковое самосознание человека, а далее на его национальную и культурную самоидентификацию, так как язык есть условие и сфера бытования национальной духовной культуры. По мнению А. Бернацкой, «важнейшая социальная миссия лингвоэкологов — просвещение социума относительно роли языка в интерперсональной и общественной жизнедеятельности социума», а «высшая цель, сверхзадача лингвоэкологии — сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства» [3, с. 28].

В данной статье мы рассмотрим типичные примеры нарушения культуры якутской речи, то есть наиболее характерные экологические проблемы современного якутского языка, обусловленные интеркаляцией при переводе и/или смешением обоих рабочих языков билингва-саха в его речи на родном языке. Для удобства классификации примеры сгруппированы по привычным уровням языкознания: уровень фонетики и графики, уровень лексики, уровень морфологии, уровень синтаксиса.

В сферу экологии фонетики мы можем отнести произносительные нормы, интонирование и акцентирование, а также стилевую дифференциацию звучащей речи (речь обыденная, сценическая, телевизионно-блогерская и т.п.). В современной якутской речи можно отметить такие отрицательные явления, как предпочтение русского произношения заимствованных слов без фонетического освоения в потоке звучащей на якутском языке речи; нежелание и неумение говорящего менять произношение, интонацию и темп речи при

вкраплении не якутской ономастики в свою якутскую речь и т.д. Все это ослабляет позиции якутской речи именно с точки зрения самого говорящего билингва, и он с легкостью переходит на русский язык, с которого переводит (возможно, неосознанно) транслируемую им информацию.

Макаронизму речи, присущему билингвам-саха, на наш взгляд, также способствует и одинаковая графика контактирующих языков. Например, правила орфографии позволяют писать заимствованные слова без отображения их звучания согласно артикуляции якутского языка, то есть точно так же, как и в русском языке, притом в той же кириллице. Это дает основание билингву-саха привыкнуть именно к такому графическому облику заимствованного слова, с легкостью переносить его оригинальное звучание в другую речевую систему — систему родного языка. Следовательно, нарушается чистота родной речи, страдает экология якутского языка.

К проблемам графики присоединяется и экология визуальной информации — вывески, указатели, реклама, визуальный контент сахаязычного сегмента интернета и др. Говоря о работе рекламщиков, блогеров и журналистов, надо отметить снижение общей грамотности, пренебрежение правилами орфографии и орфоэпии и т.п. Подобные девиантные оформления окружают обычных потребителей и формируют их языковое поведение в неправильном ключе.

В 2014 г. и 2015 г. в Закон о языках в Республике Саха (Якутия) были внесены поправки, согласно которым тексты вывесок, бланков, штампов и штемпелей оформляются на государственных языках Республики Саха (Якутия), а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера — и на местных официальных языках¹. Наша кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода СВФУ им. М. К. Аммосова по запросу организаций выполняет перевод наименований учреждений на якутский язык, последовательно проводя унификацию такой номенклатуры. Кроме этого кафедра по просьбе мэрии г. Якутска провела экспертизу и редактирование перевода на якутский язык текста радио-объявлений остановок городских автобусов (2018 г.), а также при-

¹ Закон о языках в Республике Саха (Якутия) (с изменениями на: 30.05.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804911252> (дата обращения: 18.10.2020).

няла участие в работе над переводом новой редакции Конституции Республики Саха (Якутия) (2019 г.). Такая научно-просветительская деятельность кафедры в области русско-якутского перевода вносит определенный вклад в экологию языка саха.

Лексическая экология. В результате буквального перевода лексических единиц происходит вмешательство одной языковой системы в другую. Наш материал позволяет нам выделить следующие виды нарушения лексики языка перевода: 1) избыточность речи; 2) тавтология; 3) нарушение узуального сочетания; 4) семантическая калька; 5) использование лексики с иностилевым регистром; 6) использование неоправданного слова-неологизма; 7) использование русской лексемы в ущерб якутского варианта. Остановимся на последнем виде интеркаляции. Это наверное самая распространенная ошибка в русско-якутском переводе, которая обусловлена зачастую не знанием или нежеланием находить аналог, простой языковой неряшливостью. Например, словосочетание “копилка предков” переводится как “*өбүгэлэрбит копилката*”, хотя последнее слово легко можно трансформировать на другую лексему: “*өбүгэбит байа-дуола*” (букв. ‘богатство предков’).

Грамматическая экология. В переводном якутском тексте имеются грамматические кальки множественного числа, страдательного причастия, уменьшительно-ласкательного суффикса и союза “и” русского языка. Синтаксические кальки происходят из-за различия структур русского и якутского языков и, зачастую, калькируется даже пунктуация исходного текста: *Выйдет Мальчиши на крыльцо: нет... не видать Красной Армии / Уолчаан күүлэбэ тахсар: суох... Кыһыл армия өссө даҕаны көстүбэт.* Здесь даже визуально заметно калькирование структуры исходного предложения. Грамматические кальки происходят в языке перевода в связи с несоответствием их с формами в исходном языке перевода.

Знание и умение распознавать интеркаляции-ошибки, происходящие как при непосредственном русско-якутском переводе, так и в процессе естественного двуязычия, необходимо как для будущего переводчика, так и для всех билингов-саха. Ведь такие ошибки могут существенно подпортить не только качество перевода и речь билингва, но и изменить функционал и структуру всего якутского языка.

В заключение необходимо отметить, что продуманное, сознательное влияние на сохранение границ двух сосуществующих рече-

вых и языковых систем в субъективном языковом сознании билингва и в языковом поведении билингвального общества в целом должно стать инструментом управления экологией языка. На наш взгляд, перевод с русского языка на родной якутский язык, а также обучение русско-якутскому переводу, призваны сохранить узуальные и грамматические нормы родного языка, а также расширить его функциональные возможности.

Литература

1. Актамов И. Г., Гунжитова Г.-Х. Ц. Экология языка в ракурсе региона: постановка проблемы (на материале Республики Бурятия) // Власть. 2016. Т. 24, № 3. С. 158–163.

2. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Формирование лингвоэкологического мышления как одна из основ обеспечения региональной этноязыковой стабильности // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23, № 3. С. 838–846.

3. Бернацкая А. А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15–31.

4. Валеева Н. Г. Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 5. С. 17–23.

5. Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90–99.

6. Петрова Т. И. Двухязычный перевод как фактор сохранения родного языка // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции общества: сб. науч. ст. / отв. ред. П. А. Слепцов. Якутск: Изд-во ИГИ АН РС(Я), 2007. С. 85–90.

7. Скворцов Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1996. 157 с.

УДК 81'33

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-135-142

© Разумовская Вероника Адольфовна

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Российская Федерация

veronica_raz@hotmail.com

ГОЛОСА СИБИРИ В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ЧТО «СЛЫШАТ» ЧИТАТЕЛИ ОРИГИНАЛОВ И ПЕРЕВОДОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с подготовкой переводчика-эрудита, способного выполнять качественные переводческие услуги по передаче культурного разнообразия и своеобразия мира, в т.ч. своеобразия территорий России. Процессы глобализации и глобанглизации, значительное увеличение культурных контактов и наблюдаемый бум перевода диктуют необходимость подготовки переводчика нового поколения, отвечающего вызовам текущего момента. Особое внимание в работе уделяется культурной информации и памяти, представленным в сибирском тексте, что является и мотивом для перевода текста, и единицей перевода. Подготовка переводчика к выполнению задач передачи информации такого текста средствами различных языков и культур мира предполагает анализ «кейсов» из реальной переводческой практики. Другим эффективным способом формирования требуемых переводческих компетенций является сопоставительный анализ оригинала и переводов сибирского текста.

Ключевые слова: переводческая деятельность, подготовка переводчиков, культура, сибирский текст, «Робинзон Крузо».

Razumovskaya Veronica Adolfovna

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

veronica_raz@hotmail.com

VOICES OF SIBERIA IN WORLD CULTURE: WHAT READERS OF SOURCE AND TARGET TEXTS DO “HEAR”

Abstract. The article is devoted to the issues related to the training of an erudite translator who can perform high-quality translation services aimed at conveying the cultural diversity and uniqueness of the world territories, including ones of

Russia. Globalization and globanglization processes that have significantly increased cultural contacts and provided the current boom in translation area dictate the need to train a translator of a new generation who meets the challenges of the current time. Special attention is paid to the cultural information and memory, which are represented in a Siberian text and are consequently both motivation to translate and the units of translation. Training a translator for performing the tasks of transmitting information of this kind via various languages and cultures of the world involves the case analysis of translation practice. Another effective way to develop the required translation skills is to compare the original Siberian text and its translations.

Keywords: translation activity, translators' training, culture, Siberian text, "Robinson Crusoe".

Современный многоязычный и поликультурный мир, погруженный в широкий контекст глобализации (и глобанглизации, как справедливо отмечает В. В. Кабакчи) существенно повлиял на деятельность теоретиков и практиков перевода, что имело своим результатом расширение категориальной парадигмы науки о переводе, появление новых видов перевода в соответствии с изменившимися условиями переводческой деятельности и как отклик на эти изменения, а также очевидное усиление интереса к профессии переводчика. Можно уверенно говорить о том, что в настоящее время наблюдается бум перевода, о чем свидетельствуют увеличение объемов выполняемых переводов, многочисленные мероприятия, посвященные практическим, экономическим, академическим и дидактическим аспектам деятельности переводчика (мастер-классы, конференции, форумы, вебинары), увеличение активности российских, зарубежных и международных профессиональных объединений переводчиков, ребрендинг многих компаний рынка переводческих услуг и появление на этом рынке новых компаний. В силу этого трудно не согласиться с утверждением, что в последнее время многие люди захотели применить свои силы и знания на переводческом поприще и многих из них характеризует храбрость неведения, они «смело бросаются в бурный поток чужого языка, часто не понимая, что творят» [5, с. 165].

Теоретики и практики перевода единодушны в том, что переводчиком не может (и не должен быть) человек, знания которого ограничиваются только одним или несколькими иностранными языками (наряду со своим родным языком). Переводоведы и пере-

водчики отмечают насущную необходимость подготовки переводчика нового времени, переводчика-эрудита, который владеет не только языками перевода, но и обладает значительным багажом знаний из различных областей деятельности человека, мировой и национальной культуры. При этом багаж знаний такого переводчика-эрудита должен постоянно пополняться и обновляться. В данном контексте необходимо говорить не только о необходимых профессиональных знаниях, но и об уровне интеллектуального развития, что в своем итоге и делает переводчика эрудитом. И. С. Алексеева справедливо отмечает, что переводчик должен знать об окружающем мире наравне с профессионалами в конкретной области знаний: «Переводчик — уникальный накопитель сведений о разных областях человеческих знаний и человеческой деятельности, причем для него одинаково важно знать и суть процесса или явления, и то, как все это называется на родном и — соответственно — иностранном языке» [1, с. 22]. Таким образом, современный переводчик должен знать в активной форме несколько иностранных языков, родной язык, культуру стран языков перевода и информацию из различных областей знаний. Бесспорно, российский переводчик обязан не только отлично владеть русским языком, но и обладать хорошими знаниями культуры родной страны. При этом ему придется в своей профессиональной деятельности сталкиваться с необходимостью не только знать и понимать традиционные константы русской культуры, но и ее многочисленные региональные варианты, что напрямую обусловлено большой территорией Российской Федерации, исторически сложившимся культурным разнообразием и спецификой этнических и миграционных процессов.

С другой стороны, в высшем образовании создается парадоксальная ситуация, когда в результате профессиональной подготовки по стандартизованным образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры нередко переводчик лучше владеет информацией о культуре стран иностранных языков перевода, чем о культурной специфике отдельных регионов России (Якутии, Дальнем Востоке, Поволжье и т.д.). Большой интерес и очевидную проблему в данном контексте представляет Сибирь, занимающая более 70% территории страны и включающая в себя такие регионы, как Якутия, Алтай, Красноярский край и т.д.

Обращаясь к основам переводческой деятельности, которая предполагает традиционную многоаспектность и полифункциональность, Е. Р. Поршнева считает, что глобальной функцией указанной деятельности выступает функция интерлингвокультурная. Как гиперфункция данная функция конституируется набором нескольких гипofункций, среди которых представлены следующие: информационно-аналитическая, организационно-адаптивная, межкультурно-посредническая, контролирующая, конструктивно-преобразовательная и т.д. [7]. Обратим особое внимание на гипofункции, которые имеют непосредственным объектом культурную информацию: герменевтическую (обеспечивает постижение смысла воспринимаемого текста посредством интерпретации) и кумулятивную (заключается в создании переводов, сохраняющих национальную культуру). Указанные гипofункции служат целям декодирования текста, который несет культурную информацию, таким образом, чтобы передать призыв автора к сохранению культурного своеобразия в иноязычных переводах.

Именно интерлингвокультурная функция переводческой деятельности диктует необходимость поиска ответа на следующий «вечный» переводческий вопрос, возникающий в рамках рассмотрения проблематики связи культуры и перевода: где «таится» культура в оригинале и что с ней делать переводчику? В работе Я. Б. Емельяновой, посвященной лингвострановедческой компетенции переводчика и способам ее формирования, приведенный выше вопрос логично разбивается на следующие вопросы: какие единицы текста оригинала характеризуются национально-культурной спецификой; какое место в процессе подготовки переводчика должно занимать обучение распознаванию и успешному переводу национально-культурных элементов оригинала; какие знания, навыки и умения требуются переводчику для этого; какое место они занимают в структуре переводческой компетенции; как должен строиться процесс формирования этих знаний, навыков и умений [4].

Таким образом, в подготовке переводчика определенное место должно принадлежать формированию способности сохранять определенную (наиболее значимую) часть культурной информации на протяжении длительного отрезка времени, что получило в современном гуманитарном дискурсе определение «культурной памяти». Понятие «культурной памяти» подразумевает одно из внешних из-

мерений человеческой памяти и имеет временной и социальный аспекты, социальную традицию и предполагает социальную коммуникацию [8]. Культурная память является символической формой передачи (трансляции) и актуализации культурных смыслов и предполагает не фактографическое и чисто понятийное восприятие конкретной культуры, а ее семантическое и ценностное освоение и интерпретацию. Культурная память способствует пониманию во всем многообразии единства мира, в котором каждое явление существует во множестве ценностно-смысловых контекстов. Можно сделать вывод, что современный переводчик-эрудит — это личность с богатой культурной памятью, развитой, прежде всего в отношении своей культуры.

Культурная память о Сибири традиционно представлена в следующих видах письменных текстов: (1) русскоязычные научные и научно-популярные тексты о Сибири и их переводы; (2) иноязычные научные и научно-популярные тексты о Сибири и их переводы; (3) би(поли)лингвальные рекламные тексты, путеводители, меню, и т.п.; (4) художественные тексты на языках коренных народов Сибири и их переводы на русский язык и языки народов мира; (5) художественные произведения русскоязычных авторов, действие которых происходит в Сибири (Ф. Достоевский «Записки из мертвого дома», А. Иванов «Вечный зов») и их переводы; (6) русскоязычные художественные тексты сибирских авторов, повествующие о Сибири (В. Астафьев, В. Распутин и др.) и их переводы; (7) художественные тексты зарубежных авторов, описывающие Сибирь, и их переводы (F. Mowat «Sibir. My Discovery of Siberia», С. Thubron «In Siberia», R. Lilwall «Cycling Home from Siberia»). В определенном смысле переводчик в своей профессиональной деятельности имеет дело с «сибирским текстом», к категории которого принадлежат тексты о Сибири или тексты, созданные в Сибири. Безусловно, сибирский текст также представлен и в устной форме, а также в гибридных формах других семиотических систем (кинотекст, театральная постановка, мультипликация, комиксы и т.д.)

Опыт переводческой деятельности и преподавания теории и практики перевода позволяет считать, что к наиболее эффективным приемам подготовки переводчиков в высших учебных заведениях Сибири является включение в образовательные программы «сибирских кейсов», которые предполагают анализ следующих ситуаций:

(1) спикер делает ошибки в сибирской тематике («Я приветствую Вас на родине Сурикова в Краснодаре»); (2) переводчик плохо знаком с историко-культурным «ландшафтом» Сибири (*Ермак; самодеды/самодийцы; ненцы; энцы; нганасаны; секлькупы; тунгусы; эвенки и эвены; кеты; В. И. Суриков и А. Суриков и т.д.*); (3) в тексте оригинала представлена незнакомая переводчику прецизионная информация (гидронимы, топонимы, ойконимы и т.п.); (4) в тексте оригинала представлены диалектизмы и слова с сибирским культурным компонентом (*чалдоны; сеголетка; хайлать*).

Хорошие результаты в формировании интерлингвокультурной компетенции могут быть достигнуты на занятиях по сравнительному анализу переводов сибирского текста. Интересный материал содержится в продолжении известного романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», который вышел в свет более 300 лет назад (в апреле 1719 года). Продолжение романа опубликовано в августе 1719 года и получило название «The Farther Adventures of Robinson Crusoe; Being the Second and Last Part of His Life, and of the Strange Surprising Accounts of his Travels Round three Parts of the Globe», в переводе как *‘Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и охватывающие изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим’*. Если первая часть романа является ядром обширного центра переводной аттракции, где представлены не только многочисленные вторичные иноязычные тексты вербальной природы, но и межсемиотические вторичные тексты, то вторая часть романа реже становилась объектом перевода, хотя историография ее переводов представляет большой интерес [9].

Вторая часть «Робинзона» не заинтересовала (как первая часть романа) читателей, литературоведов и историков, но в наше время она неожиданно привлекла внимание географов и путешественников. Данную часть считают литературным памятником, в котором запечатлелись знания образованного англичанина начала XVIII века о современной ему России [3]. Известно мнение, что указанный текст Дефо, положил начало антироссийским стереотипам, существующим и сейчас. В тексте редко употребляются слова «Россия» и «Сибирь», а в соответствии с европейской географией того времени используются единицы «Московия» и «Великая Татария» [6]. Но книга, бесспорно, интересна достаточно точной передачей гео-

графических и этнографических реалий, так как литературный травелог придает большое значение описанию, которое играет важную роль, и позволяет путешественнику сообщить свои замечания и довести до читателя свои знания. Особенностью жанра травелога является стремление к достоверному изображению «чужого» мира, пропущенного через восприятие путешественника. В данном случае «чужим» миром оказалась Сибирь.

Дидактически ценный материал, который может быть эффективно использован для профессиональной подготовки переводчика, представляет критика уже созданных и опубликованных переводов второй части романа Дефо [2]. Культурологический анализ оригинального текста, а также сопоставительный анализ английского оригинала и его иноязычных переводов позволяет определить точность описания Сибири автором, а также выявить совпадения и различия, существующие между английским оригиналом и его русскими переводами. Для каждого читателя художественного текста и переводчика как сверхчитателя (в гадамеровском понимании) характерно уникальное герменевтическое освоение текста (реализация герменевтической функции переводческой деятельности). Будущему переводчику-эрудиту важно определить, что могут «слышать» читатели оригинала и переводов, а также что сможет «услышать» читатель варианта перевода, который он сам может создать.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Союз, 2001. 288 с.

2. Васильев К. По стопам Робинзона Крузо, который не приметил в Сибири слона и пил воду, разбавленную водкой [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2017. № 4. URL: <http://www.sibogni.ru/content/po-stopam-robinzona-kruzo-kotoryu-ne-primetil-v-sibiri-slona-i-pil-vodu-razbavlennuyu-vodkoj> (дата обращения: 15.09.2020).

3. Виноградов С. Робинзон Крузо в Сибири. Вымысел, который становится правдой [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://russkiymir.ru/publications/256431> (дата обращения: 10.09.2020).

4. Емельянова Я. Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2010. 201 с.

5. Ивашкин М. П. Об одном опыте межкультурной коммуникации (Сопоставительный анализ переводного учебника «Финансо-

вый менеджмент: полный курс» и его американского оригинала) // Проблемы литературы, языка и перевода: сб. науч. тр. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. С. 163–181.

6. Кречетников А. Робинзон Крузо в Сибири. Как его туда занесло [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47388760> (дата обращения: 05.09.2020).

7. Поршнева Е. Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. 145 с.

8. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992. 344 s.

9. Razumovskaya V. A. Translatability of “Robinson Crusoe”: 300 Years Adventure in Time and Space // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2018 11). P. 139–145.

УДК 81'25

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-143-148

© **Находкина Алина Александровна**

Северо-Восточный федеральный университет

имени М. К. Аммосова

г. Якутск, Российская Федерация

aan-2010@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ АРКТИЧЕСКОГО И СУБАРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В данной статье отражено внимание к традиционным пластам культурного наследия народов арктического и субарктического регионов России. Рассматривается понятие «лингвистической экологии» как комплексного решения языковых, переводческих и культурологических задач для сохранения культурного наследия. В статье выявляются проблемы, связанные с лингвистической экологией культурного наследия народов Севера в ходе межэтнического диалога; решаются конкретные языковые и культурные вызовы, возникающие при сохранении сложных, уникальных явлений культурного наследия традиционных сообществ Севера в условиях глобализации. Проблемы перевода инструмента межкультурного диалога рассматриваются на материале якутских героических эпосов олонхо «Элэс Боотур» П.В. Огооева и «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П. А. Ойунского. Автор статьи предлагает разнообразные стратегии по определению культурных лакун и подсказывает пути для их заполнения.

Ключевые слова: культурное наследие, Север, Арктика, лингвистическая экология, эпос, олонхо, перевод.

Nakhodkina Alina Alexandrovna

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russian Federation

aan-2010@yandex.ru

LINGUISTIC ECOLOGY OF ARCTIC AND SUBARCTIC REGIONS OF RUSSIA: PROBLEMS OF TRANSLATION AND INTERCULTURAL DIALOGUE

Abstract. This article reflects attention to the traditional layers of the cultural heritage of the peoples of the Arctic and Subarctic regions of Russia. The concept of "linguistic ecology" is considered as a complex solution of linguistic, translation and cultural problems for the preservation of cultural heritage. The article reveals the problems associated with the linguistic ecology in the course of interethnic dialogue; resolving specific linguistic and cultural challenges arising from the preservation of unique cultural phenomena of the traditional communities of the North in the context of globalization. The problems of translating as the instrument of intercultural dialogue are considered on the basis of the Yakut heroic epics *olonkho* "Eles Bootur" by Pyotr V. Ogotoev and "Nurgun Botur the Swift" by Platon A. Oyunsky. The author of the article offers a variety of strategies for identifying cultural gaps and suggests ways to fill them.

Keywords: cultural heritage, North, Arctic, linguistic ecology, epic, *olonkho*, translation.

Лингвистическая экология

Актуальность темы определяется особенностями развития традиционных сообществ на современном этапе, особое опасение вызывает их культурное наследие, находящееся под угрозой исчезновения, ведь нынешний этап развития мировой цивилизации характеризуется бурным и агрессивным проникновением глобализации в различные области жизнедеятельности человека, в том числе культурную. При этом глобальные перемены приобретают ярко выраженную этническую, религиозную и культурную окраску и "отрицательно влияют на процессы формирования и поддержки национально-культурной идентичности" [1, с. 59]. Культурное наследие становится предметом обсуждения на национальном и транснациональном уровнях. Переводы, как известно, служат одним из средств межкультурных контактов.

В наших исследованиях мы рассматриваем возможность сохранения культурного наследия традиционных сообществ посредством научных и иных мероприятий, предпринятых в рамках проекта по лингвистической экологии. Лингвистическая экология понимается нами как комплекс лингвокультурных мероприятий по сохранению культурного наследия, куда включаются процедуры по ознакомлению и внедрению в этническую материальную культуру; и как ее лингвистическая компонента и неотъемлемая часть духовной культуры — аудио- и видеозапись устной фольклорной традиции, документирование языков, составление словарей, переводы. Исследования проводятся на материале эпической и фольклорной традиции для дальнейшего развития и сохранения культурного наследия народов субарктической зоны и коренных народов Севера.

Понимание лингвистической экологии позволяет также проводить научные изыскания на существующем экспериментальном материале, объединять разрозненные сведения по сравнительно-сопоставительным исследованиям в области языков и культур традиционных сообществ Севера для более полного выявления и всестороннего изучения и решения конкретных языковых и культурных вызовов, возникающих при передаче сложных, уникальных явлений эпической и фольклорной традиции арктических сообществ на европейские языки в ходе межэтнического, межкультурного диалога.

Задачи проекта лежат в рамках обозначенной цели и представляют собой:

- осмысление истоков эпического и культурного наследия,
- изучение образно-ассоциативного дискурса и культурного пространства эпоса,
- выделение литературоведческого и этнического аспектов в языковом дискурсе эпоса,
- разработку, выявление и типологию разнообразных переводческих стратегий и тактик, переводческих комментариев, системы переводческой транскрипции, передачу национально-культурных компонентов, имеющих различную манифестацию в разных национально-культурных традициях: реалии, лакуны, имена собственные, связанная с этим проблема фонетических модуляций при передаче онимов, перевод культурно-обусловленных коннотаций на материале культурного наследия традиционных сообществ арктического и

субарктического регионов, что поможет определить культурологические и семантические лакуны и подскажет пути для их заполнения.

Проблемы перевода и межкультурного диалога

Наиболее четко проблемы перевода, а, следовательно, недостижимость межкультурного диалога, то есть коммуникативный сбой, прослеживаются на примерах перевода имен собственных (далее — ИС) и разнообразных национально-культурных компонентов. Одной из наиболее распространенных переводческих ошибок в России является мнение о том, что нерусские имена собственные, написанные по-русски кириллицей, понятны реципиенту и без перевода. Это часто вводит в заблуждение даже опытных переводчиков. Такое ошибочное представление распространяется на все области ономастики, например, культурные реалии, лакуны, ИС, вошедшие в обиход с момента появления русских на территории данных национальных окраин Российской империи. Исторически в русском языке были закреплены определенные устоявшиеся формы этих национально-культурных компонентов, в которых исходные фонетические характеристики передавались без учета норм принимающего языка.

Кроме того, зачастую в якутско-русском переводе эпитеты, сопровождающие ИС (цит. по Невелевой: имена-эпитеты, прозвища — термин Майер-Мелетинского) [3, с. 45], так и передаются транскрипцией и/или транслитерацией, в итоге получается «бессмысленный набор звуков» [2, с. 247]. Не стали исключением и переводы Олонхо П. В. Оготовева «Элэс Боотур», что значительно обеднило содержание и образность эпоса. Например, имя демона-абаасы из Нижнего мира переводчики на русский и английский язык передают своеобразно:

якут. Үөс Тардар, Өһөх Хабар, Үс Күлүк, Түһнэри Холорук, Тимир Дьигистэй обургу [4, с. 68]

Дословное значение ИС: Үөс Тардар [yu-es tar-dar] — перерезающий жилу (имеется в виду способ забивания скота, в прошлом традиционно принятый у якутов), т.е. мгновенно убивающий; Өһөх Хабар [yo-h-yokh kha-bar] — поглощающий кровь сгустками, т.е. кровожадный; Үс Күлүк [yus kuu-lyuk] — имеющий три тени, традиционное титулование высокопоставленных персонажей; Түһнэри Холорук [tyun-ne-ree ho-lo-rook] — разрушающий и переворачивающий все на своем пути смерч; Тимир [ti-mir'] — железный, сде-

ланний из железа, сырой руды, и одновременно метафорическое значение «железный» как не знающий жалости, жестокий; обургу [o-boog-goo] — многозначное слово, содержащее несколько значений (несносный, невыносимый, могучий и т.п.) Джигистей [ji-gis-tei].

русс. По названию Юес Тардар, Есех Хабар, Юс Кюлюк, Тюнгнири Холорук, Тимир Дьигистэй, черной кровью питающийся, имеющий три тени, черным вихрем прикрывающийся [5, с. 65];

англ. I am notorious three-shadower, Reverse Whirlwind Timir Djigistei the Great [6, с. 46]

В большом 9-песенном эпосе-олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» (Нюргун Боотур Стремительный) также имеется этот персонаж, его описание почти дословно повторяет описание Оготоева:

Өһөх Харбыыр, Үс Күлүк, Түүн сырыылаах Түнгэри Холорук, Тимир Дьигистэй бухатыыр обургу... [7, с. 127]

Пьющий кровь сгустками, Имеющий три тени, В ночи крадущийся, Разрушительный смерч, Тимир (железный) Джигистей. [перевод наш. — А. Н.]

Однако предыдущий опыт перевода повлиял на выбор стратегии переводчиков эпоса «Нюргун Боотур Стремительный» на английский язык и перевод имени демона-абаасы получился более точный и понятный:

...Ehekh Kharbir, Three Shadows, The night stalker, The deceiving twister, Whose whirlwind turns everything upside down Mighty Timir Jigistei... [8, с. 110]

Таким образом, на примере частного случая перевода якутского эпоса мы видим, что перевод как инструмент лингвистической экологии нацелен на снятие разнообразных проблем, возникающих при передаче наиболее сложных, уникальных явлений художественного наследия, в первую очередь, лексико-семантических: несовпадение словарного или стилистического значения слова и значения, которое оно может иметь в эпическом контексте.

В современных условиях всеобщей и нарастающей глобализации, стирания этнических и культурных границ вопросы лингвистической экологии и экологии культуры приобретают особую остроту. Основная проблема — это проблема возможности и необходимости общения между культурами, каждая из которых несет в себе свои смыслы, традиции, нормы.

Литература

1. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Культурная политика. Знание, понимание, умение. 2008. № 3. С. 59.
2. Бернштейн И. М. Английские имена в русских переводах. М.: Иностр. лит-ра, 1998. С. 247–250.
3. Невелева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. М.: Наука, 1979. 135 с.
4. Оготовев П. В. Элэс Боотур: Олонхо. Дьокуускай, 2002. 228 с.
5. Оготовев П. В. Элэс Боотур: Олонхо. Якутский героический эпос олонхо / пер. на рус. яз. М. Алексеевой. Якутск, 2002. 196 с.
6. Ogotoev P. Eles Bootur: Yakut heroic epos-olonkho // Translated by A. Scryabina. Yakutsk, 2002. 128 p.
7. Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур: Олонхо / Саха респ. наукаларын акад. гуманитар. чинчийии ин-тута. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2003. С. 127.
8. Oyunsky, Platon. Nurgun Botur the Swift // English translation under the supervision of Alina Nakhodkina. Folkestone, Renaissance Books Publishing House, 2014. 447 p.

УДК 811.571'25+811.161'25
DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-149-156

© Семенова Эржена Васильевна

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
semenova@bsu.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Данная статья посвящена переводу названий китайских фильмов для русскоязычной аудитории. Индустрия кино является лидером культурного, социального, духовного, исторического обмена между странами для широкой аудитории. Создание визуальных образов, сопровождающие звукового ряда, технологические и цифровые ресурсы позволяют создать неповторимую атмосферу, передать колорит исторического костюма, увидеть эпичность происходящего. Название фильма выступает своего рода рекламным текстом, который привлекает зрителя. Перевод названия и его прагматическая адаптация становятся для переводчика особым заданием, для выполнения которого нужно применить различные стратегии. Прагматическая обусловленность данного творческого процесса связана с достижением коммуникативного эффекта. В работе мы останавливаемся на трех стратегиях: прямом переводе, частичном преобразовании, полной замене названия. Каждая стратегия поддержана примерами, взятыми из открытых источников.

Ключевые слова: перевод, прагматическая адаптация, стратегии перевода, название фильма.

Semenova Erzhena Vasilievna
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
semenova@bsu.ru

PRAGMATIC ASPECT OF TRANSLATING MOVIE TITLES FROM CHINESE TO RUSSIAN

Abstract. The article is devoted to translating the Chinese film titles for the Russian-speaking audience. The film industry is a leader in cultural, social, spiritual, and historical exchange between countries for a wide audience. Visual

images, soundtracks, technological and digital resources create a unique atmosphere, show the color of the historical costume, and impress us by fascinating performance. The film title acts as a kind of advertising text that attracts the viewer. Translation of the title and its pragmatic adaptation become a special task for the translator, which requires applying various strategies. The pragmatic dependence of this creative process consists in the communicative effect achievement. In its analysis the author focuses on three main strategies: direct translation, partial transformation, and total replacement. Each strategy is supported by examples taken from open sources.

Keywords: translation: pragmatic adaptation, strategies of translation, movie title.

На сегодняшний день киноиндустрия — это огромная отрасль с многомиллионным финансовым оборотом и привлечением высокопрофессиональных человеческих и технологических ресурсов. Все составляющие индустрии направлены на получение максимальной выгоды, соответственно и название фильма становится важной составляющей. Эффектное название должно привлечь внимание потенциального зрителя, определить его отношение и решение смотреть или не смотреть.

Интерес российского зрителя к истории и культуре Китая очень высок, поэтому художественная и научная литература, выставки и различные обмены очень востребованы, но самым массовым средством для того, чтобы познакомить с традициями, укладом, современным и прошлым Китая, становятся фильмы. Это и художественные, и научно-популярные фильмы, и драмы (азиатские сериалы), приобретшие популярность в последние годы.

Название фильма выступает своего рода рекламным текстом, на который возлагается авторами большая задача, равно как и на его перевод, который в другой языковой среде и культуре должен привлечь внимание потенциального зрителя. Здесь переводчик оказывается перед непростым выбором — либо ориентироваться на исходный текст, отождествляя себя с автором речевого произведения и с получателями оригинального продукта, то есть осуществлять прагматическое уподобление переводного текста оригинальному, либо ориентироваться на «своего» получателя, стремясь создать тот коммуникативный эффект, который предлагает новая коммуникативная ситуация. В выборе решения переводчику следует понимать, в чем состоит суть выполнения прагматических и прагматически обусловленных преобразований [1, с. 395].

Прагматически обусловленные преобразования производятся для достижения в тексте перевода коммуникативного эффекта, эквивалентного тому, который может быть выявлен в тексте оригинала. Сохраняется прагматическое значение исходной единицы в тексте, в то же время как семантические, так и синтаксические значения могут полностью или частично изменяться. Наиболее существенные изменения семантических и синтаксических значений происходят в результате трансформационных операций, которые получили название «комплексные замены» [3, с. 115], «адаптация» [1], «прагматическая адаптация» [4, с. 144].

В рамках прагматического аспекта перевода кинозаголовков можно выделить три основные стратегии, которыми чаще пользуются российские переводчики: прямой перевод, трансформация названия, полная замена названия [2, с. 103–112]. Принимая классификацию в целом, однако мы не согласны со вторым наименованием, поскольку, во-первых, понятие «трансформация» подвергается критике из-за чрезмерной технической ориентированности определения наименования операции [1]; во-вторых, в такой формулировке вид стратегии не соответствует заданному критерию «степень преобразования названия». В связи с этим назовем вторую стратегию «частичное преобразование».

Первая стратегия — прямой перевод — применяется в случаях, когда в названии фильма отсутствуют непере译имые реалии (здесь возможны транскрипции и транслитерации), также форма и содержание названия сохраняются, если дословный перевод не наносит ущерб основному намерению сценария и творческого группы. Чаще такой подход оправдан, если наименование фильма представляет собой имя собственное, географическое название, торговую марку и пр.

Далее представим варианты перевода названий китайских фильмов на русский язык как иллюстрации трех стратегий. Первая группа — прямой перевод названий.

(1.1) 孔子 ‘Конфуций’

Поскольку имя китайского философа Конфуция известно во всем мире, то иностранным зрителям и, конечно, русским, можно без труда понять о ком будет фильм, определить исторический контекст или предположить философскую составляющую.

(1.2) 赵氏孤儿 ‘Сирота из рода Чжао’

Действие данного фильма происходит в Китае во времена империи Цинь, в исторический период «Весны и осени». Генерал Тхуан

Гу убивает Императора и подставляет семью Чжао, с которым у него давняя вражда. Он убивает весь род Чжао — более 300 человек. Единственным выжившим остается младенец Чжао У, которого спасает врач семьи Чан Инг. По несчастливой случайности генерал принимает родного сына врача Чан Инга за спасенного младенца и расправляется с сыном и женой врача. Тхуан Гу забирает настоящего Чжао У к себе домой, не подозревая о его происхождении и заботясь о нем как о родном сыне. Но врач вынашивает свой план мести и однажды рассказывает Чжао У всю правду. Как представляется, в рамках данного сюжета дословный перевод названия соответствует и донесению, и морали представленной в фильме ситуации.

(1.3) 神话 ‘*Миф*’

Главный герой этого фильма — археолог, который ведет раскопки в местах древних городов и захоронений. Во время своих исследований он погружается в древность и мистическим образом перевоплощается в воина, от которого много веков назад зависела судьба народа. Поскольку авторы представляют древние и ожившие мифы, название оригинала соответствует ожиданиям зрителя.

(1.4) 雪花秘扇 ‘*Снежный цветок и заветный веер*’

Софи Ляо и Нина Вей живут в наши дни и дружат с самого детства. Они узнают, что в древнем Китае была своеобразная традиция перевязки стоп девочкам, чтобы стопа оставалась маленькой. Для получения такого результата девочки носили специальные башмачки: согласно старой традиции, эта особенность стопы позволяла девушке удачно выйти замуж. В назначенный срок девочкам перевязали стопы, но кроме этого они решили общаться между собой на веерах, которыми также пользовались в древности как средством коммуникации. По сюжету картины жизнь развела девушек, но в своих сердцах они сохранили сестринскую любовь и дружбу, возможно, именно благодаря общности понимания древних обычаев предков. Мелодраматическое начало произведения соответствует высокому стилю названия.

Применение второй стратегии перевода названий — частичное преобразование — можно обосновать тезисом Я. И. Рецкера о том, что она выступает как прием логического мышления, с помощью которого мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным [3, с. 179]. На расширение или сужение информации путем замены,

добавления или опущения отдельных элементов влияют, как ниже показано, определенные факторы, за счет чего происходит компенсация смысловой недостаточности или избыточности.

(2.1) 花木兰 ‘Мулан’ (досл. Хуа Мулан)

Хуа Мулан является героиней известной китайской поэмы. Вместо своего отца она поступает в армию, переодевшись юношей: в то время брали в армию только мужчин. Далее история разворачивается так, что она становится генералом армии. В знак признательности ее заслуг Император хотел назначить ее на высокий пост, но она отказалась от почестей и попросила разрешения вернуться в родной город как простой житель. Поэма была написана в VI веке и неизвестно, был ли у героини реальный прототип.

Мы отнесли данный пример ко второй стратегии по следующим соображениям. Очевидно, что первое имя сознательно опущено в переводе, так как оно 1) не устраивает переводчика в плане фоносемантики русских имен; 2) для русскоязычного зрителя не несет дополнительную семантическую нагрузку. Что касается второго имени, официально приняты два варианта — Мулан и Мулань, однако первый, обладая большей частотностью, фоносемантически звучит ближе к русскому слогу.

(2.2) 唐山大地震 ‘Землетрясение’ (досл. Землетрясение в городе Таншань)

Фильм рассказывает о судьбе Лю Наньни и ее семьи на протяжении нескольких десятилетий. В 1976 г. во время Тань-Шаньского землетрясения погибает муж Лю Наньни, а перед героиней встает нелегкий выбор спасти только одного ребенка — сына Фан Да или дочь Фан Дэн. Мать выбирает мальчика, но после извлечения из-под обломков он теряет руку. Но и Фан Дэн чудом остается жива, однако она попадает в приемную семью. Сначала фильм получил прямой перевод названия «Тань-Шаньское землетрясение», но в прокатной версии в России географическое название было опущено. Мотивом частичного трансформирования названия могла послужить идея о вероятности оказания более глубокого воздействия на зрителей в плане восприятия масштабности трагедий, которые вызывает столь грозное природное явление. В этом случае указание на географическую локацию было бы излишним и мешало бы воспринимать трагедию и лично, и планетарно.

(2.3) 夜店 ‘Ночная таверна’ (досл. Ночной клуб)

Представленный фильм является комедией, которая сводит несколько колоритных персонажей в одном месте. Локация событий детализирована ночным временем, однако для усиления интриги и соответствующих ожиданий зрителя в переводе принято решение заменить современную реалию ее более историческим эквивалентом: постоянный двор «таверна дает нам аллюзию на доавтомобильную харчевню европейской традиции.

Для применения третьей стратегии возможны несколько причин: невозможность передать прагматическую составляющую оригинала. Это может быть отличие формы, культурного содержания, художественного стиля китайских фильмов от принятых в русскоязычной культуре, в связи с чем необходимо создать новый кинозаголовок для того, чтобы избежать ложных ассоциаций или путаницы другого плана.

(3.1) 夜半歌声 ‘Призрачный любовник’ (досл. Полуночная песня)

Гонконгский фильм представляет собой ремейк «Ромео и Джульетты», где любовь между двумя молодыми людьми — театральным актером Сон Дан Пинг и дочерью коррумпированного чиновника То Ван Инь — была изначально обречена как и в случае шекспировских влюбленных. Дословный перевод «Полуночная песня» не указывал бы на трагичность их ситуации: спустя годы, ослепшая и изувеченная Ван Инь снова встречается с Сон Дан, но уже как с актером с прозвищем «Призрачный любовник», так как он вынужден скрывать свое изуродованное лицо от некогда любимой публики.

(3.2) 中国合伙人 ‘Американские мечты в Китае’ (досл. Китайские партнеры)

Прагматика произведенного в переводе целостного преобразования названия для российского проката состоит в выделении главной идеи: главные герои — три молодых человека — мечтают поехать в Америку для осуществления своих заветных желаний: вкушать другой жизни, получить новые знания и познать литературу и все прекрасное. В соответствии с жанром, близким к дораме, перевод названия должен быть также легким, немного пафосным — вот чего, по-видимому, требовала прагматика фильма.

(3.3) 十月围城» *‘Телохранители и убийцы’* (досл. *Осажденный город в октябре*)

Фильм отсылает к истории 1905 г., когда Сунь Вэнь едет Гонконг для того, чтобы разработать план свержения династии Цин. Однако его намерения становятся известными императрице Цыси, которая посылает убийц во главе с Ян Сяого, чтобы помешать ему претворить план. При этом Сунь Вэня защищают разного рода неопытные воины-телохранители. Спасает ситуацию двойник Сунь Вэня, который отвлекает убийц и дает ему возможность после важной встречи покинуть Гонконг. На наш взгляд, предложенный для российских зрителей вариант является привлекательным именно в плане фокусирования внимания зрителей на остросюжетности жанра боевика, который всегда построен на противопоставлении и противостоянии враждующих сторон.

(3.4) 十面埋伏 *‘Дом летающих кинжалов’* (досл. *Засада с десяти сторон*)

Фильм открывает страницу истории, когда в 859 г. династия Тан близилась к своему закату и по всей стране поднимались мятежи: люди, уставшие от призола чиновников, присоединяются к повстанческому движению «Дом летающих кинжалов». Воины этого дома мастерски владеют боевыми искусствами и видами холодного оружия, на что указано в привлекательном с точки зрения мистического налета названии. Также оригинальное название не соответствовало бы российской традиции именования фильмов подобного повествования.

Как мы убедились, перевод названия фильма является сложным и многомерным процессом. Применение обоснованных стратегий позволяет переводчику делать продукт не только интересным для соответствующей аудитории, но и помогает предвосхитить сюжет будущего фильма и направить ее восприятие в нужном направлении. В заключение приведем еще один пример для демонстрации культурной специфичности и сложности выбора варианта в переводе названий. Так, фильм Люка Бессона «Леон» был переведен для китайского проката как «这个杀手不太冷». Это название на русском языке дословно звучит как «Этот киллер не очень холодный». Такая замена в переводе связана, конечно, с принятыми в китайской традиции формой и стилем названий фильмов, соответственно, она привлекательна для местных зрителей.

В работе мы опирались на названия фильмов, взятых из открытых источников.

Литература

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
2. Милевич И. Г. Переводы названий художественных фильмов: тактики эвфемизации и деэвфемизации [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2016. № 2(12). С. 103–112. URL: <https://medialing.ru/perevody-nazvanij-hudozhestvennyh-filmov-taktiki-ehvfemizacii-i-deehvfemizacii/> (дата обращения: 07.11.2020).
3. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

УДК 811.111

DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-157-165

© **Щурик Наталья Викторовна**

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

amistad@yandex.ru

МОДА VS МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Мода является неотъемлемой частью жизни современного человека, поскольку любой социум функционирует по определенным законам и моделям. Если индивид отказывается соблюдать эти правила, то он автоматически становится маргиналом. Именно поэтому перевод дискурса моды является очень актуальным вопросом современного переводоведения. Помимо адекватности и эквивалентности как ведущих категорий, определяющих успешность перевода, очень важно, чтобы в процессе перевода дискурса моды ценность продукта в исходной культуре совпала с ценностью продукта индустрии моды в принимающей культуре. Анализ дискурса моды в соответствии с принадлежностью к дискурсу экспертного сообщества или дискурсу согласования позволяет выбрать наиболее оптимальную стратегию перевода, что, в свою очередь, помогает избежать неточностей и смысловых ошибок.

Ключевые слова: дискурс моды, ценность продукта, дискурс экспертного сообщества, дискурс согласования.

Shchurk Natalia Viktorovna

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

amistad@yandex.ru

FASHION VS CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE AGE OF GLOBALIZATION (TRANSLATOLOGICAL ASPECT)

Abstract. Any society lives according to certain laws and models that is why fashion is an integral part of the life of a modern person. If an individual refuses to follow these rules, then he automatically becomes a marginal. In this sense the translation of the discourse of fashion is a key issue of modern translation

studies. In addition to adequacy and equivalence as the leading categories that determine the success of translation, it is very important to keep in mind that the value of the product in the source culture should coincide with the value of the product of the fashion industry in the target culture. Discourse community classification and discursive practices help to distinguish between the Discourse of Expert Community and the Discourse of Consensus. The duality of these entities brings them into constant dynamics where knowledge may develop from the notion to the term as well as from the term to the notion. Such approach to translation of the discourse of fashion allows choosing the most effective way of translation strategy, which, in turn, helps to avoid inaccuracies and semantic errors.

Keywords: discourse of fashion, the value of the product, Discourse of Expert Community and the Discourse of Consensus.

Мода является неотъемлемой частью жизни практически любого человека. Только свободные от социума как Диоген могут себе позволить игнорировать эту сторону жизни. Даже в период изоляции и полного локдауна в первые месяцы 2020 года во время распространения коронавирусной инфекции по всему миру, когда почти все было парализовано, мода и модные тенденции фешн индустрии мгновенно смогли адаптироваться к новым условиям жизни. Основным способом предотвращения заражения инфекцией стали медицинские маски и респираторы, однако, представителей модных слоев общества тяготит тот факт, что те самые маски, которые мы привыкли видеть, не сочетались с их образами и портили внешний вид. Так, впервые, когда распространение вируса еще не достигло высоких отметок в Европе, во время парижской недели моды на зрителях модных показов появились первые дизайнерские маски, защищающие не только дыхательные пути, но и украшенные причудливыми узорами, цветами и кристаллами, выполненные из различных типов тканей и кожи. В течение последних трех лет этот аксессуар встречался в коллекциях таких марок как: «Off-White», «Palm Angels», «Bathing Ape» и даже таких известных домов моды как «Fendi». Свой вариант полупрозрачной черной маски придумал креативный директор «Gucci» Алессандро Микеле для выхода знаменитостей на красную ковровую дорожку церемонии «Grammy». Таким образом, простая медицинская маска, имеющая лишь утилитарный характер, превратилась в повседневный аксессуар, несущий еще и эстетическую функцию. Впоследствии маски получили даль-

нейшее распространение и появились в ассортименте более бюджетных магазинов, особенно часто они встречались в онлайн магазинах, маски также были выполнены из тканей разных цветов и фактуры. Медицинская маска имеет все шансы стать важным символом современной культуры и моды, в частности.

Развитие моды идет по спирали, можно сказать, «что все новое — это хорошо забытое старое». Однако, несмотря на то, что модный дискурс эксплуатирует уже известные идеи, связь между означающим и означаемым может быть весьма условной, иконические, индексальные и символические признаки смешиваются, что требует от переводчика нестандартных переводческих решений.

Р. Барт говорит о том, что письмо играет роль «конститутивного элемента» моды, поскольку между вещью и её пользователем «помещается роскошное богатство слов» [1, с. 33]. Он утверждает, что мода как сущность не может существовать вне слова, поэтому рационально будет идти от самого слова к обозначаемой им реальности. В результате появляется уникальный феномен «именования означаемых»: тексты о моде приобретают метаязыковой характер и подобно учебникам, справочникам или словарям, они толкуют значения знаков. По мнению Р. Барта, любой текст модной тематики имеет подобную характеристику: он представляется результатом перевода с языка моды на вербальный язык. Возможность осуществления этого вида «перевода» определяется соотношением устройства и функционирования системы языка моды и системы вербального языка.

В работе «Система моды» Р. Барт рассматривает моду как систему знаков, противопоставляя три вида сообщения («три одежды»), которые читатель может встретить на страницах модных журналов:

1. Одежда-образ (фотографии и изображения)
2. Одежда-описание (текст, комментирующий или описывающий образ)
3. Реальная одежда (выкройки для пошива одежды)

Особое внимание автор уделяет второму типу сообщения (описанию) и говорит о том, что если на странице журнала есть сфотографированное платье, а слева от фотографии приводится описание данного образа, то оба сообщения делают отсылку к одной и той же реальности, однако, структура этих сообщений отличается. В пер-

вом случае материалами для передачи сообщения являются цвета, линии, формы и силуэты, носящие пространственный характер отношений. Во втором случае это слова, отношения которых имеют если не логический, то, по крайней мере, синтаксический характер отношений [1, с. 36].

Идеи Барта получили развитие в трудах Дж. Вуд [13], Ц. Уайт [12]. Его исследования по сути заложили основу для российской лингвистики в данном направлении, которая начинает рассматривать моду с точки зрения вербализации на рубеже 20–21 столетий. Особого внимания заслуживает работа О. Никитиной «Язык моды XVIII–XIX вв. в русском культурном быту: трудности перевода». Автор рассматривает мир костюма в качестве «мира слов», звучащего непонятно и загадочно для непосвященного человека. Порой слова, обозначающие вещи, привлекают больше, чем сами предметы [8, с. 231], например, *кринолин, панье, пет-ан-лер*.

Стоит отметить, что возникновение интереса отечественной лингвистики к языку fashion-индустрии приходится на период начала изменений политических, социальных и экономических сфер общества нашей страны. Говоря о нынешнем дискурсе моды, российские лингвисты в первую очередь уделяют особое внимание заимствованию лексики и её закреплению в языке, уточняя значение заимствований и случаи их употребления. Принимая во внимание, что журналы мод начали активно развиваться именно в англоговорящих странах (Великобритания, США), и, говоря о роли перевода, адаптации и создания аналогичного текста по уже существующему образцу, приходим к выводу, что основным источником заимствований в этой сфере являются печатные издания на английском языке [5, с. 18].

После падения СССР и открытия российского информационного пространства отечественный читатель сталкивается с русифицированными версиями наиболее популярных гляцевых журналов. На тот момент они являлись изданиями с многолетней историей, так как за рубежом мода на протяжении уже долгого времени играла роль международной индустрии. В сложившихся обстоятельствах основной задачей переведенных гляцевых журналов стало приобщение читателей к реалиям западной моды, что требовало от переводчика не только знания реалий, но и способов культурологической адаптации [4, с. 57].

Эта идея полностью совпадает с размышлениями Юсты Хольц-Мянттари, которая полагает, что при работе с текстом переводчик играет роль специалиста в области межкультурной коммуникации, определяя содержание и форму перевода [7, с. 102]. Она говорит о том, что тексты ИЯ всегда находятся в рамках контекстов (стилистических, жанровых, культурных), принятых в данной культуре. Следовательно, когда мы говорим о переводе, то имеем в виду не только перевод с ИЯ на ПЯ, но и перевод с одной культуры на другую с учетом её традиций [9, с. 210].

В связи с вышеозначенным можно сказать, перевод дискурса моды требует не только учета культуро-ориентированных стратегий, прагматической адаптации, но и того, чтобы ценность продукта в исходной культуре совпала с ценностью продукта индустрии моды в принимающей культуре. Эта мысль находит свое подтверждение в работах Р. Барта, который писал о том, что модные издания — это «апостолы» моды, несущие в массы «модное слово», то есть при помощи вербализации они объясняют и толкуют моду, создавая смыслы [1, с. 34]. По мнению Ф. Годара, в институте моды пресса играет две роли: 1) информирование о появлении нового продукта/товара; 2) придание этому товару определенной ценности в рамках моды, даже если с утилитарной точки зрения таковая отсутствует [11, p. 133].

Итак, чтобы сохранить ценность продукта при переводе дискурса моды рассмотрим авторскую концепцию А.М. Каплуненко о существовании трех типов дискурса: дискурса различий, дискурса согласования и дискурса экспертного сообщества. В данном исследовании нас будут интересовать две последние разновидности. Основным критерием дифференциации этих двух дискурсов является идея о разграничении «понятия» и «термина». «Преодоление различий осуществляется в дискурсе согласования» [6, с. 5], трансляция смысла возможна благодаря использованию понятия, что позволяет выстраивать общий вектор интерпретации для всех участников дискурсивной практики [10]. Наиболее ярко подобная стратегия используется при переводе художественной литературы.

«Термину соответствует дискурс экспертного сообщества, закрытой субкультуры, носители которой вырабатывают правила поведения термина как знака, т.е. во всей полноте его прагматики, семантики и синтактики» [6, с. 6.]. Содержание и объем термина

ограничены: одному знаку соответствует одно значение в пределах определенной терминосистемы. Знаки с плотным содержанием и узким объемом, функционирующие в дискурсе экспертного сообщества, в результате становятся языком специальной области научного знания и не приемлют многозначности или субъективности интерпретации.

Обратимся непосредственно к анализу примеров: “Yes, I’ll be going to Paris in October, for the spring *ready-to-wear* shows”. ‘Да, в октябре я еду в Париж на показ весенних коллекций *прет-а-порте*’.

“In 1986, Jacques Bogart S.A. acquired the rights to Balenciaga, and opened a new ready-to-wear line, “Le Dix”. ‘В 1986 году компания Jacques Bogart S.A. приобрела права на торговую марку Balenciaga и открыла новую линию одежды прет-а-порте «Le Dix»’.

Данные переводческие решения переносят читателя в дискурс экспертного сообщества. Переводчики заменили *ready-to-wear* синонимичным *prêt-à-porter* (прет-а-порте), вошедшим в российскую терминологию модной индустрии гораздо раньше, чем *ready-to-wear*. Выбор стратегии форенизации позволяет уменьшить семантические потери. Любой специалист в области фэшн-индустрии очень хорошо знаком с термином *прет-а-порте*.

Совсем иной подход можно увидеть при переводе художественной литературы, рассчитанной на массового читателя: “Perhaps you ladies might be more comfortable down in *ready-to-wear*”. ‘Возможно, вам, дамы, будет удобнее в *платьях массового производства*’. “He tried to resist *ready-to-wear*, he worked all the time...” ‘Он сопротивлялся *засилью готовой одежды*, он всё время работал’. Данные примеры представляют собой перевод в рамках дискурса согласования. Переводчики отказываются от термина, обращаясь к описательному переводу, стратегии доместикации. На сегодняшний день на страницах журналов мод, сайтах домов мод можно обнаружить огромное количество различных стратегий перевода одного и того же термина (см. таблицу 1).

Таблица 1

Дискурсивная вариативность перевода термина моды

Термин ИЯ	Перевод термина в рамках дискурса экспертного сообщества	Перевод термина в рамках дискурса согласования
outfit	образ, аутфит	экипировка, одежда
kitten heels	туфли kitten heels, киттен хилс	туфли с низкими каблуками
bronzing powder	бронзер	бронзирующая пудра
oversize	оверсайз	слишком большого размера
tote bag	сумка тоут	сумка
kelly bag	сумка келли	сумка от «Келли»
combat boots	комбат бутс	армейские ботинки
loafers	лоферы	мокасины
ready-to-wear	прет-а-порте, коллекция ready-to-wear	коллекция

Несмотря на разнообразие стратегий и тактик перевода дискурса моды можно увидеть большое количество неточностей и даже смысловых ошибок.

Например, “... but she went to Milan and Paris in October for spring *ready-to-wear*, in July for winter couture, and in March for fall *ready-to-wear*”. ‘...но непременно бывает в Милане и Париже: в октябре — на показе весенних коллекций, в июле — на демонстрации зимних коллекций, и в марте — осенних’.

В данном примере мы обнаруживаем сразу три термина, во всех трех случаях переводчики используют один и тот же прием опущения, который в свою очередь приводит к большому количеству смысловых потерь, поскольку в переводе мы не видим разницу между двумя коллекциями. Переводчик проигнорировал предпереводческий анализ, который должен был ему помочь определиться с принадлежностью к дискурсу экспертного сообщества или дискурсу согласования. Еще один пример не совсем удачного перевода на наш взгляд: “In September 2016, Maison Margiela partnered with Barneys New York for its fall windows on Madison Avenue, creating four

vignettes to reflect the house's recent artisans and *ready-to-wear collections*”. ‘В сентябре 2016 Maison Margiela в сотрудничестве с Barneys New York использовала четыре витрины магазина на Мэдисон-авеню, чтобы с помощью зеркал и других приспособлений продемонстрировать свою *новую коллекцию*’.

Очень часто переводчику в рамках одного произведения приходится переходить от дискурса согласования к дискурсу экспертного сообщества и наоборот, особенно ярко это можно увидеть на примере перевода книги Лорен Вайсбергер «Дьявол носит Prada». В данном случае переводчику важно учитывать целевую аудиторию, с одной стороны, и замысел автора при создании персонажа, с другой.

Помимо этого нельзя забывать об изменчивости моды. Как уже было сказано, дискурс моды развивается по спирали, что не может не отразиться на конвенциональной норме перевода, которая напрямую зависит от Времени Культуры.

В своей работе «Конец знакомого мира» И. Валлерстайн пишет: «Изменения бесконечны. Ничего не меняется». Это высказывание ярко демонстрирует феномен цикличности моды, когда каждые 20–30 лет дизайнеры «возрождают» тенденции и веяния прошлого, усовершенствованные, видоизменённые, но сохранившие свой общий облик. Однако случается такое, что наименование этих видов одежды теряется в прошлом и спустя десятки лет вещь может вернуться в наши гардеробы, но уже с другим названием.

Приступая к переводу, мы традиционно задаем вопрос — на кого рассчитан перевод. Предпереводческий анализ текста помогает установить целевую аудиторию и принадлежность текста к определенному функциональному стилю. Однако, интернет-пространство, в которое мы все больше погружаемся, демонстрирует все более размытые границы привычных функциональных стилей. Появляются новые жанры, например блоги о путешествиях, моде, кулинарии и т.д. Именно поэтому видится целесообразным определить на начальном этапе перевода тип дискурса, а именно дискурс согласования или дискурс экспертного сообщества, чтобы в дальнейшем выбрать наиболее оптимальную стратегию.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

2. Вайсбергер Л. Дьявол носит Prada. М.: Изд-во АСТ, 2007. 360 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
4. Губина В. В. Топология современного русскоязычного дискурса моды в аспекте перевода с английского на русский язык: дис. ... канд. филол. наук; Моск. гос ун-т. им. Ломоносова. М., 2015. 275 с.
5. Долматовская Т. В. Феномен женского глянцевого журнала в российской культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии; Гос. инст. искусствозн. М., 2013. 29 с.
6. Каплуненко А. М. Концепт — понятие — термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: сб. науч. докл. междунар. конф. Иркутск, 2007. С. 3–12.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
8. Никитина О. Язык моды XVIII–XIX вв. в русском культурном быту: трудности перевода // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 5. С. 231–248.
9. Тюленев С. В. Теория перевода: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 336 с.
10. Тюрнева Т. В. Понятие vs термин: лингвoseмиотический // Современные исследования социальных проблем: сб. ст. Красноярск, 2017. С. 115–125.
11. Godart F. Unveiling fashion: business, culture, and identity in the most glamorous industry. N.Y.: Insead Business Press, Palgrave Macmillan, 2012. 208 p.
12. White C. Women's Magazines 1693–1968. London: Michael Joseph, 1971. 348 p.
13. Wood J. Magazines in the United States. N.Y.: The Ronald Press Company, 1971. 579 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, профессор, директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода при РГПУ им. А. И. Герцена; руководитель Стратегического центра развития переводческого образования в России при Российской академии образования, Москва, i.s.alexeeva@gmail.com

2. **Будаева Цындыма Львовна**, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, budaeva_21@mail.ru

3. **Васильева Акулина Александровна**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, vaaregevod@mail.ru

4. **Гавриленко Наталия Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, руководитель школы «Дидактика перевода», Российский университет дружбы народов, Москва, nngavrilenko@narod.ru

5. **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, кафедра перевода и переводоведения, Иркутский государственный университет, Иркутск, gorchkova_v@mail.ru

6. **Дашинимаева Полина Пурбуевна**, доктор филологических наук, профессор, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, pdash@bsu.ru

7. **Заровняева Сильвия Сергеевна**, старший преподаватель, кафедра английской филологии, Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», Мирный, silka86@mail.ru

8. **Зарубин Даниил Дмитриевич**, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, einfachzarubin@gmail.com

9. **Иванова Ольга Юрьевна**, кандидат культурологии, президент Союза переводчиков России, научный руководитель Института гуманитарных технологий, Российский новый университет, Москва

10. **Клюканов Игорь Ангелевич**, доктор филологических наук, профессор, Российский новый университет, Москва; Восточно-Вашингтонский университет, США, igorklyukanov@yahoo.com

11. **Куницына Евгения Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра перевода и переводоведения, Иркутский государственный университет, Иркутск kunitsyna@yandex.ru

12. **Манчурина Лидия Егоровна**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, manchurinale@mail.ru

13. **Марактаева Саяна Владимировна**, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, justsayana@gmail.com

14. **Находкина Алина Александровна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой перевода Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, aan-2010@yandex.ru

15. **Орбодоева Лариса Матвеевна**, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, orbodoeva@mail.ru

16. **Платицына Татьяна Владимировна**, кандидат культурологии, доцент, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, tplatitsyna1@gmail.com

17. **Разумовская Вероника Адольфовна**, кандидат филологических наук, доцент, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, veronica_raz@hotmail.com

18. **Ринчинова Дара Баировна**, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, daraginchinova@mail.ru

19. **Семенова Эржена Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, semenova@bsu.ru.

20. **Сухих Денис Александрович**, аспирант, Иркутский государственный университет, Иркутск, aldersein@icloud.com,

21. **Цыбикова Наталья Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, nata.tsibikova@mail.ru

22. **Шипицына Любовь Григорьевна**, учитель английского языка, Лингвистический центр Hello, Улан-Удэ, lyubikbel@mail.ru

23. **Щурик Наталья Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой перевода и переводоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, amistad@yandex.ru

Научное издание

ЭКОЛОГИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ПЕРЕВОД

*Материалы всероссийской онлайн-конференции,
посвящённой 15-летию кафедры перевода и межкультурной
коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков
Бурятского государственного университета
(Улан-Удэ, 30 сентября — 1 октября 2020 г.)*

Св-во о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Компьютерная верстка
Ж. В. Галсановой

Подписано в печать 25.11.20.
Формат 60 x 84 1/16. Усл. печ. л. 9,77.
Уч.-изд. л. 8,11. Заказ 162.

Издательство Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com